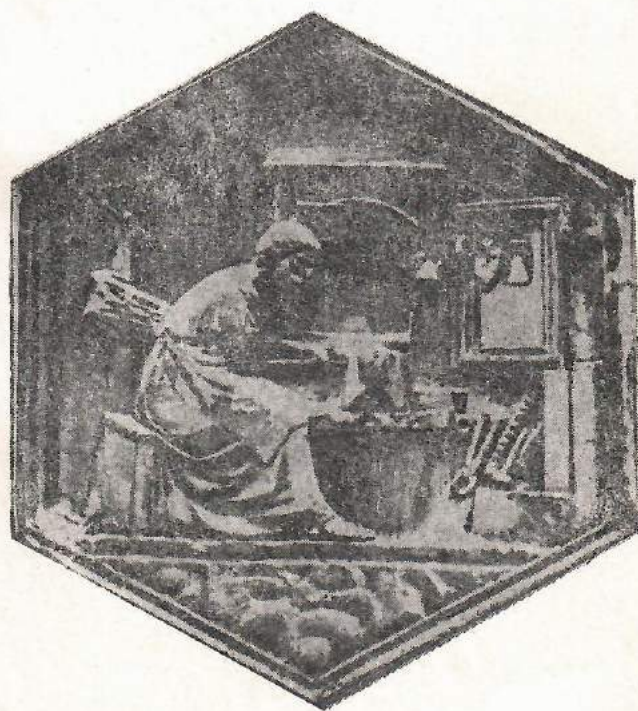

Средневековый город

Посвящается 70-летию
профессора
Соломона Моисеевича СТАМА

СГЭ
Кафедра
истории
медии

С. Силин

Средневековый город

Межвузовский научный сборник

Выпуск восьмой

Вопросы экономической и социальной истории,
классовой борьбы, культурного и идейного развития
в средневековых городах Франции, Италии, Англии,
Германии, Чехии XIII — начала XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1987

С23 СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД. Межвуз. науч. сб., вып. 8. Вопросы экономической и социальной истории, классовой борьбы, культурного и идейного развития в средневековых городах Франции, Италии, Англии, Германии, Чехии XIII — начала XVII века. Изд-во Саратов. ун-та, с. 176.

Сборник посвящен вопросам социально-экономической, политической и идейной истории средневекового города как одного из важнейших компонентов развитого феодального общества в Европе.

Выпуск включает статьи, посвященные таким проблемам, как переход от позднеантичного к раннесредневековому городу в Византии, освободительное движение средневековых горожан, роль городов в международных связях, положение различных социальных слоев в позднесредневековом городе, складывание купеческих компаний и приспособление аристократической верхушки к городской деловой жизни, вопросы зарождения колониалистской идеологии английского купечества, складывание социального самосознания формирующегося слоя буржуазии (Флоренция XIV—XV вв.), формирование политического мировоззрения и педагогических идей итальянских гуманистов, вопросы идейного содержания искусства Высокого Возрождения, некоторые вопросы историографии.

Для студентов, аспирантов, научных работников, учителей и всех интересующихся историей средних веков, историей города, историей культуры и искусства.

На обложке — рельеф «Кузнец» с колокольни Джотто во Флоренции

Редакционная коллегия:

доц. Н. И. Девятайкина (отв. секретарь), доц. В. А. Ермолаев, проф. А. А. Кириллова, проф. Г. Л. Курбатов, доц. Е. А. Москаленко, доц. Т. М. Негуляева, и. о. проф. А. И. Озолин, проф. С. М. Стам (отв. редактор), проф. В. В. Штокмар, доктор ист. наук, и. о. проф. М. М. Яброва, проф. В. А. Якубский.

Ответственный редактор выпуска — доктор ист. наук, и. о. проф. М. М. Яброва.

С. 0504020000—185
176(02) — 87 43—87

СТАТЬИ

ВИДНЫЙ СОВЕТСКИЙ МЕДИЕВИСТ (к 70-летию С. М. Стама)

Имя профессора Саратовского университета С. М. Стама произносится в научном мире с большим уважением.

Соломон Моисеевич родился в Казани, в семье рабочего-столяра. В школе увлекался историей, обществоведением, историей литературы, а также астрономией, рисованием. В девятом классе натолкнулся на книжечку Гельвеция и с этого времени погрузился в философию. Серьезно и основательно. Школа, в которой учился Стам, имела педагогический уклон, и поэтому после ее окончания Стам два года работал учителем в деревне: сначала — в начальных классах, а затем — в школе колхозной молодежи.

В 1932 г. Стам поступает в Московский историко-филологический институт. Собеседование с ним проводил И. С. Галкин — прекрасный человек и преподаватель. В лоно медиэвистики Стама увлек Е. А. Косминский — необычайной содержательностью своих лекций, пытливостью мысли, неустанным поиском ответов на сложные вопросы. Многие дали также лекции А. И. Неусыхина. Научным руководителем Стама — студента старших курсов, а затем аспиранта — становится С. Д. Сказкин, отличавшийся смелостью постановки научных вопросов (особенно это касалось идейно-исторической проблематики), тонкостью и глубиной обобщений, научной шедростью и большой сердечностью. Дружбу с учителем до самой его кончины его ученик Стам и поныне считает счастливым даром судьбы.

С. М. Стам с увлечением принял предложенную С. Д. Сказкиным тему кандидатской диссертации, посвященную миро-

воззрению Иоахима Флорского, одного из ярчайших мыслителей-еретиков средневековья, ибо эта тема отвечала тяготению начинающего исследователя одновременно к истории и философии.

Научно-исследовательскую работу Стама на время прервала война. С первых ее дней он в народном ополчении, затем — в войсках Западного фронта. В 1942 г. Главпур Красной Армии направил его в Забайкалье. В 1945 г. он участвовал в разгроме японских милитаристов. В 1946 г. возвратился в Москву. Там, в МГУ в 1947 г. он и защитил свою диссертацию.

Через два года С. М. Стама приглашают работать в Саратов — он стал заведующим воссозданной кафедрой истории средних веков университета. Дел было много. Соломон Моисеевич одновременно готовил и читал общие и специальные курсы, историографию, источниковедение, вел спецсеминары, руководил дипломниками, активно участвовал в общественной жизни.

С первых шагов научной деятельности С. М. Стам обнаруживает широкий диапазон интересов, сочетая глубокий анализ конкретных исторических данных с не менее глубоким теоретическим обобщением. Первые статьи впитали в себя результаты работы над кандидатской диссертацией¹. Затем он обращается к изучению основных закономерностей развития феодального строя² и к рассмотрению истории Реформации в Германии³. На страницах журнала «Вопросы истории» молодой ученый вступает в полемику об исторической сущности Реформации. Исходя из идей, выдвинутых Ф. Энгельсом, С. М. Стам рассматривает Реформацию в Германии как первую попытку буржуазной революции, кульминационным пунктом которой явилась Крестьянская война 1525 г.⁴ Эту точку зрения признали как советские историки, так и историки ГДР.

¹ См.: Стам С. М. Социальная сущность учения Иоахима Калабрийского. — В кн.: Научный ежегодник СГУ. Саратов, 1955; он же. К вопросу о социально-экономических основах господства религиозной идеологии при феодализме. — В кн.: Научный ежегодник Саратов. ун-та, 1958.

² См.: Стам С. М. К вопросу об основном экономическом противоречии феодализма. — Учен. зап. Саратов. ун-та, 1958, т. 66; он же. Ленин о крестьянском лозунге равенства в антифеодальной борьбе. — В кн.: Историко-географический сборник. Саратов, 1962.

³ См.: Стам С. М. О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии. — Учен. зап. Саратов. ун-та, 1954, т. 39.

⁴ См.: Стам С. М. Чем же в действительности была Реформация в Германии? — Вопр. истории, 1958, № 4.

Затем С. М. Стам увлекается проблематикой средневекового города. В статье «Движущие противоречия развития средневекового города»⁵ он дал анализ экономической структуры городского ремесла — экономической основы средневекового города. Мелкий масштаб производства, примитивность орудий труда, преобладание простого воспроизводства, потребительская направленность — все это сближало хозяйство ремесленника с крестьянским хозяйством. Но потребительские цели в деревне достигались ведением натурального хозяйства, в городе же — через рынок, то есть на основе товарного производства. Несходны и отношения к средствам производства: и тут, и там производитель соединен со средствами производства, однако по-разному. В деревне земля была собственностью феодала, крестьянин лишь наделялся ею на условии присвоения сеньором всей массы прибавочного труда. В городском ремесле земля не была основным условием производства, отношения надделения отсутствовали. Это вырывало хозяйство ремесленника из экономической зависимости от феодального землевладельца. Основные средства производства, сырье, готовый продукт здесь находились в собственности самого работника. Товарная природа и новые отношения собственности в городском ремесле делали его принципиально новым экономическим явлением, новым укладом самостоятельного простого товарного производства.

Это имело важнейшие социальные последствия. Новый уклад *требовал* свободы личности, времени, имущества товаровладельца, а объективная экономическая независимость торгово-промышленной деятельности горожан от феодального землевладения создавала возможность более или менее полного их освобождения от сеньориальной эксплуатации еще в рамках феодального общества. В городе, сбросившем иго сеньора в ходе коммунальной борьбы, власть меняла свое классовое содержание. Защищая интересы ремесла и торговли, она, как подчеркивал Ф. Энгельс, становилась силой антифеодальной. Известная полуфеодальная окрашенность некоторых черт городской жизни была неизбежной, отмечает С. М. Стам, ибо город развивался в рамках феодального общества. Но раствориться в феодально-поместной среде товаропроизводящий город не мог: он обеспечивал более быстрое возрастание богатства, нежели феодальное землевладение.

⁵ См.: Вопр. истории, 1965, № 7.

Статья вскрывает сложную диалектику городского развития в средние века. Автор считает, что в равной мере ненаучны попытки представить средневековый город как в качестве явления, абсолютно противоположного феодализму, так и в качестве явления вполне феодального, не стоящего в противоречии с феодальным эксплуататорским строем и, следовательно, гармонически ему соответствующего. Простое товарное производство не было явлением специфически феодальным, а город не являлся сферой собственно феодальных производственных отношений. Эта же противоречивость и вместе с тем принципиальная новизна городского развития исследуется в ряде последующих статей⁶.

Итоги многолетним научным изысканиям Стама подвела докторская диссертация, защищенная им в 1970 г. Книга Стама — крупное событие в советской исторической урбанистике⁷. Посвященная истории средневекового города в его ранний период, до сих пор слабо изученный в науке, на материале Тулузы, одного из ярчайших городов провансальского Юга Франции, она показала процесс возникновения средневекового города как результат глубоких экономических и социальных сдвигов в феодальном обществе X—XI веков: завершение закрепощения и упрочение системы поместной эксплуатации крестьянства, повышение продуктивности земледелия, заметный демографический подъем, крайнее дробление наделов, появление в вотчинах значительного «избыточного» — малоземельного и безземельного — населения. Выплеск этого населения — сервов, бежавших из поместий в поисках земли и свободы от сеньориальной эксплуатации, рассмотрен на обширном материале источников, освещающих процессы как внутренней колонизации, так и градообразования.

По сути дела, впервые в советской урбанистике было облечено конкретным историческим содержанием известное положение Маркса и Энгельса о том, что города средневековой Европы были заново образованы беглыми крепостными. Этот процесс рассмотрен на южнофранцузском материале, но

⁶ Стам С. М. Складывание социальной структуры средневекового города (XI—XIII вв.). — В кн.: Средние века. М., 1971, вып. 34; он же. Средневековый город и проблема возникновения нефеодальных форм собственности. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1974, вып. 2; его же. Некоторые тенденции в современной буржуазной историографии средневекового города. — В кн.: Средние века. М., 1975, вып. 38.

⁷ Экономическое и социальное развитие раннего города. (Тулуза XI—XIII веков). Саратов, 1969, 427 с.

характер исследования таков, что его результаты выходят за локальные рамки, дают возможность сопоставления с материалом других регионов Европы и широкого исторического обобщения.

Книга убедительно опровергла буржуазную теорию континуитета. Тулуза достигла значительного развития еще в римские времена, но ее средневековая история не была прямым продолжением античной: городская жизнь в ней пробудилась заново только в XI в. Интересно прослежен в работе сложный процесс складывания городского рынка; для его уяснения автору пришлось обратиться к анализу своеобразия феодальной эксплуатации в провансальском регионе.

Важное место в монографии заняла история городского ремесла: выявление процесса его зарождения и упрочения, менее всего отраженного в источниках, его роли в становлении города, выяснение причин замедленности и неполноты складывания в Тулузе цеховой системы — в условиях засилия в городе могущественного патрициата. В этой связи на материале тулузского сукноделния прослеживается рано развернувшаяся тенденция купеческого капитала к подчинению мелкого ремесла: уже в XIII в. здесь, как свидетельствуют источники, складывается система скупки изделий и раздачи сырья бедным ткачам купцами-суконщиками и даже появляются расширенные мастерские типа простой кооперации. Это вызвало сопротивление массы ремесленников, опиравшихся на цеховые союзы и стремившихся отстаивать свою экономическую самостоятельность.

Зачаточные капиталистические формы эксплуатации, возникшие в Тулузе в связи со значительным (но сравнительно кратковременным) расширением рынка сбыта продукции, уже в XIV в. расслаиваются, и цеховая система надолго входит в полную силу. Автору удалось на конкретном материале раскрыть внутреннюю противоречивость простого товарного производства, порождавшего противоположные тенденции — как к расширению, так и к консервации существующих форм и объемов производства.

Не менее интересны наблюдения над необычайно бурным в средневековой Тулузе развитием мукомольного промысла, появлением в нем уже в XII в. паевых товариществ. Это позволило привлечь в мукомольное дело крупные средства, перегородить Гаронну плотинами, возвести огромные по тем временам городские мельницы и одержать победу над поместным мукомольем. Компании добились резкого сокращения

сеньориальных платежей за держание земли и воды; стало выгоднее быть владельцем пая, феодалом, нежели сеньором, и порою сеньоры, земле- и водовладельцы, сами вступали в мельничные товарищества, превращаясь в собственных держателей — лишь бы получить доступ к доходам от мельничного дела.

Специальная глава книги посвящена социальной структуре Тулузы. Важное место в ней занимает проблема тулузского патрициата. На богатейшем фактическом материале раскрывается внутренняя противоречивость этой социальной группы: городские землевладельцы, используя широкий приток населения, постепенно превращались в домовладельцев, дробя городские усадьбы для усиленной застройки. В то же время они активно вовлекались в торгово-промысловую деятельность. Вместе с тем быстрое развитие ремесел и торговли способствовало появлению нового слоя толстосумов, чье богатство выросло на торговом обороте. Этот слой тоже в какой-то мере обрастал землевладением, превращаясь в патрициат, но к городским условиям эта новая генерация патрициата была приспособлена гораздо больше старых фамилий, которые постепенно оттесняются «новым патрициатом».

Исследование особенностей городского товарного производства, взаимодействия города и феодального государства, влияния города на эволюцию социальной структуры феодализма и других аспектов истории средневекового города продолжается в статьях последних лет⁸.

Исходя из основополагающих идей Маркса, Энгельса, Ленина, С. М. Стам разработал цельную концепцию происхождения и развития средневекового города. Коротко вот ее суть: средневековый город был вызван к жизни подъемом производительных сил земледелия и развитием противоречий феодализма, того внутривотчинного антагонизма, который в XI веке привел к значительному бегству из поместий крестьянской бедноты. Но, будучи порожденным феодальной вотчи-

⁸ Sтам S. M. Die ökonomischen Grundlagen der Herausbildung und Entwicklung der mittelalterlichen Stadt in West- und Mitteleuropa.— In: Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Berlin (DDR), 1978, Bd. 2.; Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города.— В кн.: Средневековый город. Саратов, 1981, вып. 6; К проблеме города и государства в раннеклассовом и в феодальном обществе.— В кн.: Город и государство в древних обществах. Л., 1982; О ленинской концепции простого товарного производства и его роли в подготовке капитализма.— В кн.: Средневековый город. Саратов, 1983, вып. 7.

ной, город не стал ее повторением или разновидностью. Антифеодалная тенденция, заложенная в экономике средневекового города, в качественной новизне уклада самостоятельного мелкотоварного производства, вызвала к жизни и освободительную борьбу горожан, и антицерковные ереси, и оппозиционную феодализму городскую культуру. Однако эта антифеодалность была ограниченной. Силой обстоятельств город приспособлялся к феодальной среде, но не растворялся в ней. Феодальная деревня вынуждена была гораздо глубже приспособляться и перестраиваться под воздействием города. С феодально-поместным окружением город был сопряжен сложными диалектическими отношениями освободительной борьбы, взаимовлияния и взаимопроникновения. Ведущей силой в этом взаимодействии — и чем дальше, тем более — был город. Только учитывая это, можно понять, почему именно в лоне города зародились капиталистические отношения, в дальнейшем приведшие к разрушению феодализма.

Наряду с историей города С. М. Стам много работает в области изучения идеологии и культуры Возрождения. Большой интерес вызвала его теоретическая статья по этой проблеме, рассматривающая ряд дискуссионных вопросов⁹. Автор считает, что Возрождение — это не синоним эпохи в целом, а обозначение конкретного культурного движения, стержнем которого была гуманистическая идеология, а социальной почвой — ранний капитализм, возникавший в передовых городах Италии. Промышленный капитал, нуждавшийся в экспроприированных свободных рабочих, требовал разрушения самых основ феодализма. Здесь и крылась экономическая необходимость антифеодалной революционности зарождавшейся промышленной буржуазии. Главным движущим импульсом всей гуманистической культуры была ее освободительная направленность.

Вместе с тем автор доказывает, что идеологи передового класса вдохновлялись не буржуазным своекорыстием, а лучшими, освободительными, творчески перспективными возможностями, которые содержались в экономической и социально-преобразующей деятельности нового класса. В ренессансном гуманизме буржуазность тесно переплетена с народностью, поскольку тогда буржуазия выступала против феодализма от имени всего народа, всех антифеодалных сил.

⁹ Стам С. М. Культура Возрождения: вопросы содержания, эволюции, периодизации.— *Вопр. истории*, 1977, № 4.

Ренессансный индивидуализм означал прежде всего укрепление человека от феодально-сословной и религиозной нивелировки и приниженности, выражал подъем чувства личности, поиски пути к совершенному, гармоничному существованию человечества через гармоничную личность — свободную, всесторонне развитую и активную. Вместе с тем, Стам отвергает буркхардтовское понимание индивидуализма как главной черты гуманистического мировоззрения. Такой чертой, по его мнению, является антропоцентризм. Идея о человеке как мере всех вещей, центре и цели сущего и явилась стержнем новой идеологии, сделав гуманизм оригинальной философской системой, самостоятельной и по-своему цельной. Этот тезис полемически направлен против отрицания философской новизны гуманизма и против преувеличения роли античной философии, особенно неоплатонизма, в формировании этой идеологии.

В другой статье по этой проблематике ставится вопрос о соотношении гуманизма и Реформации¹⁰. По мнению автора, известная близость данных явлений не должна заслонять принципиально различной направленности двух идейных систем. Гуманисты были убеждены во всемогуществе разума, реформаторы ставили над ним веру; гуманисты вдохновлялись светом античной мудрости — реформаторы отвергали ее. С разных позиций критиковалась ими схоластика. Гуманисты были убеждены в высоких достоинствах человека, ненавидели аскетизм, игнорировали коренные религиозные догмы — Лютер и реформаторы исходили из идеи «первородной» испорченности человеческой природы, в известной степени сохраняли аскетизм, покаяние, самоуничтожение, страх, покорность как этические нормы. Человек объявлялся слугой бога, спасение — только в потустороннем мире, равенство — лишь во Христе.

С другой стороны, автор не принимает односторонней расхожей версии о социальной индифферентности гуманизма. Важен общий вывод статьи: гуманизм явился первым цельным проявлением свободомыслия, поразительно ранним рывком к свободному от теологии антифеодалному мировоззрению.

¹⁰ Стам С. М. Гуманизм и церковно-реформационная идеология.— В кн.: Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981.

Много интересных наблюдений, новых оценок, глубоких суждений содержится в следующей работе С. М. Стама¹¹. Из анализа ряда сочинений итальянских мыслителей от Петрарки до Манетти в ней раскрывается содержание ренессансного индивидуализма и антропоцентризма, понимание гуманистами достоинства, благородства, добродетели, их отношение к труду, к бедности и богатству, к знанию и к религии. Раскрывается вопрос о классовых позициях гуманистов, об их критике феодального общества, о внутренних противоречиях ренессансного гуманизма. В воззрениях гуманистов выявляется начало материалистической тенденции, к которой объективно вел поворот от вымышленного сверхнатурального мира к реальному миру человека и природы. Наконец, весьма плодотворны авторские соображения относительно текста и подтекста сочинений гуманистов, видимости и сущности их суждений, о становлении гуманизма в идейной борьбе.

Давно интересует Стама проблема идейного содержания творчества крупнейших художников итальянского Возрождения, та сторона искусства, которая до сих пор не привлекла еще к себе должного внимания. Многолетние исследования он стал реализовывать в 70-е гг. в ряде статей. В первой из них¹² анализируется содержание одной из самых «загадочных» картин Леонардо да Винчи — «Иоанн Креститель». Убедительно раскрыта двусмысленность этого образа, обличающего религиозный аскетизм. Чтобы понять истоки замысла Леонардо, Стам обращается к другим работам художника, в которых фигурирует Иоанн Креститель, более всего — к «Мадонне в гроте». Страницы, посвященные анализу этой картины, написаны блестяще — и по глубине анализа и по форме изложения мысли. Исследователь приходит к выводу, что под видом божественной мистерии Леонардо раскрыл драму, навязанную человечеству религией, которая противоречит животворящим силам природы и естественным чувствам человека.

¹¹ Стам С. М. Ведущие идеи итальянского гуманизма.— В кн.: Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. источников/Пер. с лат. и коммент. Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой. Саратов, 1985, вып. 1. Вводная статья.

¹² Стам С. М. К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи («Иоанн Креститель»).— В кн.: Средневековый город. Саратов, 1975, вып. 3.

Другая статья Стама обращена к незаконченному «Поклонению волхвов» Леонардо¹³. Исследователь пытается понять тайны этой сложной картины и причины, из-за которых художник не закончил своего замечательного творения. Внимательно вглядываясь в идейную атмосферу Флоренции начала 80-х гг. XV в., он доказывает, что возобладавший в ней дух неоплатонизма был чужд художнику. Его метод познания, опирающийся на опыт, и рациональное осмысление природы пренебрегались, третировались элитой медичейской Академии. В создавшейся обстановке Леонардо не мог продолжать свои научные исследования. Не мог он окончить и «Поклонение волхвов», над которым работал около двух лет. Тщательно проанализировав подготовительные рисунки к картине, дошедшие до нас скудные высказывания самого художника, Стам дает оригинальное и глубокое истолкование «Поклонения» как бесстрашного обличения религиозного фанатизма; обожествление породило фанатическое ослепление и принесло величайшие бедствия для человечества. Эта неслыханно смелая картина могла переполнить чашу возмущения Лоренцо Медичи и его окружения. Тем самым более или менее почетное изгнание Леонардо из Флоренции было предопределено.

Пристальное изучение творчества другого титана Возрождения — Микельанджело — привело Стама к убеждению, что оно также испытало могучее воздействие идей леонардовского свободомыслия¹⁴. Это ярко проявилось в двух великолепных мраморных круглых рельефах (тондо) «Мадонна Таддеи» и «Мадонна Питти», в знаменитом живописном тондо Микельанджело «Мадонна Дони», а также в некоторых исключительно смелых его рисунках, где с максимальной глубиной и силой отвергается аскетическая идея страдания и жертвенности, связанная с образом Иоанна Крестителя. Горячо, взволнованно раскрывая смысл творений неистового Буонарроти, Стам подводит читателя к пониманию того, что прорывавшаяся смелость мысли Леонардо неудержимо влекла к себе Микельанджело и что это влияние было глубоко плодотворно.

Давно и сосредоточенно изучает С. М. Стам содержание творчества третьего из корифеев Высокого Возрождения —

¹³ Стам С. М. К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи («Поклонение волхвов»). — В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978, вып. 2.

¹⁴ Стам С. М. Микельанджело и Леонардо. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1978, вып. 4.

Рафаэля. Его книга «Флорентийские мадонны Рафаэля»¹⁵ — первая в литературе попытка специального исследования этого предмета. Автор выявляет объективное содержание того качественного скачка, который пережило искусство молодого художника во Флоренции: свойственная ему чарующая гармония проникается нарастающим драматизмом; причем сильнее всего этот драматизм звучит там, где в картину вводится образ Иоанна Крестителя («Мадонна на лугу», «Мадонна со щегленком», «Прекрасная садовница»). Нельзя не согласиться с автором: такие совершенные плоды смелой мысли могли созреть только в социальном и культурном климате Флорентийской республики. И под благотворным воздействием идей Леонардо и Микельанджело. С. М. Стам убедительно показывает, что молодому урбинцу был внят голос леонардовского свободомыслия. Философски насыщенное искусство великого венецианца способствовало быстрому возмужанию гения Рафаэля, идейному обогащению его творчества. Уже во флорентийских мадоннах Рафаэль развенчивает ложный соблазн религиозной жертвенности и аскетизма, прославляет гордого человека среди вольной природы, раскрывает поэтическую красоту земного бытия, глубоко человеческой радости материнства. Монументальность, героичность образов, внутренний драматизм рафаэлевской гармонии — вот важнейшие завоевания этого периода творчества художника, нашедшие свое дальнейшее развитие в его лучших римских творениях, в несравненной «Сикстине» и в последней картине «Преображение».

Этому идейно насыщенному, но до сих пор непонятому творению Рафаэля С. М. Стам посвятил одну из своих новых статей¹⁶. 250 лет не прекращаются споры вокруг «Преображения». Одни ею восхищаются, другие проклинаят. Клерикалы стараются доказать ее правоту, но неизменно оговариваются: все-таки это великая загадка. С. М. Стам изучил обширную литературу об этой картине, накопившуюся в различных странах. Но главное, он, во-первых, предпринял тщательный анализ ее контрастной структуры, затем — обеих

¹⁵ Стам С. М. Флорентийские мадонны Рафаэля (Вопросы идейного содержания). Саратов, 1982. (Книга была признана лучшей публикацией года на конкурсе научных работ Саратовского университета).

¹⁶ Стам С. М. «Преображение» Рафаэля. — Наука и религия, 1983, № 7, 8. (Статья была отмечена журналом в числе лучших публикаций года).

частей композиции, смыслового содержания каждой группы и каждого образа; и, во-вторых, вставил эту картину в исторические рамки породившей ее эпохи — эпохи великих социально-религиозных потрясений во всей Европе и кризиса ренессансного гуманизма в Италии. Тогда и раскрылся смысл переполняющего картину драматизма, раскрылись боль и гнев великого художника-гуманиста. Перед лицом грандиозной драмы своей эпохи нежный лирик Рафаэль выступил как трибун и пророк. Он не побоялся бросить обвинение в лицо сытой и равнодушной церкви, неспособной, да и не желающей помочь народу, и, впервые в истории Возрождения, с горячим сочувствием вывел на первый план народ, простолюдинов, как массу страдающую, но борющуюся, требующую справедливости. Последняя картина Рафаэля, его духовное завещание, явилось не только совершенно новым словом в искусстве художника, но и неслыханно смелой попыткой проложить гуманизму новые пути в будущее.

С. М. Стам продолжает исследовать идейное содержание искусства Высокого Возрождения. Будем надеяться, что итогом этих исследований явится новая книга.

Времени профессору Стаму катастрофически не хватает. Потому что он и педагог, и лектор, отдающий много сил этой стороне своей многогранной деятельности. Его лекции и студентам, и начинающим преподавателям всегда слушают с живым интересом. Они увлекают в самую гущу научных поисков новизной материала, постановкой новых вопросов, актуальностью, логикой, глубоким анализом. Внешне С. М. читает неброско, даже чуть-чуть строго, но за каждой фразой — поиск истины. И всегда он говорит больше, чем отмерено лекционными часами. Как-то в студенческой стенгазете появились стихи:

Никто не слушает звонка,—
На кафедре — поэт.
Продлить бы средние века
Еще на триста лет!

Столь же ощутимо педагогическое мастерство Стама раскрывается в специальных семинарах, где он часами читает со студентами исторические источники, учит проникать в их суть, улавливать не только текст, но и подтекст, обоснованно обобщать полученные данные. Долго и горячо обсуждаются студенческие доклады, одобряется всякое обоснованное свежее слово, поддерживается всякая интересная мысль. А в заключение — обязательно веское и глубокое слово руководителя

семинара, как итог, как побуждение к дальнейшим поискам. С этой же целью — многие заметки, подсказки, вопросы на полях скромных студенческих курсовых работ. Найди ответы — и тема освоена. Правда, у руководителя и к «готовой» работе не меньше новых вопросов.

С. М. Стам возглавляет научный семинар при кафедре, где постоянно читаются доклады, обсуждаются новые статьи, итоги конференций, в которых участвуют члены кафедры. Не меньше внимания — и методическому совершенствованию учебного процесса. Бывает профессор на лекциях, на практических занятиях у сотрудников кафедры, много помогает молодым преподавателям. Неопеннимо его участие в научных изысканиях членов кафедры: пожалуй, не найдется ни одной статьи, ни одной книги, предложенной для обсуждения, которую бы тщательно он не прочитал, не обдумал и не поделился бы потом возникшими соображениями и идеями с коллегами. Он постоянно имеет аспирантов и соискателей, под руководством заведующего кафедрой половина ее сотрудников подготовила и успешно защитила диссертации. Стали доцентами его ученики В. И. Осипов, Т. М. Негуляева, М. Е. Карпачева, Н. И. Девятайкина, Т. С. Никулина, подготовил диссертацию В. А. Постников. Ценны его советы и для предшественников старшего поколения кафедры — А. И. Озолина, М. М. Ябровой, так же как и их советы — для него самого. Нам, ученикам Соломона Моисеевича, хотелось бы сказать от всей души: сколько внимания мы получаем от него, сколько идей, сердечного тепла! И как важно, что в нашем коллективе сложился климат доверия, взаимопомощи, товарищеской требовательности.

Научный авторитет Стама и возглавляемой им кафедры позволил организовать издание в Саратовском университете межвузовского научного сборника «Средневековый город», пользующегося доброй славой среди медиевистов. Восемь выпусков уже увидели свет. Соломон Моисеевич увлеченно несет груз ответственного редактора, отдает сборнику много сил и времени, привлекая к участию в нем не только ученых Саратова, но и Москвы, Ленинграда, Донецка, Иванова, Риги, Куйбышева, Южно-Сахалинска, других городов нашей страны.

Многие авторы сборника приняли активное участие в большом межвузовском симпозиуме по истории средневекового города, который был организован кафедрой истории средних веков СГУ во главе с профессором Стамом в 1977 г.

В декабре 1983 г. кафедра провела научную сессию по проблемам истории средневекового города, культуры Возрождения и идеологии ренессансного гуманизма, в работе которой приняло участие 17 ученых из различных вузов страны.

С. М. Стам — участник Международного конгресса по экономической истории в Ленинграде (1970), XIII Международного конгресса по историческим наукам в Москве, всесоюзных конференций по проблемам генезиса феодализма, развития средневекового города, генезиса капитализма; научных чтений, посвященных Е. А. Косминскому и С. Д. Сказкину; на первой всесоюзной конференции по истории Возрождения (1975) С. М. Стам выступил с основным докладом.

На историческом факультете С. М. Стам руководит методологическим семинаром преподавателей, он неоднократно избирался членом и секретарем партбюро.

Многолетний плодотворный труд ученого, педагога, руководителя кафедры, редактора научного сборника, общественника отмечен многими благодарностями, почетными грамотами, медалями.

Сегодня Соломон Моисеевич Стам находится в золотой поре творческой зрелости. Можно надеяться, что еще многие годы он будет радовать своих читателей новыми книгами, вырастит новых учеников, по-прежнему щедро делясь с коллегами своими знаниями и душевным теплом.

Н. Девятайкина, Т. Негуляева

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА С. М. СТАМА

Монографии

1. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII веков). Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1969, 429 с.
2. Флорентийские мадонны Рафаэля (Вопросы идейного содержания). Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1982, 80 с.

Статьи

3. О некоторых вопросах истории Реформации и Крестьянской войны в Германии.— Учен. зап. Саратов. ун-та, Саратов. книжное изд-во, 1954, т. 39, с. 293—322.
 4. Социальная сущность учения Иоахима Калабрийского.— Науч. ежегодник Саратов. ун-та за 1954 г. Саратов, изд-во «Коммунист», 1955, с. 130—133.
 5. О некоторых экономических закономерностях феодализма.— Науч. ежегодник Саратов. ун-та за 1954 г. Саратов, изд-во «Коммунист», 1955, с. 127—130.
 6. (Об основном экономическом законе феодализма). Выступление в дискуссии. Изложено в «Кратком обзоре статей об основном экономическом законе феодализма».— Вopr. истории, 1955, № 2, с. 85—86.
 7. Чем же в действительности была Реформация в Германии.— Вопросы истории, 1958, № 4, с. 100—113.
 8. К вопросу об основном экономическом противоречии феодализма.— Учен. зап. Саратов. ун-та, Саратов. книжное изд-во, 1958, т. 66, с. 264—277.
 9. К вопросу о социально-экономических основах господства религиозной идеологии при феодализме.— Науч. ежегодник Саратов. ун-та за 1955 г. Саратов, изд-во «Коммунист», 1958, с. 85—91.
 10. Учение Иоахима Калабрийского.— В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. М., изд-во АН СССР, 1959, вып. 7, с. 328—360.
- Статья переведена на японский язык и опубликована в Ежегоднике Института гуманитарных наук при университете Сэнсю, Токио: Карабурия-но Ёакиму-но кёсэцу.— В кн.: Дзинбункагаку-нэнпо. Токио, 1972, № 2, март, с. 65—142.

11. В. И. Ленин о крестьянском лозунге равенства в антифеодальной борьбе.— В кн.: *Историографический сборник*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1962, с. 52—63.

12. Об одном реакционном течении в современной французской историографии средневекового города и о проблеме городского патрициата.— В кн.: *Средние века*. М., изд-во АН СССР, 1964, вып. 25, с. 299—310.

13. Движущие противоречия развития средневекового города.— *Вопросы истории*, 1965, № 7, с. 93—105.

14. Складывание городского рынка средневековой Тулузы (продовольственные товары).— В кн.: *Средневековый город*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1968, с. 3—60.

15. Возникновение городского патрициата средневековой Тулузы.— В кн.: *Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1968, с. 35—73.

16. Складывание социальной структуры средневекового города (XI—XIII вв.) — Тезисы докладов на Всесоюзной конференции по спорным проблемам истории античного и средневекового города. Л., изд-во ЛГУ, 1968, с. 48—61.

17. (Проблема происхождения средневековых городов и критика континуитивизма). Выступление на научной сессии по проблеме генезиса феодализма. (Москва, АН СССР, 30 мая — 3 июня 1966 г.) — В кн.: *Средние века*. М., Наука, 1968, вып. 31, с. 94—98.

18. (Разложение феодализма и проблема истоков абсолютизма). Выступление на научной сессии 11—13 мая 1966 г.— В кн.: *Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма*. М., Наука, 1969, с. 150—157.

19. Тулузский патрициат в XII—XIII вв.— В кн.: *Средние века*. М., Наука, 1969, вып. 32, с. 156—182.

20. О построении и методике общих лекционных курсов по историческим дисциплинам на заочном отделении.— В кн.: *Заочное университетское образование*. М., Изд-во МГУ, 1969, вып. 4, с. 15—22.

21. Складывание социальной структуры средневекового города (XI—XIII вв.).— В кн.: *Средние века*. М., Наука, 1971, вып. 34, с. 256—273.

22. Борьба за городской соляной рынок в Тулузе в XI—XII вв.— В кн.: *Европа в средние века: экономика, политика, культура*. М., Наука, 1972, с. 101—115.

23. Средневековый город и проблема возникновения не-

феодальных форм собственности.— В кн.: *Средневековый город*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1974, вып. 2, с. 3—45.

24. Некоторые тенденции в современной буржуазной историографии средневекового города.— В кн.: *Средние века*. М., Наука, 1975, вып. 38, с. 72—83.

25. К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи («Иоанн Креститель»).— В кн.: *Средневековый город*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1975, вып. 3, с. 107—141.

26. Культура Возрождения: вопросы содержания, эволюции, периодизации.— *Вопросы истории*, 1977, № 4, с. 75—93.

27. Die ökonomischen Grundlagen der Herausbildung und Entwicklung der mittelalterlichen Stadt in West- und Mitteleuropa.— In: *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*. Berlin, Akademie-Verlag, 1978, Bd. 2, S. 73—100.

28. К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи («Поклонение волхвов»).— В кн.: *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества*. Л., изд-во ЛГУ, 1978, вып. 2, с. 118—142.

29. Микельанджело и Леонардо.— В кн.: *Средневековый город*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1978, вып. 4, с. 115—164.

30. Конференция, посвященная Томасу Морю (Москва, АН СССР, май 1978).— В кн.: *Средневековый город*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1978, вып. 5, с. 189—192 (в соавторстве с М. М. Ябровой).

31. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города.— В кн.: *Средневековый город*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1981, вып. 6, с. 3—19.

32. Гуманизм и церковно-реформационная идеология.— В кн.: *Культура эпохи Возрождения и Реформации*. Л., Наука, 1981, с. 29—39.

33. К проблеме города и государства в раннеклассовом и феодальном обществе.— В кн.: *Город и государство в древних обществах*. Л., изд-во ЛГУ, 1982, с. 95—106.

34. О ленинской концепции простого товарного производства и его роли в подготовке капитализма.— В кн.: *Средневековый город*. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1983, вып. 7, с. 3—21.

35. «Преображение» Рафаэля.— *Наука и религия*. 1983, № 7, с. 40—47; № 8, с. 53—58.

36. Ведущие идеи итальянского гуманизма.— В кн.: *Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сборник текстов/Пер. с латинского и комментарий Н. В. Ревякиной, Н. И. Де-*

вятайкиной, Л. М. Лукьяновой. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1985, с. 4—74.

37. Высокое Возрождение: идейное содержание, социальные истоки, общественное значение. — В кн.: Культура Возрождения и общество. М., Наука, 1986, с. 110—119.

37 а. Проблема соотношения земного и небесного в зрелом творчестве Рафаэля («Св. Цецилия»). — В кн.: Средневековый город. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, вып. 8, с. 74—98.

Рецензии

38. Заметки об учебнике «История средних веков», т. 1. — Вопросы истории, 1954, № 6, с. 156—160.

39. А. А. Сванидзе. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV вв.) М., Наука, 1967. — Средние века, 1973, вып. 36, с. 221—227.

40. А. В. Муравьев, В. В. Самаркин. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа в V—XVIII вв.). М., 1973. — Вопросы истории, 1974, № 4, с. 151—155.

41. А. И. Неусыхин. Проблемы европейского феодализма. М., Наука, 1974. — Вопросы истории, 1975, № 8, с. 175—179.

42. Н. В. Ревякина. Проблема человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV вв. М., Наука, 1977. — Вопросы истории, 1979, № 5, с. 168—171 (в соавторстве с Н. И. Девятайкиной).

Рецензии по заказам издательства «Высшая школа»

43. История средних веков, т. 1/Под ред. С. Д. Сказкина. М., Высшая школа, 1977.

44. Л. М. Брагина. Итальянский гуманизм. М., Высшая школа, 1977.

Энциклопедические статьи

а) *Дипломатический словарь*. М., 1948, т. 1.

45. Богдо-геген, стб. 260—262.

46. Бонхэм, стб. 277—278.

47. Ван Цзин-вей, стб. 330—333.

48. Далай-лама XIII, стб. 534—536.

49. Даурская конференция, стб. 539—541.

50. Дуань Ван-Е, стб. 609—610.

51. Дуань Ци-жуй, стб. 610—612.

52. Е Мин-шень, стб. 635—636.

53. Жербильон, стб. 647.

54. Канси, стб. 741—743.

55. Кохонг, стб. 830—831.

б) *Дипломатический словарь*. М., 1950, т. 2

56. Ли — Фурнье конвенция 1884, стб. 41—42.

57. Лхасский договор 1904, стб. 80—81.

58. Нельсона миссия, стб. 235—236.

59. Пекинская конвенция, стб. 343—344.

60. Русско-китайская декларация, 1913, стб. 543.

61. Русско-китайско-монгольское соглашение 1915, стб. 543—544.

62. Русско-монгольское соглашение 1912, стб. 544—545.

63. Симонсекский мирный договор 1895, стб. 617—619.

64. Советско-монгольские договоры 1921, 1934, 1936, стб. 713—715.

65. Сухэ-Батор, стб. 782—783.

66. Таньцзиньский договор 1885, стб. 839.

67. Чифуская конвенция 1876, стб. 942—943.

68. Чойбалсан, стб. 944.

69. Японо-китайская конвенция 1885, стб. 983.

в) *Большая Советская энциклопедия*, издание 2-е

70. Иннокентий III, М., 1953, т. 18, с. 172, б. п.

71. Иннокентий IV. — Там же, с. 172, б. п.

72. Иоахим Флорский. — Там же, с. 342, б. п.

73. Канонизация. М., 1953, т. 20, с. 17, б. п.

74. Каноны. — Там же, с. 19, б. п.

75. Колет. М., 1953, т. 21, с. 603, б. п.

76. Матурины. М., 1954, т. 26, с. 537, б. п.

77. Мельхиориты. М., 1954, т. 27, с. 129, б. п.

78. Меннониты. — Там же, с. 153—154, б. п.

79. Минь. — Там же, с. 558, б. п.

80. Николаиты. М., 1954, т. 30, с. 8, б. п.

81. Орлеан. М., 1955, т. 31, с. 198, б. п.

82. Раймунд VI. М., 1955, т. 35, с. 653, б. п.

83. Раймунд VII. — Там же, с. 653, б. п.

84. Сektантство. М., 1955, т. 38, с. 399—400, б. п.

85. Септимания. — Там же, с. 534, б. п.

86. Сервет. — Там же, с. 559, б. п.

87. Сервы. — Там же, с. 562—563, б. п.

88. Симония. М., 1956, т. 39, с. 67, б. п.

89. Соборное движение.— Там же, с. 461, б. п.
90. Соборы церковные.— Там же, с. 462, б. п.
91. Терциарии. М., 1956, т. 42, с. 363, б. п.
92. Тулузское графство. М., 1956, т. 43, с. 373, б. п.
93. Тулузское королевство.— Там же, с. 373, б. п.
94. Флагелланты. М., 1956, т. 45, с. 226, б. п.
95. Фома Кемпийский.— Там же, с. 286, б. п.
96. Франциск Ассизский.— Там же, с. 436, б. п.
97. Францисканцы.— Там же, с. 436—437, б. п.
98. Хилназм. М., 1957, т. 46, с. 147, б. п.

г) *Большая Советская энциклопедия, издание 3-е*

99. Альбигойцы. М., 1970, т. 1, с. 470, б. п.
100. Бонавентура. М., 1970, т. 3, с. 551.
101. Ереси. М., 1972, т. 9, с. 92—93.
102. Катары. М., 1973, т. 11, с. 525.
103. Коммунальное движение. М., 1973, т. 12, с. 520.
104. Симония. М., 1976, т. 23, с. 400, б. п.

д) *Философская энциклопедия*

105. Бернар Клервоский. М., 1960, т. 1, с. 151.
106. Бонавентура.— Там же, с. 183.
107. Гильом де Сент-Амур.— Там же, с. 369.
108. Гуго Сен-Викторский.— Там же, с. 411.
109. Дюбуа Пьер. М., 1962, т. 2, с. 94.
110. Иоахим Флорский.— Там же, с. 309—310.
111. Ланфранк. М., 1964, т. 3, с. 146—147.
112. Провиденциализм. М., 1967, т. 4, с. 377 (в соавт. с И. Коном).
113. Ришар Сен-Викторский.— Там же, с. 513—514.
114. Сен-Викторская школа.— Там же, с. 581.

е) *Советская Историческая энциклопедия*

115. Аквитания. М., 1961, т. 1, стб. 304—305, б. п.
 116. Ереси. М., 1964, т. 5, стб. 501—505.
- Статья переведена на японский язык: Ероппа-но итангай-кан.— В кн.: Дзинбункагаку-кэнкюдзэ-гаппо. Токно, 1971, № 16, с. 14—21.
117. Катары. М., 1965, т. 7, стб. 103—104.
 118. Коммунальное движение.— Там же, стб. 577—580.
 119. Мистика средневековая. М., 1966, т. 9, стб. 498—499.
 120. Септимания. М., 1969, т. 12, стб. 779.

Научное редактирование

121. Чайлд Г. Прогресс и археология. М., изд-во Иностранная литература, 1948, 175 с.
 - 121 а. Форман Г. В новом Китае. М., изд-во Иностранная литература, 1948.
 122. Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII вв. М., изд-во Иностранная литература, 1949, 393 с.
 123. Биссон Г. А. Военная экономика Японии. М., изд-во Иностранная литература, 1949, 298 с.
 124. Яброва М. М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1966, 134 с.
 125. Яброва М. М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI в.). Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1983, 230 с.
 126. Аспирантский сборник (история средних веков). Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1966, вып. 3, 110 с.
 127. Средневековый город. Сб. статей. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1968, 183 с.
 128. Средневековый город. Межвуз. науч. сб., Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1974, вып. 2, 208 с.
- Рец.: Новая и новейшая история, 1976, № 2, с. 195—196. (А. А. Сванидзе).
129. Средневековый город. Межвуз. науч. сб., изд-во Саратов. ун-та, 1975, вып. 3, 230 с.
 130. Средневековый город. Межвуз. науч. сб., Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1978, вып. 4, 215 с.
 131. Средневековый город. Межвуз. науч. сб., изд-во Саратов. ун-та, 1978, вып. 5, 199 с.
- Рец.: (на пять выпусков). Сванидзе А. А. Проблемы истории средневекового города в тематическом межвузовском сборнике.— Средние века. М., Наука, 1982, вып. 45, с. 317—326.
132. Средневековый город. Межвуз. науч. сб., Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1980, вып. 6, 190 с.
- См. обзор докладов и сообщений, положенных в основу материалов сборника: А. А. Сванидзе. Проблемы истории и историографии средневекового города.— Вопросы истории, 1978, № 3, с. 118—122;
- О. И. Варьяш. Симпозиум по проблемам истории и исто-

риографии средневекового города, Саратов, 1977 — Средние века, М., Наука, 1978, вып. 42, с. 361—362.

133. Средневековый город. Межвуз. науч. сб., изд-во Саратов. ун-та, 1983, вып. 7, 160 с.

134. Средневековый город. Межвуз. науч. сб., Саратов, изд-во Саратов. ун-та, вып. 8.

135. Методическое пособие по истории средних веков/Сост. Т. М. Негуляева. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1967, 48 с.

136. Методическое пособие по истории средних веков/Сост. Н. И. Девятайкина. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1974, 60 с.

137. Методическое пособие по истории средних веков/Сост. Н. И. Девятайкина. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1977, вып. 2, 71 с.

138. Методическое пособие по истории средних веков/Сост. Н. И. Девятайкина. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, вып. 3, 5,5 печ. л. (находится в печати).

139. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов/Пер. с лат. и комментарий Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1985, вып. 1, 239 с.

140. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов/Пер. лат. и комментарий Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, вып. 2, 12,5 печ. л. (находится в печати).

141. Критика итальянскими гуманистами церкви и папства. Франческо Петрарка. Письма без адреса./Пер. с лат. вступит. статья, комментарий Н. И. Девятайкиной. 12 печ. л. (находится в печати).

Составители Н. И. Девятайкина, Т. Д. Никитина

Г. Л. Курбатов

ОТ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО К РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМУ ГОРОДУ В ВИЗАНТИИ (некоторые сопоставления)

В настоящее время все чаще признается принципиальная общность основных судеб города в Византии и на Западе в эпоху перехода от античности к феодализму¹. Аграризация Византии, глубокий упадок и исчезновение массы ранневизантийских городов в достаточной степени подтверждены археологическим материалом². Теперь, по-видимому, спор может идти не столько о самом факте упадка городской жизни в Византии или его размерах, сколько о сходстве или различиях этого процесса, в сопоставлении с Западом, что позволит яснее выявить как общее, так и специфичное в этом процессе. Некоторые относящиеся сюда вопросы мы и попытаемся затронуть в настоящей статье.

Сторонников «широкого континуитета», массовой преемственности в развитии византийского города к ошибочным выводам привел не только недостаток археологических данных, но и убеждение в возможности непосредственной трансформации города при переходе от одной формации к другой. Отсюда их тезис о решающей «деструктивной» роли варварских вторжений³. Может быть, на этом и не следовало бы останавливаться, если бы этот тезис, хотя и в ином аспекте,

¹ См.: Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город в средние века.— В кн.: Византийский временник. М., 1978, № 4, с. 97—98; Удалцова З. В. Византия и Западная Европа: типологические наблюдения. Византийские очерки. М., 1977, с. 21—22; Zakythinos D. Byzance: Etat, Societe, Economie. London, 1973, p. V.

² Основной археологический материал суммирован в кн.: Byzantina, Thessaloniki, 1977, 9, p. 479—486; Foss C. Archaeology and the «Twenty Cities» of Byzantine.— Asia-Amer. Journ. of Archaeology, 1977, 4, p. 169—186.

³ «Мы не можем игнорировать результаты военных событий и считать структурными сдвигами то, что в сущности являлось следствием войн» (Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII—середина IX вв.— В кн.: Византийский временник. М., 1967, № 27, с. 23). Византийскому городу просто понадобилось полтора столетия, чтобы оправиться от варварских разгромов и начать «оживать» с середины IX в. (Ср. Foss C. The Persians in Asia Minor and the end of Antiquity.— Engl. Historical Review, 1975, 90).

не распространялся на все Средиземноморье. Мы имеем в виду тезис В. Л. Глазычева об упадке средиземноморской торговли и городов преимущественно по вине арабов⁴.

Конечно, известного (но вторичного) значения арабских завоеваний нельзя отрицать, как, впрочем, и того, что в районе Средиземноморья в большей степени сохранились города и обмен. Но мы сталкиваемся с известной переоценкой экономического, торгово-ремесленного значения античного и позднеантичного города. Отсюда — либо риторический вопрос: «А почему бы городу как центру ремесла и торговли не продолжать существовать в переходную эпоху?»⁵ Либо выводы А. Пиренна о средиземноморском городе до арабских завоеваний. Трудно согласиться, будто двигателем античной и позднеантичной экономики оставались «морские коммуникации и прежде всего портовые города»⁶. В отношении Византии это ведет к представлению о неизменной экономической и фискальной заинтересованности государства в сохранении и поддержании городов⁷.

Политика варварских государств Запада в отношении города не изучена с достаточной полнотой, тем не менее, на втором этапе их развития, по мере углубления феодализации, прослеживается резкое падение интереса государства к городам, их судьбам⁸. В этом отчасти можно было бы видеть нечто присущее именно варварскому характеру государственности. В Византии с ее сохранившейся государственностью и традициями можно было бы ожидать несколько иной картины. Сведенные недавно Х. Бурасом данные раскопок по византийским городам выявили поразительную картину: за исключением сохранившихся крупных городов, все возрождавшиеся и возникавшие с середины IX в. города формировались совершенно стихийно, по крайней мере на протяжении полу-

⁴ См.: Глазычев В. Л. Городская среда раннего средневековья. — В кн.: Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981, с. 89—91.

⁵ См.: Сюзюмов М. Я. О функциях раннесредневекового города. — В кн.: Античная древность и средние века (далее: АДСВ). Свердловск, 1977, вып. 14.

⁶ См.: Глазычев В. Л. Городская среда..., с. 89—91.

⁷ См.: Сюзюмов М. Я. О функциях...

⁸ См.: Teal J. Byzantine Urbanism in the Military Handbooks. — In: The Medieval City: New Haven..., 1978.

тора столетий⁹. Археологический материал не показывает не только участия, но и какой-либо организующей роли государства в их становлении. Данные о строительстве стен и укреплений, на которые обычно ссылаются, как на показатель заботы о городах в предшествующую эпоху, к ним, как таковым, не имеют отношения: они связаны только с общими военными задачами. Крепость около Эфеса, например, была построена для обороны не самого города, а района¹⁰. Предполагать, что столицы фем должны были быть экономически развитыми городами, также не приходится. Доказано, что целый ряд из них возник как крепости — военные центры и центры управления, и долгое время они не имели тенденций превратиться в города¹¹. Государство в течение долгого времени заботилось только о военных функциях. Масса византийских городов была просто предоставлена своей естественной участи.

Все это позволяет прийти к выводу, что политика византийского государства в отношении города в VII—IX вв. весьма резко отличалась от ранневизантийской, была по своему существу не позднеантичной, а раннефеодальной, во многом близкой той, которую проводило и раннефеодальное государство на Западе. Византийское государство VIII—IX вв., несмотря на всю формальную и институционную преемственность, по своей социальной природе, а потому и в городской политике, было безусловно отличным от ранневизантийского.

Все это вынуждает вновь ставить вопрос о различиях между античным, позднеантичным и феодальным городом. Исследователи справедливо обращают внимание на то, что средневековый город, по сравнению с античным, был в большей степени «экономическим центром»¹². Для античного и позднеантичного города на первый план выступают социально-поли-

⁹ См.: Bouras Ch. City and village: urban design and architecture. — Jahrbuch des Österr. Byzantinistik, Wien, 1981, 31, 2. Корсунский А. Р. Города Испании в период становления феодальных отношений (V—VII вв.) — В кн.: Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965, с. 3—84.

¹⁰ См.: Foss C. Ephesus after Antiquity: A late antique, Byzantine and Turkish City. Cambridge, 1979.

¹¹ См.: Haldon J. F.—Kennedy H. The arab-byzantine frontier in the eighth and ninth centuries: military organisation and society in the borderlands. ЗРБУ, 1980, XIX, p. 87, sq.

¹² См.: Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город, с. 96, 100.

тические условия его существования¹³. В принципе не столько от внешних условий торговли, сколько от состояния массы полисов зависел объем внутренней торговли, спрос в международной. Уровень городской жизни, экономической активности, массового внутримперского обмена и международной торговли для II и IV в. н. э. совершенно несопоставимы¹⁴. Решающий рубеж приходится на III столетие. Основные структурные перемены в городской жизни были вызваны прежде всего внутренними причинами, упадком самого античного общества. В III в. углубляется упадок, аграризация и обеднение городов, расположенных прежде всего во внутренних областях. Следствием было огромное для III в. нарушение и свертывание развитой сети локальных и региональных сухопутных путей¹⁵. Масштабы торговли на суше сократились неизмеримо. Товарно-денежные отношения очень сильно сузились. Новые исследования, которыми были учтены не количественные показатели, а стоимостное соотношение монеты II и IV вв.¹⁶, убеждают, что нет оснований переоценивать реформы Диоклетиана-Константина с точки зрения восстановления «денежной экономики».

Некоторый подъем местного производства и оживление части городов в отдельных областях были связаны не с ростом дальней торговли, а, наоборот, со свертыванием широкого и регулярного крупномасштабного внутримперского обмена. В IV—V вв. мы наблюдаем известный подъем крупных городов в связи с постепенной концентрацией в них некоторых производств. Этому же способствовало и превращение многих крупных городов в провинциально-административные центры. Но этот подъем был временным, он продолжался в Византии в основном до конца V — начала VI вв. С этого времени усиливается их экономическая стагнация, растет пауперизация населения¹⁷.

¹³ См.: Фролов Э. Д. Тема полиса в новейшей историографии античности. К постановке проблемы.— В кн.: Античный полис. Л., 1979, с. 5.

¹⁴ См.: D'Elia S. La civiltà del Basso Impero nella storia della civiltà antiche.— Koinonia, 1977, I, p. 5—52; Lavedan P., Hagenev J. L'urbanisme au Moyen Age, Paris, Arts et métiers graphiques, 1974.

¹⁵ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (Конец античного города в Византии). Л., 1971.

¹⁶ См.: Kunisz A. Gospodarska pieniezka a gospodarka naturalna w epoce Poznego Cesarstwa Rzymskiego.— Historia i Wspolczesnosc, 1978, 3, s. 69—92.

¹⁷ См.: Patlagean E. Pauvreté économique et pauvreté sociale a Byzance. IV—VII-siècles. Paris, 1977, p. 234—235.

Известный подъем в ту же эпоху портовых городов связан не столько с общим подъемом торговли, сколько с развитием морской торговли взамен сухопутной, что было связано со значительным запустением сухопутных дорог. Причины относительно благополучного состояния, «процветания» морской торговли и приморских городов также были прежде всего внутренними. Варварские вторжения были лишь дополнительным фактором.

Особенно заметный и длительный подъем переживали крупнейшие центры Средиземноморья, чему в немалой степени способствовало и позднеантичное государство. Однако в принципе процветание и торговое значение крупнейших городов — Александрии, Карфагена, Марселя — было связано не столько с общим оживлением средиземноморской торговли, сколько преимущественно с ее концентрацией в них. Многие крупные ранневизантийские приморские города переживают в VI в. экономический упадок¹⁸. В отличие от II века, когда регулярным сообщением были связаны все значительные города Средиземноморья, в IV—V вв. — уже только крупнейшие. По письмам Синезия видно, что не было сколько-нибудь налаженного сообщения между Александрией, Грецией (Афинами), Сирией и Пентаполом¹⁹. Бурная торговая активность нескольких крупнейших городов Средиземноморья в VII в. — показатель не общей стабильности торгово-экономической жизни, но, наоборот, — ее сужения.

Материалы раскопок Сард и Эфеса показательны как раз тем, что не позволяют списывать только на арабов причины упадка городов. Их стагнация началась раньше. Действительно, арабы нанесли по многим, прежде благополучным городам византийского средиземноморья, тяжелейший удар. Э. Арвейе показала, что он был особенно ощутим, поскольку они, как правило, не имели морских укреплений, а государство не проявило должной заботы об их восстановлении²⁰. Но это зна-

¹⁸ См.: Foss C. Byzantine and Turkish Sardis, Harvard Univ. Press, 1976, p. 16—51; Foss C. Ephesus after Antiquity: A late antique, byzantine and Turkish City. Cambridge, 1979.

¹⁹ См.: Левченко М. В. Пентаполь по письмам Синезия.— В кн.: Византийский временник, 1956, с. 4, 25.

²⁰ См.: Ahrweiler H. Les ports byzantins (VII—IX siècles).— In: La navigazione mediterranea nell'Alto Medioevo, Spoleto, 1978, p. 259—297 cp. Glycatzi-Ahrweiler H. L'Asie Mineure et les invasions arabes (VII—IX siècles).— Revue Historique, P., 1962, 227, p. 1—32.

чит, что приморские города уже не представляли большого интереса для государства.

Материалы раскопок Кука также показательны для уяснения внутренних причин длительного прозябания многих портовых центров²¹. Кук связывает его с аграризацией внутренних областей, что обусловило падение значения приморских центров в снабжении внутренних областей и в вывозе из них. Таким образом, изменились сами экономические условия. В VIII в. они не создавали предпосылок для возрождения массы приморских городов. Это не означает, что ряд крупных, особенно окраинных, городов — центров международной торговли, вроде Херсонеса, господствовавших над византийской периферией, не продолжал существовать и интенсивно поддерживаться правительством. Но прежняя масса приморских городов деградировала до уровня портовых местечек.

Данные Кука интересны и в другом плане: им прослежена эволюция аграрных поселений в округе города, которая уточняет представления о его судьбах. Иногда говорят, что в восточных провинциях в округе города было много деревень и в римское время и в последующую эпоху. Кук показал, как с течением времени изменилось расположение этих селений. Прежде тяготевшие к городу, они теперь располагаются по окраинам его округа, наглядно демонстрируя процесс «отрыва» деревни от города, ее обособления.

Все это вновь ставит проблему византийской деревни, ее роли в упадке города. Спецификой позднеантичного развития Византии было укрепление, с ростом крупного землевладения, не поместья, а деревни на господской земле. В IV—V вв. не только росло число таких деревень, но и их связь с городом, городским рынком. В VI в. усиливается обеднение крестьянства и «замыкание» деревни, начало ее «отрыва» от города²². Теперь села приобретают все более характер самостоятельных локальных центров²³. Судя по развитию в них ремесленно-

²¹ См.: Cook J. M. *The Troad. An Archaeological and Topographical Study*. Oxford, 1973. p. 371.

²² См.: Loos M. *Quelques remarques sur les communautés rurales et la grande propriété terrienne à Byzance (VII—XI siècles)*.— *Byzantionoslavica* 1978, 39, 1; Guillou A. *Transformations des structures socio-économiques dans le monde byzantin du VI au VIII siècle*. ЗРБУ, 19, 1980, с. 71—78.

²³ См.: Dagrón G. *Entre village et cité: la bourgade rurale des IV—VII siècles en Orient*.— *Koinonia*, 1979, 3; Cook J. M. *The Troad*, p. 370—371.

торговой деятельности, они, очевидно, становятся своего рода местными конкурентами города и городского рынка. Весьма возможно, что они «оттягивают» и часть его торгово-ремесленного и землевладельческого населения. Мы не знаем, в какой степени ремесло в конце концов «перекочевало» в деревню. Но для подобных предположений есть достаточно много оснований. Крупные селения, «бурги», отмечаемые для IV—VII вв. как своего рода особый и характерный тип, затем утрачивают свое значение, исчезают в море аграрной периферии, сохраняясь уже только в виде «больших деревень», а не полугородов. Кстати, и судьба самих «малых городов» весьма примечательна. В Лампсаке, «городе» X—XII вв., основную массу населения составляют крестьяне. Это «город» лишь по статусу, но не по характеру, хотя в нем и имелись элементы торгово-ремесленной деятельности.

Не была ли эта интенсивная аграризация итогом развития античного византийского города? Примечательно, что такую же картину развития дает византийская Сицилия, где также была сильна деревня²⁴. Археологически прослеживается здесь постепенное «рассасывание» города, его фактическая ликвидация. Отчетливо выраженное «деревенское» развитие Византии не столько поддерживало сохранение города, сколько «разъедало» его. А сохранение в нем скудного торгово-ремесленного и земледельческого населения также не было, как это считалось раньше, гарантией большей устойчивости самого города.

В связи с этим напрашиваются известные сравнения с вариантами западного городского развития «в промежутке» между позднеантичным городом и феодальным. Некоторые исследователи, допуская его сохранение, так сказать, в переходный период (VIII—IX вв.), большую роль отводят при этом зажиточным городским, в значительной степени военным, землевладельцам, позднейшим *milites*²⁵. Аналогичные

²⁴ См.: Guillou A. *La Sicilie byzantine, état de recherches*.— *Byzantinische Forschungen*, 1977, V.

²⁵ См.: Котельникова Л. А. *Городское землевладение в центральной Италии в VIII—XI вв.*— В кн.: *Средние века*. М., 1981, 44, с. 76—96; она же. *Международный научный симпозиум в Риме*.— Там же, 1981, 44, с. 365—366; Ср.: Тушина Г. М. (реп.). *J.—P. Poly. La Provence et la société féodale*, 879—1166; *Contribution à l'étude des structures dites féodales dans le Midi*. Paris, 1976.— В кн.: *Средние века*. М., 1981, 44, с. 388; «большинство рыцарских семей в городах западного Прованса вело свое происхождение от городских аллодистов»; Gasso-Ruggini L.,

явления отмечают и в городах далматинского побережья, в определенной степени «обреченных» на самооборону²⁶. Подобная ситуация имела место и в городах Равеннского экзархата, Пентаполя, где «профессиональное войско позднеримского типа... постепенно трансформировалось в своеобразное ополчение местных земельных собственников»²⁷.

Допустим, всему этому благоприятствовал ряд специфических политических и военных обстоятельств. Но почему аналогичной эволюции не произошло в самой Византии? Дело, по-видимому, заключалось в том, что в Византии, в отличие от Италии и ряда других областей, в городе не было такого устойчивого слоя городских собственников, который мог бы составить основу византийской раннефеодальной армии. Византийская армия, фемная, стала крестьянской не только потому, что в Византии было много благополучного свободного крестьянства, но и потому, что были слабы те городские землевладельческие круги, которые могли бы в ней участвовать²⁸. Такой слой существовал в византийском городе в VI в., но затем он утрачивает свое значение, поддерживать существование города он не мог. Византийское войско было крестьянским. Стратиготы жили в деревне²⁹. Небольшую кучку высших фемных командиров вряд ли можно принимать во внимание. Таким образом, у византийского города в раннефеодальный период не было и такой «городской» опоры, которую некоторые историки усматривают в городских землевладельцах-рыцарях. Быть может, это способствовало осо-

Grasso G. Changing Fortunes of the Italian City. From late Antiquity to early Middle Ages.—*Rivista di filologia classica*, 105, p. 448—475; Patlagean E. Les armes et la cité à Rome du VIII au IX siècle. P., 1975.

²⁶ См.: Ferluga J. Byzantium on the Balkans. Studies on the Byzantine Administration and the Southern Slavs from VII to the XII centuries. Amsterdam, 1976.

²⁷ См.: Guillou A. Regionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantin à VII siècle. L'exemple de l'Exarchat du Ravenne. Rome, 1969; Бородин О. Р. Равеннский экзархат и Декаполь сер. VI—сер. VIII вв. Проблемы социально-экономического и политического развития. Автореф. канд. дис., М., 1981.

²⁸ См.: Haldon J. F. Recruitment and Conscription in the Byzantine Army, C. 550—950. A Study of the Origins of the Stratiotika Ktemata. Wien, 1979.

²⁹ См.: В византийской армии и масса фемных командиров состояла из «сельской аристократии» провинций. Jannopoulos P. A. La société profane dans l'Empire Byzantin des VII, VIII, IX siècles. Louvain, 1975, p. 14—19, 287.

бенно глубокому упадку массы византийских городов в VIII—сердине IX в.?

В цитированных выше докладах, сделанных на конференции в Риме, высказывалось суждение, что становление каталонских городов было задержано, в частности, прочностью общины, устойчивостью свободного крестьянства и замедленностью формирования рыцарства как слоя, тяготевшего к крепостям как городским очагам. Нет ли здесь определенного сходства с положением в Византии? Не этим ли также частично объясняется замедленность и деформированность процесса подъема византийского средневекового города?

Таким образом, если сохранение значительного слоя городских собственников в какой-то мере способствовало сохранению в раннем средневековье города, то в Византии этого не было.

Определенный материал для сопоставления дает и проблема роли церкви, епископа в городе в рассматриваемую эпоху. Прежние преувеличенные представления о роли церкви, как едва ли не главного спасителя города в самый трудный для него период, ныне сменились более умеренными³⁰. Новый (в том числе и археологический) материал свидетельствует не просто о возрастании роли церкви в городе, но и о «приватизации», сеньерализации города епископом, либо об ослаблении интереса церкви к городу, к поддержанию городской жизни. Известны случаи своего рода прямого «разрыва» церкви с городом, перенесения епископального центра в селении³¹. Эти процессы были неразрывно связаны с углублением феодализации общества, о чем иногда забывают, рассматривая церковь как элемент «нового» в античном обществе. Отсюда распространенные в византийстике представления неизменности, стабильности отношения церкви к городу. Нарастание экономического могущества и авторитета церкви в городе IV—VI вв. рассматривается как своего рода гарантия его последующего сохранения.

Все это заставляет еще раз вдуматься в высказывание Ф. Энгельса о становлении феодальной церкви и христианст-

³⁰ См.: Svoronos N. In: La civiltà byzantina dal IV al IX secolo. Bari, 1976. См. также: Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город, с. 98: «Не приходится думать, будто епископат в раннее средневековье поддерживал городскую жизнь...»

³¹ См.: Duby G. Les villes du Sud-Ouest de la Gaule du VIII au XI siècle.— In: La città nell'alto medioevo. Spoleto, 1959, p. 242.

ва, о том, что «...в той же самой мере, в какой развивался феодализм, христианство принимало вид соответствующей ему религии...»³². Позднеантичному обществу соответствовало позднеантичное христианство и позднеантичная по своей сущности и позициям церковь. Раннефеодальному — все более феодализировавшаяся церковь. Представления об огромной роли византийской церкви как главной спасительницы города, «как центра епархии», сильно поколеблены также археологическим материалом. Уже упоминавшиеся раскопки Фосса в Сардах — даже в метрополии, а не в епархии — показали, что церковь не сыграла никакой роли в поддержании города: он распался на деревни и на центр метрополии, существовавший самостоятельно. Картина во многом аналогичная тому «обособлению» епископальных центров, которое происходило и на Западе.

Исследователи нередко проводят аналогию между положением и ролью церкви и епископа в городах Византии и на Западе и не обнаруживают сколько-нибудь существенной разницы для конца позднеантичной эпохи³³. Речь скорее идет о различии причин: на Западе относительная слабость государственной власти, да и отношение римского населения к варварам-завоевателям поднимали гражданское значение епископов как авторитета и власти. В Византии им эта роль в большей степени «навязывалась» государством, стремившимся превратить их во «второй эшелон» государственного управления. Итог одинаков — епископ и тут и там к концу VI — началу VII в. стал фактическим «главой города»³⁴. С этим отчасти связаны и представления о возможности для Византии пойти по «итальянскому» пути, пути образования самостоятельных городов-государств, якобы просто пресеченному существованием сильной государственной власти³⁵.

Исследования последних лет выявляют ошибочность отождествления положения и роли церкви на Западе и в Византии. Выяснилось, что восточноримские епископы не име-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 314.

³³ См.: Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert.— Byzantinisches Archiv, München, 1969, 15, S. 226—229.

³⁴ См. *ibid.*, S. 135, 157, 228—229; Сюзюмов М. Я. О функциях..., с. 44—53.

³⁵ См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии.— В кн.: Византийский временник. М., 1960. 17, с. 3, сл.

ли такой реальной гражданской власти в городе, как их западные коллеги. Их авторитет базировался не столько на реальном экономическом господстве церкви в городе, зависимости от нее значительной части его населения, как на Западе, а на большей зависимости (в том числе и материальной) епископской власти (и клира) от городской общины. М. В. Левченко справедливо связывал восточноримских епископов с городской верхушкой, остатками городского самоуправления³⁶, что позволяет говорить об их роли в общественной жизни города как о своего рода продолжении трансформированной, но полисной по своей сущности, деятельности античного самоуправления, его остатков, а не о новой форме «епископальной власти» в городе. С этим связано, видимо, и столь же стремительное падение их значения в городских делах в VIII в.

Если на Западе епископы закрепили и феодализировали свою власть в городе, то в Византии они утратили свои прежние позиции с упадком городов. «Западный путь», именно в силу разности реальных условий, был здесь невозможен. Это также, в свою очередь, объясняет, почему византийская церковь, более зависимая во всех отношениях от города-полиса, не только не смогла сыграть значительной роли в его поддержании, но и неизбежно должна была утратить свои прежние позиции в городе.

М. Е. Карпачева

БОРЬБА ГОРОЖАН КАРКАССОНА ПРОТИВ ИНКВИЗИЦИИ В КОНЦЕ XIII ВЕКА

В XIII в. освободительная борьба горожан Каркассона, принимая формы еретического движения и выступлений против французов-завоевателей, являлась в конечном итоге выражением антифеодального протеста городских масс¹. В конце XIII в. эта борьба вступает в новую фазу — борьба против

³⁶ См.: Левченко М. В. Пентаполь по письмам Синезия, с. 42; Ср.: Bayless W. N. Synesius of Cyrene: A Study of the Role of the Bishop in Temporal Affairs.— Byzantine Studies, 1977, 4, P. 2, p. 147—156.

¹ См.: Карпачева М. Е. Освободительная борьба в Каркассоне в XIII в.— В кн.: Средневековый город. Саратов, 1983, вып. 7.

инквизиции. Инквизиция, как известно, была создана раньше всего на провансальском Юге и ее репрессивная деятельность была направлена в первую очередь против горожан. Инквизиция действовала в Каркассоне с 1233 г., но официально «священный трибунал» в этом городе был учрежден в 1242 г.² Этим было положено начало массовому террору. Только за 4 года (1252—1256) в Каркассоне было проведено 42 судилица над еретиками, на которых было осуждено свыше 600 человек, из них 97 были сожжены на костре³. Широта этих репрессий показывает, что они были направлены против массы горожан.

Перед лицом инквизиции личный статус горожанина, свободного человека, опускался до полного бесправия. Так, за десятилетие (1249—1258 гг.) известно только два случая, когда обвиненному в ереси удалось добиться вызова свидетелей⁴. За тот же период, согласно реестрам каркассонского трибунала, не было ни одного случая, чтобы заключенный по обвинению в ереси был выпущен из тюрьмы⁵. Расправлялись не только с еретиками, но и с теми, кто принимал их или разделял с ними трапезу, слушал их проповеди, общался с ними.

Вместе с тем шло беззастенчивое ограбление горожан под предлогом борьбы с ересью. Уже Иннокентий III предписал: «Мы повелеваем, чтобы имущество еретиков подвергалось конфискации. Имущества еретиков, отрекшихся от ереси, не будут возвращены им»⁶. Королевское законодательство эдиктами Людовиков VIII и IX, полностью санкционировало и усугубило этот принцип ограбления, перенеся его не только на обвиненных в ереси, но и на всех сочувствующих ей⁷. Правда, церковь (епископы, инквизиторы, монахи-доминиканцы) долгое время не желала делиться с королями богатствами, отнимаемыми у осужденных горожан-еретиков или мнимых еретиков. Но королевская власть тоже не желала упускать этого выгоднейшего источника обогащения, а без

² Dossat Y. Les crises de l'Inquisition toulousaine au XIII siècle (1233—1273). Bordeaux, 1959, p. 153.

³ Carayon Ch. L'Inquisition à Carcassonne au XIII et XIV siècle. Mazamet, 1903, p. 33.

⁴ Molinier Ch. L'inquisition dans le Midi de la France au XIII et au XIV siècle. Toulouse, 1880, p. 346.

⁵ См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века. СПб., 1911, т. 1, с. 283, 286.

⁶ См. там же, с. 317.

⁷ См. там же, с. 321.

ее поддержки церковь не могла обойтись. Не случайно, наиболее активную деятельность каркассонская инквизиция развернула после поражения антикоролевского восстания каркассонских горожан в 1240 г. После длительной грызни духовная и светская власть объединились в карательной деятельности инквизиции: имущества осужденных делились пополам между церковью и королем.

Так, в деятельности инквизиции преследование по религиозно-политическим мотивам неразрывно переплеталось с хищным разграблением богатств горожан. В результате имущество горожанина из свободного наследственного достояния превратилось в объект произвольных конфискаций по первому доносу, и чем значительней это богатство было, тем ближе горожанин был к осуждению. Вот почему, помимо рядовых горожан, сочувствовавших ереси, чем дальше, тем больше, объектом инквизиционных репрессий становились наиболее состоятельные купцы и ремесленники, члены городского консулата. Инквизиторы по старым реестрам отыскивали потомков осужденных еретиков и конфисковывали их имущество⁸. Наследники подозреваемых стали подвергаться денежному наказанию даже в том случае, если подозрение в ереси не подтверждалось. Должники осужденных отыскивались, и долги взыскивались в пользу инквизиции, долги же осужденных из их конфискованного имущества никогда не выплачивались⁹. Разыскивались и отчужденные имения, и все то, что еретик отчуждал, отнималось у новых владельцев.

В результате в городе были стеснены и парализованы все торговые, имущественные сделки и операции. Подрывалась основа свободы городской собственности — право свободного наследования и распоряжения имуществом.

⁸ Так было конфисковано имущество консула бурга Эмерика Кастеля (Cart. Carcas., v. 5, 670), с наследников Жана Видала и Раймуна Байбера, умерших, не выполнив элитимью, наложенную инквизитором, востребовали все их наследство (Molinier Ch. L'Inquisition., p. 365). Спустя 20 лет после смерти отца были разорены дети Пьера д'Арагона, богатого каркассонца, очистившегося от обвинения в ереси и умершего в католичестве. Новый процесс закончился осуждением покойного и конфискацией его имущества, которое в 1380 г. король лично передал своему нотарию в Каркассоне Жаку де Булей (HGL, t. X, col. 705—706).

⁹ Так, в деле каркассонца, видимо ростовщика, Гильема де Фенаса около 10 лет ушло на взыскание денег с его 850 должников, вплоть до долга в 5 деней. Взыскивались деньги, отданные осужденным в рост или на сохранение с полными процентами, иногда доходившими до 100% (Ли Г. Ч. История, с. 322).

Еще более невыносимо стало ущемление гражданских прав. Потомкам еретиков в Каркассоне было запрещено заниматься какой-либо общественной деятельностью в городе. Инквизиция широко использовала право удалять со службы любое лицо, родственники которого были еретиками или сторонниками ереси.

Попытки обращения к королю с жалобами на произвол и крайнюю жестокость инквизиторов (1280) были безрезультатны для горожан и лишь еще более ожесточали «священный трибунал»¹⁰. Не удивительно, что взрывы негодования каркассонцев против действий инквизиции неизбежно перерастали в «восстание и войну... против французского короля и церкви»¹¹. И опять во главе сопротивления — ремесленно-торговое население Нового бурга Каркассона. Антиклерикально настроены прежде всего ткачи-катары, в крытом рынке торговцев сукнами открыто проводятся акты «еретикации»¹². Именно бургожане становятся первыми жертвами инквизиции¹³.

Так как инквизиторами фабриковались ложные обвинения, архивы инквизиции Каркассона сделались источником бесчисленных притеснений. Отсюда понятно, почему первый заговор горожан против инквизиции в 1285 г. имел целью захват и уничтожение инквизиционных реестров каркассонского трибунала¹⁴. Трудно определить длительность и размеры этого заговора из-за противоречивости свидетельских показаний¹⁵. Несомненно одно — круг заговорщиков был и широк и представительен. Консулы бурга прямо участвуют

¹⁰ См.: Carayon Ch. L'Inquisition, p. 39; Vidal J.-M. Un inquisiteur jugé par ses victimes. Jean Galard Carcassonnaise (1285—1286). Paris, 1906, p. 6.

¹¹ ...«in rebellione et guerra... contra D. Regem Francorum et Ecclesiam» (Cart. Carcas., v. 6, I, p. 4).

¹² Nelli R. La vie quotidienne des Cathares du Languedoc au XIII s. Paris, 1969, p. 127.

¹³ См.: Carayon Ch. L'inquisition., p. 36.

¹⁴ Guiraud J. Histoire de l'Inquisition au moyen âge. Paris, 1938, t. 2, p. 304—322.

¹⁵ Датируя этот заговор, М. Лебуа и Ч. Ли включают и 1283 и 1284 г. Видимо, заговор вызревал длительное время, а в 1285 г. окончательно оформился и проявился в решительных действиях (см.: Lebois M. Le complot des Carcassonnais contre l'inquisition (1283—1285). — In: Carcassonne et sa région. Carcassonne, 1870, p. 159—163; Ли Г. Ч. История, с. 389).

в заговоре¹⁶, привлекают к нему должностных лиц города, королевских нотариусов и чиновников, видных клириков¹⁷. Ведется тщательная подготовка, собрана значительная сумма для подкупа доверенного человека из инквизиции¹⁸. Это был доминиканец Бернар Лагаррик, бывший ранее «совершенным» катаром. На его вопрос: «Зачем вам нужны реестры?», — консулы прямо отвечают: «Чтобы их уничтожить»¹⁹. К сожалению, нет достоверных сведений о том, почему попытка уничтожения списков жертв инквизиции не удалась²⁰.

Участники заговора, страшась поголовного истребления, апеллируют к Филиппу IV. Но эта апелляция — не обычная жалоба, а прямой обвинительный документ: каркассонцы доказывают, что инквизиционные регистры — сплошное мошенничество, что инквизиторы включают в них ложные сведения о мнимых еретиках, добытые с помощью пыток²¹. Видимо, ряд фактов о насильственно вырванных лжесвидетельствах стал известен народу. Поднялась буря, и инквизитор Каркассона Никола д'Аббевиль, испугавшись, что его уличат в подлоге, бежал в Прюиль, где спешно переписал реестры, опуская явно компрометирующие его ложные показания²². При всем этом он успел первым ко двору. С его слов, королевский канцлер Пьер Шалюс убедил короля, что Каркассон, как гнездо еретиков и мятежников, заслуживает самого тяжелого наказания²³. Консулы прибегли к последнему средству — подали прошение Гонорию IV. Они просили папу найти управу на инквизицию, так как «в результате ее гнета... массы лю-

¹⁶ Из 9 членов консулата в организацию вошли 4: Гильем Серр, Бернар Люс, Арнауд Исари, Пьер д'Арагон (Dossal Y. Les crises, p. 34—35).

¹⁷ В заговоре участвовали должностные лица города: катары — Ферроль, Г. Паже, Б. Кост; нотариусы Бернар Пеле и Гильем Гаррик и др. видные клирики: архидиакон С. Морлана, епископский судья Г. Брунэ, каноник А. Морлана, кюре из Пеннотье и др. (Cart. Carcas., v. 5, p. 638).

¹⁸ Сначала было затребовано 100 ливров за выдачу реестров, ватем сумма была удвоена. Оплату этих 200 ливров гарантируют консулы (Guiraud J. Histoire, p. 308—309).

¹⁹ См.: Vidal J.-M. Un inquisiteur., p. 8.

²⁰ Возможно, Б. Лагаррик не смог найти ключи от архива инквизиции, как это считает Ж.-М. Видаль (Vidal J.-M. Un inquisiteur., p. 10). Более вероятно предположение Ш. Карэйона, что этот, уже один раз сломленный инквизицией, человек, испугавшись разоблачения, в последний момент раскрыл заговор инквизиторам (Carayon Ch. L'Inquisition., p. 41).

²¹ «...per violentiam tormentorum» (Vidal J.-M. Un inquisiteur., p. 6).

²² См.: Ли Ч. История, с. 329—330.

²³ См.: Carayon Ch. L'Inquisition., p. 42.

дей покидают королевство... кругом обезлюдение и запустение»²⁴.

Все эти действия каркассонского консулата пользуются, как и в период коммунальных битв, горячей поддержкой жителей ремесленно-торгового бурга, что и предопределило смелость и уверенность действий городских консулов.

Узнав о бунте, Гонорий IV потребовал принять самые быстрые и жесткие меры против участников заговора²⁵. Его распоряжение от 1285 г. весьма красноречиво: «Непокорные должны подвергнуться суровой каре все, без различия положения и звания»²⁶. Террор не замедлил воцариться²⁷.

Однако провал первого наступления на инквизицию не сломил каркассонцев, горожане продолжают борьбу. Используя столкновения между Филиппом Красивым и папой, каркассонцы пытаются с помощью короля ослабить страшный гнет инквизиции. Делегация от каркассонцев обвиняет перед королем инквизитора Н. д'Аббевиля в беззакониях, лихоимстве, свирепой жестокости и алчности²⁸. Народ особенно остро реагирует на процесс, начатый инквизицией в 1297 г. против одного из самых богатых и почтенных горожан — Кастеля Фабри²⁹. Реакция в защиту чести и достоинства Фабри была столь единодушной и отпор притязаниям инквизитора — столь резким, что процесс обвинения был приторможен из-за боязни нового взрыва. Но вмешательство короля, его попытки ввести дознание по делам каркассонской инквизиции носили лишь декларативный характер. Так, в грамоте 1291 г. король повелевал, чтобы, в виду крайних злоупотреблений, бесчестных дел и жестокостей инквизиторов Каркассона, которые «наказывают невинных, бросают в тюрьмы, предают

²⁴ См.: Lebois M. Le complot., p. 163.

²⁵ Vidal J.-M. Un inquisiteur., p. 10.

²⁶ Cart. Carcas., v. 5, p. 645.

²⁷ Был организован процесс против 18 лиц не только из Каркассона, но и из Нарбонны. (Douais C. Documents pour servir à l'histoire de l'Inquisition dans le Languedoc. Paris, 1900, t. I, p. 207—209.)

²⁸ HGL, t. IX, p. 157.

²⁹ Н. д'Аббевиль похитился на огромное наследство К. Фабри и измыслил через 22 года после его смерти, обвинение в том, что над покойником был совершен обряд «еретикации», следовательно, его имущество подлежит конфискации (См.: Bullaire de l'Inquisition française au XIV siècle et jusqu'à la fin du grand schisme (Par J.-M. Vidal. Paris, 1913, № 21, p. 46). При этом инквизитор лишил наследников Кастеля возможности защитить свои права на это имущество (Cart. Carcas., v. 5, p. 662, 670, v. 6, I, p. 451).

жесточайшим пыткам и неслыханным мучительствам, вымогают у жертв лживые доносы на живых и мертвых», — не налагать ареста на горожанина и на его имущество только по одному требованию инквизитора³⁰. Дальше этого дело не шло.

Убедившись в несостоятельности королевских мер, жители бурга Каркассона в 1295 г. поднимают открытое восстание³¹. Бургожане, доведенные до крайности преследованием «наиболее достойных людей»³², открыто выступили против инквизитора Н. д'Аббевиля. Восставшие вынудили его покинуть церковную кафедру в бурге и спешно укрыться в монастыре братьев-проповедников. На улицах народ ловил и убивал доминиканцев³³. Во главе восставших выступили консулы города и некоторые из заговорщиков 1285 г.³⁴ Вооруженная толпа разрушила дом главного доминиканского инквизитора, сады и виноградники доминиканцев, разорила доминиканский монастырь. Посещение церквей этого ордена было запрещено. Доминиканцы, обвиненные в убийствах, грабеже и разврате, были побиты камнями и в ужасе бежали из восставшего города. Сам Н. д'Аббевиль еле спасся. 28 июня 1296 г. он отлучил город от церкви³⁵.

Следующие два года городом фактически управлял консулат. Обращает на себя внимание в этих событиях тот факт, что религиозный антагонизм отходит на второе место, ибо и катары, и католики вместе выступают против доминиканцев и инквизиции. Показательно, что прежний коммунальный дух города жив, равно как и сплоченность городских оппозиционных сил. В результате этого восстания, а также отказа Филиппа IV поддержать доминиканцев, инквизиционный трибунал в Каркассоне на несколько лет прекратил свою деятельность.

Однако последствия отлучения, приведшего к изоляции города, подорвали экономику его ремесленно-торгового бур-

³⁰ См.: Cart. Carcas., v. 5, p. 648.

³¹ Cart. Carcas., v. 6, I, p. 9. Н. Осокин эти события ошибочно описывает под 1297 г. (Осокин Н. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань, 1872, с. 432).

³² Так были обвинены и отлучены от церкви: торговец Гильем Виталь, скорняк Раймун де Казилак и еще 5 человек (HGL, t. X, col. 350).

³³ Cart. Carcas., v. 5, p. 452, 658.

³⁴ См.: HGL, v. X, col. 350; Carayon Ch. L'inquisition., p. 47; Haugéau J. B. Bernard Délicieux et l'Inquisition albigeois (1300—1320). Paris, 1877.

³⁵ HGL, t. IX, p. 196.

га. В августе 1297 г. депутация горожан во главе с Эмериком Кастелем отправляется в Рим³⁶. Посланный папой для разбора дела референдарий Петр Испанский потребовал от горожан за благоприятное рассмотрение дела огромную сумму — 10 тысяч флоринов. Горожане, вынужденные обещать выплату этой взятки, вскоре встретились с королевским советником Пьером Флоттом и бургундским герцогом и, заручившись их поддержкой, расторгли разорительную сделку. На это Бонифаций VIII разразился гневной тирадой: «Мы знаем, что им дало такую смелость, но, клянусь богом, все короли христианского мира не смогут спасти от костра людей Каркассона»³⁷. Действительно, король и папа вскоре обрушились на мятежный город. В сентябре 1298 г. король в двух ордонансах³⁸ потребовал следовать булле Бонифация VIII от 1298 г. об уничтожении еретиков. Король приказывает сеньшалам и бальям повиноваться доминиканцам, наказывать осужденных в ереси и передавать инквизиции лиц, обвиняемых или подозреваемых в ней. Каркассонцы вынуждены были подчиниться и просить отпущения грехов.

Но не смиренное согласие получил грозный д'Аббевиль на предложение выдать вожаков восстания. Они не явились на суд инквизиции³⁹. Каркассонцы потребовали назначить день для принятия совместного решения. Через два дня народ толпой подошел к монастырю доминиканцев, и консулы от лица коммуны, решительно отклонив условия инквизитора, потребовали полного прощения для всех, в том числе и для вождей мятежа⁴⁰.

Проходит 6 месяцев, отлученный город испытывает крайние бедствия, но не сдается. В конце концов 27 апреля 1299 г.

³⁶ D mitrewski Ph. M. Fr. Bernard Delicieux, O. F. M. Sa lutte contre l'inquisition de Carcassonne et d'Albi, son procès, 1297—1319.— Archivum franciscanum historicum, 1923, a. XVI, t. XVI, p. 195—196.

³⁷ При этом папа подчеркнул: «...а особенно «отца» их — Эмерика Кастеля» (D mitrewski Ph. M. Fr. Bernard., p. 196).

³⁸ HGL, t. X, col. 276—278; Ordonnances, t. I, p. 330).

³⁹ И были заочно отлучены от церкви: два доктора права — Гийлем Бруне и Гийлем Гаррик; ремесленники: Раймун Казалак и Гийлем Вители; бургожане: Пьер Ружер де Буркафоль и Бернар Ружер, а также магистр Раймун Мэстр. Инквизиторы называют их — «animus induratis» — упорные духом (Cart. Carcas., v. 5, p. 652).

⁴⁰ Cart. Carcas., v. 5, p. 631, 653.

главный инквизитор вынужден снять отлучение⁴¹. Двенадцать наиболее видных участников восстания (включая 4 консулов) предстали перед инквизиционным трибуналом⁴².

Напуганный отпором, вынужденный смягчить репрессии, бесчестный Н. д'Аббевиль решил на крайность, чтобы отомстить каркассонцам. За тысячу турецких ливров инквизитор подкупил сеньшала Каркассона, чтобы тот скрепил печатью сфабрикованный им договор, в котором консулы от лица всех горожан якобы отрекались от ереси⁴³. Этот подложный документ должен был нанести удар прежде всего коммунальным учреждениям Каркассона: ведь тем самым горожане лишались права занимать городские общественные должности⁴⁴. Кроме того, это развязало бы руки инквизиции, так как в случае новых беспорядков каркассонцы становились бы «еретиками-рецидивистами», спасти их ничто бы уже не смогло. Однако сам факт, что приготовленный с такими материальными затратами фальсификат д'Аббевилья не был пущен в ход, доказывает, что восстание 1295 г. и длившаяся более двух лет борьба горожан против засилия церковников, злоупотреблений королевских чиновников и зверств инквизиции покончили с безраздельным господством «священного трибунала» в Каркассоне.

Вместе с тем в совместных, решительных, сплоченных действиях горожан, в активном участии городского консулата нельзя не видеть продолжения коммунальных традиций освободительной борьбы в Каркассоне, уходящей корнями в XII в. и первую половину XIII в.

В начале XIV в. борьба горожан Каркассона против инк-

⁴¹ На церковной ассамблее 27 апреля 1299 г. каркассонцы были помилованы и приговорены только к духовному покаянию и постройке капеллы в монастыре доминиканцев, что обошлось горожанам в 90 турецких ливров (Cart. Carcas., v. 5, p. 654).

⁴² Мало сведений об их участи. Удалось проследить только судьбу Гийлема Гаррика. Он был обвинен в заговоре и мятеже и осужден на вечное заточение. После 20-летнего тюремного заключения в 1321 году он был вызван в суд инквизиции для дачи показаний, а спор из-за дележа его конфискованного имущества велся уже в 1301 году между королевскими чиновниками и графом Фуа и закончился в пользу короля в 1312 году (Registres du Trésor des chartes. (Par M. Ch. Braibant, Paris, 1958—1966, t. I, № 1517). Об Арнольде Вилладегю и Гийеме Андрэ известно только, что они скрывались от суда инквизиции в монастыре францисканцев (Cart. Carcas., v. 5, p. 631).

⁴³ D mitrewski Ph. M. Fr. Bernard., p. 213.

⁴⁴ Даже их дети, вплоть до третьего поколения (Ibid.).

визии вступает в новый, еще более активный этап. Она связана со смелой деятельностью такой яркой личности, как Бернар Делисье, и требует специального рассмотрения.

И. А. Краснова

ОТНОШЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОПОЛАНСТВА XIV—XV ВЕКОВ К ФЕОДАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Антидворянская и антисловная направленность типична для итальянского гуманизма XIV—XV веков. Она выражалась в разных формах: от прямых выпадов против императоров и феодальных князей¹ до осуждения праздного и разбойного образа жизни дворянства вообще. Гуманисты были убеждены, что истинная добродетель и знатность заключается не в происхождении и богатстве, а в личных достоинствах человека². Эта сторона гуманистической идеологии не согласуется со стремлением некоторых исследователей искать корни ренессансной культуры в меценатстве знати и влиянии просвещенных государей³. Она связана с теми импульсами, которые исходили из новой социальной среды, из того весьма определенного представления о феодальном окружении, которое складывалось у граждан итальянских городов-коммуни, в частности, у флорентийцев.

Вопрос об отношении флорентийского пополанства к феодальной среде не имеет однозначного решения в исследованиях. Некоторые авторы на первый план выдвигают склонность флорентийского купечества к анноблированию, делают упор на «силы сцепления торговой буржуазии с феодальной знатью», на «феномен интеграции между этими двумя со-

¹ Джованни Бокаччо в трактате «О несчастьях знаменитых мужей» называет императоров «разукрашенными ослами» и «тиранами». — (См.: Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография, СПб, 1914, т. 3, с. 27—28). Колуччио Салутати делает это в «Инвективе против Антонио Лоски», где резко осуждает герцогов Висконти. (см. там же, т. 4, с. 244).

² См.: Леонардо Бруни. Спор о знатности. — В кн.: Корелин М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография, т. 4, с. 61—62.

³ См., например: Mandrou R. Introduction à la France moderne. Paris, 1961, p. 151—158.

циальными группами, который в Италии был сильнее, чем где бы то ни было»⁴. Отчасти такая точка зрения объясняется тем, что объектами изучения становятся чаще всего могущественные представители торгово-банковской буржуазии, возглавлявшие известные семейные компании: Барди, Перуцци, Альберти, Аччайоли, Датини, Медичи. Именно их по традиции рассматривают как «носителей капиталистического духа» такие исследователи, как А. Сапори, И. Ренуар, А. Тененти⁵. Они сосредоточивают интерес в основном на их деятельности в сфере международной торговли и кредита, где они вступали в непосредственное общение с коронованными особами и феодальной знатью⁶.

При этом случалось, что купцы и банкиры воспринимали обычаи, образ жизни и манеры поведения феодальной знати. Это подражание было настолько заметно, что бросалось в глаза и современникам, и историкам. Флорентиец Никколо Аччайоли, кредитор и дипломат при дворе Роберто Неаполитанского, поражал граждан Флоренции в 1355 г. свитой, которая его окружала, и роскошью жизни, затрачивая на пиры и кавалькады по 150 флоринов ежедневно⁷. В 1461 г. во Флоренцию вернулось посольство, возглавляемое Пьеро Пацци, который с таким великолепием и блеском въехал в город, что это еще долгое время возбуждало умы современников⁸. Деловой человек и авантюрист Бонаккорсо Питти, получив от германского императора в награду за дипломатические услуги дворянский титул и герб, воспеваает это событие в сонете собственного сочинения⁹, что дает основание французскому

⁴ Romano R., Tenenti A. Il Rinascimento e la Riforma (1378—1698). Torino, 1972, p. 117—118.

⁵ См.: Sapori A. Studi di storia economica (secoli XIII—XV). Firenze, 1955, vol 1, p. 525; Renouard Y. Les hommes d'affaires italiens du Moyen Age. Paris, 1968, p. 288.

⁶ В книгах компании Барди, в списках лиц, которых они финансировали, фигурируют папа Иоанн XXII, король Англии, король Майорки, кипрский епископ, епископ Уинчестерский, кардинал Орсини (Sapori A. Le crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1948, p. 220).

⁷ См.: Stefani. Cronica fiorentina, rubrica 670. — In: Sapori A. Studi di storia economica, v. 1, p. 132—134.

⁸ Представители семейства Строцци, монна Алессандра и ее зять Марко Паренти, описывали это блестящее шествие в письмах к Лоренцо дельи Строцци в Брюгге. — Strozzi-Macintosh A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli. Firenze, 1887, p. 255.

⁹ См.: Питти Б. Хроника. Пер. с итал. З. В. Гуконской, Л., 1972, с. 93—94.

исследователю К. Беку считать его приверженцем аристократии¹⁰.

Эти и им подобные известные факты: строительство дворцов и вилл богатейшими купцами и банкирами, значительные вложения в земельную собственность, изменение образа жизни, вплоть до полного ухода от коммерции и дел, особенно заметное к концу XV в., действительно дают вышеупомянутым авторам известное основание утверждать «наличие симбиоза между феодальным и буржуазным сословием»¹¹.

На более широком слое среднего пополаинства эти авторы, как правило, не останавливают внимания, априорно приписывая ему «определенный консерватизм патриархально-ремесленных кругов»¹². Между тем Веллутти, Морелли, Гиро Дати, младшим отпрыскам семейства Строцци, Каппони и другим лицам из средних слоев «жирных пополанов» также приходилось вступать в связь с верхушкой феодального мира и сеньорами, финансировать их и торговать с ними, вести дипломатические переговоры; при этом у них складывалось особое отношение к титулованной знати и рыцарям, устойчивые и типичные для их социальной группы представления, которые требуют внимания историка.

Богатейшие пополаны Флоренции стремились наживаться за счет внешнего феодального мира, пользуясь преимуществами, которые давала им новая, раннекапиталистическая организация производства сукон, торговли и финансов. Короли и феодалы заальпийских стран терпели их деятельность, поскольку нуждались в их деньгах и деловом опыте, но они неизменно стремились при любой возможности присвоить деньги «ломбардцев», а их самих выставить вон. Армандо Сапори, подробно исследовавший этот вопрос, приводит массу случаев репрессий, секвестров и прямого насилия королей и князей по отношению к итальянским купцам и банкирам. Главными причинами крушения торговых домов Барди и Перуцци он считает не столько внутреннюю конкуренцию, сколь-

¹⁰ См.: Вес С. *Les marchands-ecrivains. Affaires et humanisme à Florence (1375—1434)*. Paris, 1967, p. 79.

¹¹ См.: Tenenti A. *Firenze dal comune a Lorenzo il Magnifico (1350—1494)*. Milano, 1970, p. 41; Waley D. *Les Républiques médiévales italiennes*. Paris, 1969, p. 198—199.

¹² Sapori A. *Studi di storia economica*, v. 1, p. 525; Renouard Y. *Op. cit.*, p. 288.

ко внешние факторы — их связи с коронованными особами и знатыми сеньорами¹³.

Сами пополаны, ведшие торговые дела за пределами Флорентийской республики, прекрасно сознавали связь между неудачами своих предприятий и сеньорами, с которыми они вели дела. Донато Веллутти (середина XIV в.) основной предпосылкой экономических неприятностей своей семьи полагал факт выдачи «больших ссуд сеньорам и баронам Англии и Франции, добрую часть которых они не выплатили», и дело кончилось бы банкротством, если бы не своевременная субсидия от коммуны Флоренции¹⁴. Его дядя, Донато ди Мико Веллутти, подвергается опасности во Франции «из-за своего прекрасного коня, которому позавидовали сеньоры»; чтобы спастись от гибели, ему пришлось заплатить 30 000 флоринов. Семья снова оказалась на грани разорения. «Мы имели огромный риск потерпеть банкротство, если бы не были поддержаны нашими друзьями и родственниками»¹⁵. Перед опасностью извне, исходящей от представителей феодального мира, деловая среда Флоренции спланивалась и помогала потерпевшим, чтобы сохранить свой престиж и положение в чужой стране. Бессменный консул Шелкового цеха Грегорио Дати усматривал причину краха своих испанских дел в отрицательном отношении арагонского короля к его брату и компаньону Симоне, через которого он вел дела в Испании. Он очень жалел, что не имеет возможности купить благосклонность этого монарха «некоторым количеством шелковой одежды и драгоценностей, которые нельзя было выслать Симоне»¹⁶.

Флорентийские пополаны понимали, что «несчастливая фортуна» в их торговых делах немало зависит и от поведения сеньоров, а поэтому нередко наказывали своим потомкам соблюдать осторожность в отношениях с ними и стараться, где это возможно, вовсе этих отношений избегать. Показателен пример Паоло Чертальдо, предпринимателя средней руки, который сам не вступал в непосредственный контакт со знатью за пределами города, но, восприняв психологический фон, распространившийся в деловых кругах Флоренции, пред-

¹³ См.: Sapori A. *Le marchand italien au Moyen Age*. Paris, 1952, p. XV—XVI; Sapori A. *Le crisi*, p. 204.

¹⁴ См.: Velluti D. *La cronica domestica*. Firenze, 1914, p. 13.

¹⁵ *Ibid.*, p. 29—30.

¹⁶ Dati G. *Il libro segreto*. Bologna, 1869, p. 78.

упреждал сыновей о ненадежности и капризности феодальных властителей, которые по непонятным для купца причинам вдруг начинали «сердиться», и тогда следовало ждать всяческих бед. Лучше всего вообще избегать имущественных отношений с синьорами: «Если тебе нужно позаимствовать деньги под залог твоих земель или домов, то имей дело с человеком, равным тебе или меньшим. Очень остерегайся того, чтобы иметь подобные дела с синьором, ибо по воле большого синьора ты можешь быть разорен»¹⁷.

Деловой человек и государственный деятель Джино ди Нери Каппони в своих посмертных записках, представляющих сгусток его делового и жизненного опыта, высказывается категорически: «Любой синьор, как бы мал он ни был, будучи вашим соседом, будет вашим врагом, если из соображений выгоды не станет вам другом. Поэтому опасайтесь в любом деле, что они вонзят вам нож в горло и потребуют нужной им сделки в ваших делах»¹⁸. Эти тезисы в сознании пополанов отражают реальную социально-экономическую обстановку, в которой они не могли сотрудничать с феодальными синьорами как с равными товаровладельцами и партнерами по правилам делового доверия, принятым в их среде, поскольку феодальная знать в любое время могла прибегнуть к внеэкономическим действиям, сводящим на-нет равносторонние торговые контакты, на которые опиралось в делах пополанство. Естественно, что они всегда отделяли себя от синьоров, представляя их мир чужим и живущим по не всегда понятным для них законам, диктуемым личным произволом, насилием и самовластьем, которых невозможно предусмотреть и учесть, а поэтому следует по мере возможности избегать. Новеллы Франко Саккетти во многих случаях подтверждают такую позицию пополанов¹⁹.

Купец Джованни Морелли не вел почти никаких дел за пределами Италии и феодально-рыцарскую среду воспринимал в основном в качестве политических противников своего отечества или временных и ненадежных его союзников-кон-

¹⁷ Certaldo P. Il libro di buoni costumi. Firenze, 1945, p. 243—244.

¹⁸ Ricordi di Gino di Neri Capponi.— In: Miscellanea di studi offerta a Armando Balduino e V. Bianchi. Padova, 1962, p. 36.

¹⁹ «Внешне сердце синьора кажется иногда спокойным, в то время как в нем идет борьба с разными людьми и в разных направлениях. Более прочно положение того, кто может не вступать в их дела».— (Саккетти Ф. Новеллы/Пер. с итальян. В. Ф. Шишмарева. М.—Л., 1962, с. 126—127).

дотьеров. Как гражданин торговой республики и трезвомыслящий буржуа-накопитель, он убежден в том, что «рыцари и высокие синьоры ничего не смыслят в деле наживы», их занятия — войша и разбой. Но и в этих недостойных, с его точки зрения, занятиях они обнаруживали свое ничтожество. Он описывает штурм Пизы отрядами кондотьеров, один из предводителей которых так испугался, что скрылся в крепостной башне, бросив знамена коммуны. Морелли резюмирует: «Они оказались способными только говорить грубости пизанцам; предусмотрительности этих капитанов хватило только на то, чтобы обманывать перепелов, посылать за флягами с вином, губить солдат»²⁰.

Все синьоры, по мнению Морелли, порочны, поскольку отличаются одним общим качеством — бедностью. «Капитан Орсини плохо служил коммуне и не хотел ничего, кроме того, чтобы наполнить свои карманы, пустые в позорной нищете»²¹. Бедность и нищета являются для Морелли показателем деловой непригодности, отсутствия ума, энергии и должного образа жизни, богатство он считает фактором, определяющим ценность человеческой личности, бедность же неизбежно, в его глазах, сопряжена с праздноностью и различными пороками. Франко Саккетти полагает, что мир феодальных синьоров способен развивать только дурные свойства личности, поскольку там, где синьоры, там низость, лесть, подкуп и беззаконие, которыми они заражают все вокруг себя²².

Самым приемлемым способом общения с синьорами для деловых людей было ведение диалога с ними с позиций экономического превосходства, подкупая их и наживаясь за их счет. Веллутти не раз восхищается смелыми операциями своей коммуны по подкупу коронованных особ²³. Морелли видит источник силы и непобедимости коммуны в возможности вести с монархами и властителями дела с помощью золотого флорина. Этим объясняет он успех такого почти безнадежного, проваленного бездарностью и трусостью кондотьеров дела, как аннексия Пизы в 1406 г. «Между тем, коммуна Флоренция занята была интригами, чтобы получить Пизу.

²⁰ Morelli G. Ricordi. Firenze, 1956, 88a—88b, p. 445—447.

²¹ Ibid., 88b, p. 449.

²² Саккетти Ф. Новеллы, с. 307—310.

²³ Он описывает приход в Италию императора Карла IV, который находился с флорентийцами в натянутых отношениях, но в конце концов пришел к согласию с ними, чтобы получить 1 млн. флоринов (См.: Velluti D. La cronica domestica, p. 215—216).

Мы предлагали деньги и Бусико (французский посол в Генуе), и синьору Пизы, и герцогу Орлеанскому, и французскому королю; словом, всем, кто на нас был сердит, стараясь умягчить их насколько возможно. И стали они прислушиваться к звону многих флоринов и намекать нам о своих намерениях откликнуться на наши просьбы». Заключает он эту сентенцию выводом, вполне оправданным с точки зрения накопителя: «Тот, кто имеет деньги и может их истратить, получает всегда то, что он пожелает, или большую часть такового»²⁴. Саккетти тоже призывает обогащаться за счет синьоров, соблюдая при этом известную осторожность: «Кто хочет кончить игру с синьором, когда карман у него полон, пусть не остается до конца боя, чтобы не лишиться того, что имеет»²⁵.

Верно определяет суть отношения Морелли к феодальной знати К. Бек: «Он чувствует реванш буржуазии над дворянством, превосходство богатства над бедностью, которая украшает себя титулами»²⁶. Эти представления характерны не только для Морелли, они свойственны всем богатым пополам, начиная с XIII и кончая XVI в. Дино Компаньи рассказывает в Хронике о том, с каким достоинством в 1311 г. Синьория Флоренции встретила посла германского императора, пришедшего требовать денег; ему было заявлено: «Ни для какого синьора флорентийцы не станут трубить в рог»²⁷.

Паоло Веллутти, продолживший в XVI в. семейную хронику, начатую его предком Донато в XIV в., рассказывал о своем родственнике Андреа, ведшем дела в Испании и связанном с королевским двором и придворной знатью. Андреа так объяснял свою линию поведения с синьорами: «Эти синьоры — мои друзья, потому что я оказываю им много услуг, и потому, что они обязаны мне. Если же они станут оказывать мне услуги, то я окажусь вознагражденным за все, а они больше не будут мне обязаны. Я же хочу, чтобы они чувствовали свою обязанность по отношению ко мне в любом случае»²⁸.

Стремление к тому, чтобы титулованная знать испытыва-

²⁴ Morelli G. Ricordi, 87 b, p. 438.

²⁵ Саккетти Ф. Новеллы, 62, с. 99.

²⁶ Век С. H. Les marchands-ecrivains, p. 67.

²⁷ Compagni D. Cronica, Torino, 1978, p. 189.

²⁸ Velluti Paolo. Ricordi.— In: Velluti D. La cronica domestica, p. 322—323.

да зависимость от них, желание во всем превосходить ее было общим для граждан Флорентийской республики, оказавшихся за ее пределами. Даже редко выезжавший из Флоренции Паоло Чертальдо учил этому своих сыновей²⁹. Очень заметны эти мотивы в Хронике Питти, который не боялся обнажить шпагу против знатного виконта Монтерери, после крупного проигрыша в карты наслаждался впечатлением, которое он производил на двор герцога Орлеанского своей невозмутимостью, испытывал чувство истинного превосходства, когда переводил Карлу VI, плохо знавшему латынь, статьи договора с Флорентийской республикой на французский язык³⁰. Достоинство в поведении с синьорами было неписанным правилом для флорентийских купцов. Морелли, при описании набора союзников в войне против Висконти, осуждает флорентийского посла Андреа ди Нери за низкопоклонство перед знатью и недалечностью. Нери писал каждый день письма во Флоренцию, в которых расхваливал немецких рыцарей, по поводу чего Морелли язвительно замечает: «Он расписал такие чудеса, что паладины Карла Великого были просто детьми по сравнению с ними (немецкими рыцарями)»³¹. Эти рыцари обнаружили затем полную военную несостоятельность.

Пополанство Флоренции ощущало свое превосходство не только в экономическом и нравственном плане, но и в политическом: они гордились своими республиканскими порядками. Это настроение пробивается иногда в Хронике Дино Компаньи (XIII в.), который, сравнивая строй Тосканы в целом и Флоренции, заключает, что в других городах Тосканы с могущественными людьми, которые там господствуют, «...связаны более раздоры, чем мир; подчиняются им скорее из страха, нежели из любви»³².

Антитиранические настроения особенно заметны у авторов, пишущих в XIV в., в частности у Донато Веллутти. Ему пришлось быть одним из приоров Флоренции во время переворота герцога Афинского и столкнуться с герцогом и его окружением. Против личности самого герцога, который отнесся к нему милостиво, Донато не настроен отрицательно, но он покидает свою высокую должность, не желая служить тирану, даже милостивому, и предпочитая республиканское правле-

²⁹ Certaldo P. Il libro di buoni costumi, p. 153.

³⁰ Питти Б. Хроника, с. 44, 73—74.

³¹ Morelli G. Ricordi, 796, 80 a, p. 384—385.

³² Compagni D. Cronica, p. 6.

ние любому другому. Об этом он впоследствии рассуждает со своим духовником и доверенным лицом Аньоло дельи Аччайоли, который одобряет все его действия и мятеж против герцога, в котором Донато принял участие. «Если бы вы не предприняли мер, страна оказалась бы под властью тирана, и в ней, зависимой, женщины оказались бы в борделях и вступили бы на дурной путь, бесчисленное множество и мужчин и женщин были бы погублены, и многие нищенствовали и воровали бы по всему миру»³³. В представлении пополанов истинный порядок могла обеспечить только республика, тирания же несла с собой насилия и нищету.

Для Донато нет худшего несчастья, чем оказаться под властью синьора. Когда в Пизе власть захватывает тиран, он замечает по этому поводу: «Если бы они не вредили нам — (пизанцы — Флоренции), они не были бы дважды нами разбиты, не оказались бы под тираном, как это случилось с нами, в чем они потом жестоко раскаялись»³⁴. Позже Джованни Морелли выразит свое отношение к захвату Пизы Гамбакортой: «Результатом установления этой синьории было то, что синьор Пьетро Гамбакорта покарал всех, многие были убиты и многие казнены, будучи предварительно ограблены; они не могли чихнуть, не прислонившись прежде к стене, — так он с ними обошелся. Флорентийцы не ожидали от него ничего другого, все было как и у других синьоров»³⁵. Позиция Морелли та же, что и Веллутти: тирания неотделима от пороков и насилия.

Флорентийское пополанство до конца XV в. отличалось республиканскими симпатиями и рассматривало синьоров и тиранический режим как кару божью и самое большое несчастье, какое может постичь государство. Дворяне почти всегда были объектом подозрений, а нередко — и злых насмешек. И это не удивительно: флорентийские пополаны пришли к власти в итоге полуторастолетней ожесточенной борьбы с грандами — городским дворянством; пополанский переворот «Установлений справедливости» 1293 г. фактически вычеркнул дворян из политической жизни республики; аналогичные кары грозили даже пополанам, которые сблизались с грандами и начинали вести дворянский образ жизни.

³³ Velluti D. La cronica domestica, p. 207—208.

³⁴ Ibidem, p. 221.

³⁵ Morelli G. Ricordi, 89 a, p. 430—431.

В то же время Флорентийская республика за особые заслуги жаловала простолюдинов золотыми шпорами и гербом, приоры и должностные лица имели право покупать рыцарское достоинство. В XIV в. в рыцарство обязательно производили тех, кого коммуна посылала в качестве подеста или капитана народа в зависимые от Флоренции крепости и города³⁶.

Среди богатых представителей пополанства в самой Флоренции заметна тенденция доказать знатность, древность и благородство рода. Так, в письме из Венеции от 23 января 1406 г. Паоло Джунтини сообщал своему компаньону и другу, флорентийскому богачу Франческо Датини, радостное известие: он очень удачно женил сына, при этом уточняет, что «не искал богатства и денег, но искал семейств благородных и знатных»³⁷. Франко Саккетти подтверждает желание некоторых пополанов уснастить себя атрибутами знатности. «Ведь каждый ничтожный человек хочет иметь герб и быть родовитым». Во многих новеллах он высмеивает пополанов — «мещан во дворянстве», которые «пустились вдруг изображать синьоров»³⁸.

Основываясь на этих и подобных явлениях, историк реакционного направления Н. П. Оттокар отрицал какой-либо антагонизм между промышленно-торговым сословием Флоренции и феодально-рыцарской знатью, утверждая их «гармонический союз» и «общность интересов»³⁹. Такой вывод противоречит всей истории Флорентийской республики.

Но как же тогда объяснить отмеченные явления? Посмотрим, как воспринимались эти процессы в самой среде флорентийского пополанства, особенно среди широких кругов среднего купечества. В записках и дневниках отразилось весьма определенное отношение к тому образу жизни, который вела военно-феодалная рыцарская знать и который сами пополаны называли «куртуазным». Донато Веллутти осуждает «куртуазность» тех представителей семейного клана, которые были в этом замечены. «Герардино был мудрым и знающим, но в молодости очень любил полюбезничать и заниматься куртуазией, слишком много времени проводил в непристойном

³⁶ См.: Salvemini G. La dignita cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti. Milano, 2 ed., 1972, p. 118—125.

³⁷ Livi G. Dall'archivio di Francesco Dalini mercante pratese. Firenze, 1910, p. 46.

³⁸ Саккетти Ф. Новеллы, 63, с. 101; 41, с. 80.

³⁹ Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. Torino, 1902, p. 90—97.

обществе. Он стал бы еще хуже, если бы господь не послал ему своей помощи, потому что, изнураясь в этой куртуазности, он быстро терял силы»; а родственник жены Донато «Чоне ди Биндо был среднего роста и телосложения, изящным и очаровательным, но излишне предавался куртуазии, чем и довел себя до бедности»⁴⁰. Подобным же образом Морелли характеризует своего двоюродного брата: «В молодости он стремился казаться куртуазным и выделиться, его манеры были тщеславны и надменны, он не поступал честно, не вел достойный купца образ жизни»⁴¹.

В понятие «куртуазности» входила совокупность качеств, противостоящих представлению о добром и честном купце, который сведущ в делах, «зарабатывает деньги на прибылях от торговли», «не тратит ради больших удовольствий больше, чем наживает»⁴², — то есть дворянские замашки, стремление к роскоши, рыцарским турнирам, охотам, увеселениям и разгулу. Куртуазия была чужда духу накопителей, которые опасались ее как заразной болезни, могущей отвлечь их и их потомков от боттеги — центра их деловой жизни, и в итоге разорить их.

Вчитываясь в свидетельства купцов-писателей, выразителей мнений средне-богатого пополаства, можно заметить, что в понятие «благородство рода» они вкладывали особый смысл, несовместимый с традиционно-феодальными представлениями о «благородстве крови» и древности происхождения. Морелли, доказывая знатность своего происхождения, считает особо благородными качествами своих предков «их умелость, опытность в делах, и в силу этого — богатство»⁴³. В архиве Датини есть письмо, написанное одним из членов семейства Веллутти, неким Сальвестро, к Аньоло дельи Альи в Пизу, в октябре 1388 г. Сальвестро Веллутти просит своего адресата отыскать в Пизе жениха для молодой девушки, его племянницы, дочери его брата, изгнанного из Флоренции. В полусуфликовой форме он предъявляет требования к возможному кандидатурам: «Вы спрашиваете, кто устроит меня больше, благородный человек или пополан? Я отвечаю, что меня удовлетворит тот из них, который будет наиболее опытным, будет знать, как управлять хозяйством, хранить богатство и пра-

⁴⁰ Velluti D. La cronica domestica, p. 35—36, 101.

⁴¹ Morelli G. Ricordi, p. 42b, p. 161.

⁴² Velluti D. La cronica, p. 132—133.

⁴³ Morelli G. Ricordi, 37a, p. 111—112.

вильно помещать его. Мне было бы приятно, если бы это был купец, который опытен и известен, потому что именно среди них чаще встречаются люди, которые могут хорошо наживать богатства и правильно помещать их»⁴⁴. И здесь главная ценность человека полагается в умении наживать деньги.

В средних слоях предпринимателей и купцов часто встречали отрицательное отношение даже внешние признаки подражания синьорам, словно симптомы опасной болезни. Алессандра Строцци в письме к своему сыну Лоренцо описывает производство в рыцари Луки Питти, которого она, хотя и ценит как человека, умеющего наживать богатства, в этом случае не может не высмеять: «От гордости он раздувался как пузырь»⁴⁵. При исполнении должностей за пределами Флоренции ее посланцы обязательно должны были получить дворянский титул. Как подчеркивает в своем исследовании Газтано Сальвемини, некоторые весьма неохотно соглашались на это⁴⁶. Традиции неприятия дворянского образа жизни сохранились у деловых людей и в XVI в. Паоло Веллутти осуждает родственника Антонио за то, что он был «блестящим кавалером, держал конюшню, гончих собак и птиц, а ему следовало бы быть более склонным к торговле, ведь именно из-за этого он упустил большую часть своего богатства»⁴⁷.

Несомненно, богатейшие купеческие и банкирские фамилии тянулись к роскоши, приобретали именья, перенимали дворянские обычаи, аристократизировались, но действительного сближения с феодальной знатью не было, поскольку новый патрипат Флоренции продолжал совмещать роскошь, дворянские титулы и амбиции с занятиями торговлей, ростовщичеством, предпринимательством, откуда проистекали его главные доходы. Таковы были Альберти, Питти, Датини, Строцци, Коцимо Медичи, которого всегда приводят как классический в этом отношении образец.

Те же, кто выражал интересы широкого среднего делового слоя города, скорее проявляли неприятие «куртуазного» образа жизни и дворянских амбиций, отвлекающих от дел и подрывающих состояние. Мироощущение средних слоев пополаства, в котором сильны были антисловные настроения, успешно и длительное время противостояло во Флоренции

⁴⁴ См.: Livi G. Dall'archivio di Francesco Datini, p. 48.

⁴⁵ Strozzi-Macingi A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli suoi, lettera ventisesima, p. 267.

⁴⁶ См.: Salvemini G. La dignita cavalleresca, p. 145.

⁴⁷ Velluti D. La cronica domestica, p. 331.

патиску аристократического образа жизни и восприятия мира и активно воздействовало на складывание гуманистических представлений, с их четкой антифеодалной направленностью.

Н. И. Девятайкина

ПЕТРАРКА О ВОСПИТАНИИ ПРАВИТЕЛЯ (по письму к Никколо Аччайоли)

Франческо Петрарка, по иронии судьбы более 40 лет проведший за пределами Италии, всегда оставался ее горячим патриотом, гордился именем римского гражданина, полученным при поэтической коронации на Капитолии, ратовал за умиротворение, объединение и счастье родины.

Волновала его и политическая ситуация в отдельных городах, республиках, синьориях. В том числе — драматические события в Неаполитанском королевстве. Правивший им до 1343 г. король Роберт экзаменовал Петрарку перед коронацией и восхитил поэта своим уважением к древности, учености, своей склонностью к философии. Все это заслонило в глазах Петрарки негативные стороны внутренней и внешней политики короля. После смерти Роберта государство переживало одну из самых бесславных страниц, наполненных дворцовыми смутами, интригами, мятежами — то вокруг преемницы Роберта Джованны, то по ее воле вокруг других. Надежды на стабилизацию политической жизни возлагались на мужей Джованны, в том числе на второго из них — Людовика Тарентского. В 1352 г. он и Джованна были венчаны на царство.

В ожидании последнего события Петрарка, бывавший в Неаполе и хорошо осведомленный о его делах, написал 20 февраля 1352 г. письмо-наставление о воспитании правителя. Оно было адресовано к Никколо Аччайоли, флорентийцу, политически влиятельному при неаполитанском дворе, имевшему придворно-государственную должность «великого сенешала», советника и воспитателя¹. Петрарка на-

¹ Письмо вошло в сборник писем Петрарки «О делах повседневных» — (Petrarca F. Familiarum rerum. — In: Edizione nazionale delle opere di Fr. Petrarca, Firenze, 1926—1942, v. 3, libr. XII, ep. 2, p. 5—16). Далее отсылки на страницы этого издания даются в скобках вслед за приводимым текстом.

деялся, что Аччайоли сумеет повлиять на нового мужа Джованны. Вскоре после появления письмо было многократно переписано, вызывало восхищение; друг Петрарки из неаполитанского кружка гуманистов Барбато да Сульмона составил к нему комментарий².

Исследователи почти не обращались к этому письму. Старые авторы, такие, как Феррари, Де Санктис, Ориани, — потому, что считали Петрарку самым аполитичным персонажем XIV в.³; А. Н. Веселовский отозвался об этом письме как об одной из праздных фантазмагорий, которыми, по его мнению, часто увлекался поэт⁴. Новые авторы опять-таки видят в Петрарке гуманиста индивидуалистического направления, равнодушного к политическим вопросам.

Между тем письмо к Аччайоли не было случайностью. Идеал просвещенного правителя волновал Петрарку почти всю его сознательную жизнь. Уже за несколько месяцев до смерти он написал обширный трактат на эту тему — «О наилучшем управлении государством».

Письмо к Аччайоли тоже своего рода небольшой трактат. Он позволяет проследить, каким, по представлениям первого гуманиста, должен быть идеальный правитель, какие нравственные, политические, социальные задачи ставятся перед ним. А это должно пролить свет на политический идеал гуманистов: ведь среди них Петрарка был первым, но отнюдь не последним, кто пытался выработать идеал правителя и идеал управления.

С начала до конца письма проходит мысль о том, как важно воспитать в правителе добрые нравы: «...пусть знает, что правитель отличается от народа не столько образом жизни, сколько правами» (р. 9).

Говоря о нравственном воспитании правителя, Петрарка советует прививать ему моральную чистоту, целомудрие, скромность, честность, ненависть к лести и льстецам, презрение к завистникам, терпение; предупреждает, что нет ничего более бесславного, чем распутство. Эти качества необходимы правителю прежде всего потому, что он должен являть при-

² См.: Wilkins E. H. Life of Petrarch. Chicago, 1961, p. 111.

³ См. подробнее о взглядах этих авторов в работе: De Mattei R. Il sentimento politico del Petrarca. Firenze, 1944.

⁴ См.: Веселовский А. Н. Боккаччо, его среда и сверстники. СПб., 1893, т. 1, с. 102.

мер для подражания, быть как бы зеркалом общества: «...пусть ведет образцовую жизнь: по образу жизни государя обычно судят о государстве» (р. 14).

В правителе должно воспитывать чувство милосердия и человеколюбия. Это — свойства природы любого человека, но они тем более должны быть присущи правителю, чем больше он будет стремиться выделиться среди прочих людей (р. 14). Таким образом, превосходство правителя должно быть только нравственным, чтобы он мог служить образцом для всего общества. Петрарка исходит из принципиально-гуманистического тезиса о нравственно-доброй природе человека и предъявляет к правителю чисто гуманистические этические требования, противоположные феодальному высокомерию и своеволнию.

Последние качества Петрарка неоднократно и гневно осуждает в сильных мира сего. Воспитанный в духе его наставлений правитель должен знать, что эти отвратительные свойства достойны черни, а не правителей (р. 12). Петрарке не только ненавистны, но смешны сословная кичливость и спесь, свойственные феодальной знати. Очевидно, что именно ее он здесь называет чернью. Гуманисту кажется смешным и нелепым желание правителей выделяться среди остальных одеждой: «...пусть он отвергнет пурпурные одежды, пусть с презрением смотрит на драгоценные камни, пусть не увлекается низменной роскошью» (р. 14—15). Здесь за осуждением роскоши и расточительности чувствуется ненависть к тирании. Ведь отвергается все, что традиционно составляло внешние атрибуты монархической власти и было призвано превознести ее над подданными. Петрарка надеется убедить молодого государя отвергнуть все то, что делает его королем. Нетрудно увидеть утопичность подобных рекомендаций. Но эта утопичность еще отчетливее показывает, сколь несхож идеал правителя у Петрарки с феодально-монархическими представлениями.

Правитель должен следовать доблести, жаждать доброй славы, бояться бесчестья. Настоящий правитель — это тот, кто сможет доказать, что получил скипетр «будучи достойным его, а не просто по праву наследства, что происхождению он обязан не больше, чем доблести» (р. 8). Очевидно, что такой идеал государя вытекает из гуманистического, антисословного идеала человека. При этом *virtus* понимается не традиционно как военная доблесть, обретаемая в подвигах и победах. Больше доблести в том, чтобы правитель избавил свою

землю от бедствий и слез, возвратив королевству утраченный мир и народу — желанный покой (р. 6).

Тем самым определена главная задача правителя, более чем актуальная для Италии XIV в. вообще и для Неаполитанского королевства в 50-е гг. в особенности. Здесь слышится гневный протест и против феодальных усобиц, и против войн императора и папы, в которые часто втягивалось Неаполитанское королевство, да и против смут и неурядиц правления принцессы Джованны.

Задача установления мира — это альфа и омега всего политического мировоззрения Петрарки. Эта идея гуманиста отразила чаяния самых широких кругов итальянского общества: передовой интеллигенции, попопанства, части городского дворянства, крестьянства: мирные времена положили бы конец бедствиям постоянных усобиц, открыли бы возможности более интенсивной духовной, политической, торгово-экономической деятельности. Идеал миролюбивого государя, а не государя-воителя, не государя-кондотьера близок Петрарке. Нет нужды доказывать историческую прогрессивность и принципиальную значимость политических инициатив гуманиста к обретению и сохранению мира в Италии того времени. Так этическое требование доблестности от государя тесно смыкается с представлениями о характере его политических устремлений.

О политическом лице правителя Петрарка говорит мало, но значительно: пусть изгонит тиранию, восстановит свободу (р. 9). Общественную свободу он должен обеспечивать всеми силами, в том числе и собственным неустанным трудом. Отметим вначале слова Петрарки о тирании: они относились к характеристике власти неаполитанских государей середины XIV в. — всемогущих, властных, способных на любое зло и коварство. Гуманист не утратился назвать вещи своими именами. А главное, новый король мыслится отнюдь не как тиран, но, напротив, как защитник всех тех, кто страдал от тирании, как охранитель свободы. Нужно ли доказывать, что правитель, способный бороться за свободу против тирании, не укладывается в рамки феодально-монархических представлений. Это гуманистический идеал правителя, отражающий устремления передовых сил того времени.

Больше всего Петрарку волнует, если так можно выразиться, социальная этика правителя. Прежде всего — принципы отношения его к подданным. В душу правителя должно

глубоко запасть, что «надо любить тех, кем он правит» (р. 9). Этот, вроде бы традиционный, принцип в эпоху Петрарки и в неаполитанской действительности обретал новый смысл: ведь там власть базировалась вовсе не на любви, там о подданных думали меньше всего, а если и случалось — то как о массе, обязанной безропотно платить, терпеть, участвовать в военных предприятиях, благоговеть, бояться, не иметь собственного голоса. Весьма часто этого добивались казнями, насилиями, конфискациями, произволом, использованием привилегий происхождения и положения.

У Петрарки правитель и добрые граждане рассматриваются не как чуждые и враждебные силы: «Нужно жить в согласии со своими подданными. Согласно упрощает малые дела, а разногласие может ослабить и самые большие... Правитель должен быть братом, союзником, другом подданных» (р. 10). Как видим, правитель нового типа должен руководствоваться принципами уважения, равенства. Петрарка советует правителю «оставив всякое чванство, проявить себя доступным для подданных» (р. 12). По сути дела, это означало, что монарх должен перестать быть дворянским монархом, стать правителем для народа. Гуманист пытался оторвать правителя от его класса.

Важнейшим принципом в отношении с подданными Петрарка считает справедливость. Она прежде всего в том, чтобы заботиться о правах граждан, не допускать произвола, не требовать для себя особых привилегий (р. 14). Как видим, понятие справедливости осмысливается как уважение к праву, как правовое равенство, исключающее самые королевские привилегии. Это объективно отражало интересы новых, популанских сил, в глазах которых привилегии феодальной аристократии все более превращались в несправедливый анахронизм. Вопреки вековым представлениям о родовитости как высшем источнике благородства и власти, Петрарка советует убеждать государя в том, что «менее почетно родиться правителем, чем стать таковым благодаря рассудительности и уму: первое зависит от фортуны, второе — от собственных заслуг» (р. 8). Признается потенциальное право за каждым дорости до ранга высших, то есть, потенциальное равенство правителя и подданных. Становится ясно, что для Петрарки правитель — не некий особый, стоящий над всеми божий избранник: он — такой же человек, как и другие, и лишь заслуги перед людьми определяют ему цену. Заметим, сколь конкретно сформулировано в письме антисловное понимание

истинного благородства: оно зависит только от собственных заслуг.

Специально, несколько раз Петрарка говорит о жестокости как социально-негодном качестве правителя: «...пусть он знает, что ужасен гнев в правителе, совершенно непозволительна жестокость (р. 12)»; он предупреждает, что жестокие долго не остаются в правителях (р. 8). Здесь ясно слышен голос гуманиста, противника тирании и произвола коронованных и некоронованных владык.

Петрарка убежден, что правитель не должен стремиться внушать страх подданным (р. 13). Даже к тем из граждан, кто виноват перед ним, он не должен относиться как к отъявленным врагам: «...пусть наказывает своих подданных со слезами и печалью, не иначе как родное детище» (р. 14). А вот по отношению к закоренелому врагу правитель вправе «бушевать» (р. 13). Таковых врагов у неаполитанских правителей было немало, в том числе из числа мятежных грандов, претендовавших на корону. Петрарка не проповедует милости к тем, кто нарушает спокойствие государства и общества, сеет внутренние и внешние смуты; решительное пресечение злой воли немногих во благо многих — вот чего должен придерживаться правитель.

Другое дело — отношения между правителем и добрыми подданными. Они должны строиться на принципе доверия. А для этого правителю следует говорить только правду: «Что смехотворнее и опаснее для правителя, чем ложь, при которой государство колеблется, становится шатким и беспокойным. Слово правителя должно быть твердым и постоянным: ведь на нем основаны надежды стольких людей» (р. 13). Реальность неаполитанской жизни была весьма далека от этого высокого идеала. Потому-то Петрарка так настаивает на нем. Он глубоко верит в возможность осуществления такого идеала, в возможность социальной справедливости и честности в отношениях между правителем и подданными.

В полном несогласии с практикой феодальной власти Петрарка вменяет идеальному правителю заботу о материальном благосостоянии подданных: «Пусть предпочитает, чтобы подданные жили в изобилии, а не его казна была переполнена. Пусть поймет, что не может быть бедным правитель богатого государства» (р. 9). Более того, идеальный правитель Петрарки не должен стремиться «иметь что-либо в собственности, кроме короны и скипетра и того, что отсюда истекает — заботы о благоденствии каждого и всех» (р. 14). Такой идеал

правителя, совершенно несовместимый с реальностями феодальных монархий той эпохи, более напоминает правителя на договоре, чиновника, приглашенного для исполнения государственных функций какой-то пополанской республикой. Пополанскими представлениями пропитан и совет правителю «убрать в городах и государстве все предметы роскоши, из-за которых портятся нравы» (р. 15).

Антифеодальная направленность политической мысли Петрарки отчетливо обнаруживается в его отношении к образу жизни самого правителя. Петрарка решительно отвергает праздность — эту характернейшую черту образа жизни феодалов. «Пусть знает правитель, что жизнь дана не для развлечений и забав, не для бездеятельной праздности, но для трудных и беспокойных забот» (р. 15). Правителю даются чисто гуманистические советы: он должен прославить себя делами (р. 13), должен быть бережливым в отношении времени (р. 9), «пусть знает точно, какие дела он должен делать ежедневно и пусть никому их не перепоручает» (р. 13). В условиях фаворитизма, процветавшего при дворе королевы Джованны, последний совет был особенно актуален.

Обеспечение внутренней свободы в государстве, уважение достоинства подданных, охранение их безопасности требуют презрения к доносчикам и клеветникам, наказания их, а не тех, на которых они клеветают (р. 10). За этими словами ясно слышится осуждение тираннических прав неаполитанского двора времен Джованны, да и других синьорий.

Но как же добиться, чтобы правитель стремился исполнить столь высокие требования и был способен это сделать? Петрарка не сомневается: этого можно достигнуть соответствующим воспитанием, и большую роль в этом должен сыграть наставник. Не случайно в первой части письма гуманист дает ряд советов самому наставнику: «Ты служишь правителю юного возраста и должен вести его чрез многие пропасти к высшей ступени человеческого состояния. Показывай ему, какими ступенями он должен подняться в этом водовороте фортуны, какими искусствами овладеть» (р. 9). Петрарка настойчиво побуждает Никколо Аччайоли к крайнему напряжению сил: «Пришло время для главнейшего сражения, чтобы весь мир узнал, насколько ты велик и каков ты, и не только ты сам, но и те, кто следуют твоим советам» (р. 8).

Программа воспитания носит выраженный этический, гуманистический характер: в правителе должно взрастить высокую нравственность, стремление к доблести, славе,

достоинству, честности; в нем должно воспитать деятельность, справедливость, неприхотливость, активность, стремление к миру, а не к войне, к обеспечению блага подданных, а не к увеличению своей казны; научить его умению и стремлению обеспечить свободу и права подданных.

В наставлениях Петрарки правителю не нашлось места христианско-церковным добродетелям: они уступили место новым, светским, гуманистическим. Лишь в одном месте сказано: правитель должен «почитать бога» (р. 8).

В основе учения Петрарки о правителе лежит гуманистическая вера в добрую природу человека, вера в действие добрых примеров, в то, что при прекрасном воспитанном правителе прекрасно воспитанные граждане могут составить гармоническое единство. Утопичность этих посылок в реальных условиях эпохи делает очевидной и утопичность всего того политического идеала, который из них проистекал. Даже если оставить в стороне те абсолютные формы совершенства, которых Петрарка требует от правителя, очевидно, что невозможно было ждать от самого воспитанного монарха осуществления в значительной мере республиканских идеалов и политических принципов, которые проповедовал первый гуманист.

Но это не было просто личным заблуждением Петрарки. Аналогичными проектами воспитания идеального правителя, можно сказать, полна последующая история гуманизма. Значит, перед нами иллюзия, но иллюзия глубоко закономерная, исторически обусловленная. Нельзя не видеть, что идеальный правитель Петрарки объективно противопоставлен старому феодально-монархическому строю, с его политической этикой самовластья, военной силы, жестокости, повседневного насилия.

Характерен и самый стиль письма Петрарки: так пишет человек убежденный, неравнодушный, страстный, желающий вызвать действие. Уже одного этого письма достаточно, чтобы отвести утверждение о социальной индифферентности гуманизма и его родоначальника. В центре гуманизма — человек, но уже индивидуализирующий гуманизм Петрарки проникнут острой политической заинтересованностью, социальной активностью. Ярче всего об этом сказал в одном из писем сам Петрарка: «Лучше умереть, чем спать, когда весь мир в тревоге».

Н. В. Ревякина

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Физическое воспитание наряду с нравственным и умственным было важной составной частью гуманистической системы образования и воспитания. В педагогических трактатах Верджерио, Веджо, Пикколомини, в сочинениях Альберти, Пальмиери вопросы телесного развития всесторонне обсуждаются. На практике физическое воспитание осуществлялось в гуманистических школах Витторино да Фельтре и Гуарино из Вероны.

В решении проблем физического воспитания гуманистическая педагогика исходила из гуманистических представлений о тесном взаимодействии и гармоническом единстве в человеке душевных и телесных свойств. Рассмотреть внимательнее идею физического воспитания, средства его и цели важно как с точки зрения более глубокого знакомства с гуманистической педагогикой, так и для освещения одной из граней общегуманистической концепции гармоничного развития человека — одного из наиболее ценных завоеваний гуманизма.

Физическое воспитание — это воспитание тела. Но, поскольку для гуманистов человек — это такое телесно-душевное единство, составные части которого влияют друг на друга, гуманисты не сомневались, что физическое воспитание сказывается и на душе человека, на его психическом состоянии и настроении, душевном здоровье. Поэтому содержание физического воспитания понималось шире, чем просто воспитание тела.

Развивая идеи физического воспитания и проводя его в жизнь, гуманисты опирались на богатейшую теорию и практику античного воспитания. Основанная на представлении о гармоничном развитии человека, идея телесного воспитания и ее осуществление в древней школе (в виде гимнастики) — достойные классической поры античности. В эллинистический и позднеантичный период роль физического воспитания ослабевает, и оно перестает по существу входить в общую подготовку. Так что гуманисты обращаются за поддержкой к классике; используют они также идеи киников, опыт военной подготовки римских юношей.

Гораздо меньше могло дать гуманизму в вопросах телес-

ного воспитания средневековое общество. В практике средневековой школы (монастырской, епископальной, городской) физическое воспитание отсутствовало. Средневековые педагогические теории утверждали, как и в целом средневековая идеология, абсолютный приоритет духовного начала, забота о теле предметом их интереса не была. Только практика рыцарского воспитания, имевшая своей целью воспитание будущего воина, предполагала достижение в ходе военных упражнений телесной силы и крепости, физическую и душевную закалку; этому же способствовали охота, турниры как «благородные занятия» рыцарства. Телесная сила, душевная стойкость, мужество как качества, необходимые будущему воину, в феодальных кругах ценились. Надо думать, что гуманисты, особенно те из них, кто обращал свои педагогические сочинения к государям, не проходили мимо практики воспитания рыцаря. Но на их отношение к этой практике могла налагать отпечаток общая их оценка дворянства и его занятий, дворянских претензий на благородство. Достаточно вспомнить критическое отношение Поджо Браччолини к дворянству и его «благородным» занятиям.

Средства физического воспитания — это прежде всего физические упражнения (гимнастика) и связанное с ними закаливание. Предлагаемые гуманистами виды отдыха также имеют в виду прежде всего физическое воспитание, а важными факторами хорошего физического состояния считаются соответствующие питание и сон. В гуманистических сочинениях нет разработанной системы физического воспитания. Средства физического воспитания скорее просматриваются в трактатах, чем выступают ясно и отчетливо. У некоторых гуманистов тесно связаны между собой гимнастика и закаливание, гимнастика и отдых, особенно это характерно для работ, где речь идет о домашнем воспитании (Альберти, Пальмиери, Пикколомини). В данной статье мы рассмотрим только два первых средства: гимнастику и закаливание.

О физическом воспитании говорится уже в самом раннем педагогическом сочинении итальянского Возрождения — трактате Верджерио «О добрых нравах и свободных науках» (около 1402 г.). Физические упражнения (гимнастика) связаны у Верджерио с военным обучением и рекомендуются тем, у кого «и ум развит, и тело крепко». Видимо, автор не мыслит их еще как предмет всеобщего обучения, но для части юношей они должны быть регулярны и проводиться в определенные часы. Физические упражнения для будущих воинов

описываются Верджеро подробно, поскольку его труд обращен к молодому Каррара — будущему правителю Падуи и военачальнику. В его рекомендациях существенны античное пятиборье (бег, прыжки, борьба, метание диска и метание копья), плавание, а также верховая езда, искусство сражаться на лошади, т. е. рыцарский военный опыт (эти занятия потом будут упоминать и другие гуманисты). А в качестве примеров военно-спортивного воспитания и военной доблести приводятся спартанцы, римляне и отец молодого Каррара. Применять рекомендуется также упражнения, которые «обеспечат хорошее здоровье и сделают тело более крепким». Одновременно с укреплением тела надо приучать к стойкости душу: «С самого начала надо тело упражнять для военной службы, а душу воспитывать выносливой»¹.

У гуманистов, писавших после Верджеро (все остальные работы по педагогике появляются позже — в 30-х — 40-х гг. XV в.), когда гуманизм уже достиг значительных успехов в обосновании прав телесной природы человека и когда идея гармоничного развития, в раннем гуманизме только зарождавшаяся, завоевала прочные позиции и стала неоспоримой, аргументация роли физических упражнений становится разнообразнее и глубже. Это по-прежнему: нужды гражданской жизни, защита родины, борьба с врагами, но не только. Веджо, ратующий, как и Верджеро, за школьное (а не домашнее) воспитание, в отличие от Верджеро, обходится уже без оговорок относительно телесной крепости как условия для занятия физическими упражнениями. Веджо осмысляет пользу гимнастики в двояком смысле — как отдых от занятий наукой и для упражнений в военном деле². Но раз физические упражнения начинают рассматриваться как отдых от умственных занятий, они становятся необходимыми для всех обучающихся. Поэтому и предлагает Веджо отвести каждому делу (учеба, гимнастика, отдых) определенные часы. Пользу гимнастики для научных занятий он видит в том, что она помогает устранить чувство отвращения, возникающее от непрерывных занятий, и дает отдых от «тяжелейших трудов»; отдохнувши же с помощью гимнастики, примешься за привыч-

¹ Vergerio. De ingenuis moribus et liberalibus studiis. Трактат опубликован в изд. XVII в. под названием Vergerii P. P. De nobilium puerorum educatione libellus gravissimus. Lipsiae, 1604, F₂.

² См.: Veggio. De educatione liberorum. Tübingen, 1513. Трактат Веджо опубликован под именем Филельфо.

ные занятия живее и энергичнее. Вот и Александр Север, говорит Веджо, после занятий правом упражнялся в палестре, в беге или борьбе. Особенно полезны упражнения для детей, от них дети станут бодрее и живее, избегнут печали и уныния, губительно действующих на их добрые природные качества.

Все более физические упражнения осознаются как необходимые просто для здоровья и телесной крепости безотносительно к военному делу. Это и не удивительно, ведь в гуманистической мысли возрастает понимание ценности физического здоровья вообще. Мысль о важности гимнастики для здоровья ясно утверждается у Альберти. Чтобы доказать это, он ссылается на наблюдения медиков: «Упражнения продлевают жизнь, воспаляют жар и естественную силу, удаляют избыточные и вредные вещества, укрепляют все свойства (организма) и (его) связки (perbi). Упражнение необходимо юношам, полезно старикам, и тот, кто не упражняется, не хочет жить веселым, радостным и здоровым. Упражнение — одно из естественных лекарств, которым каждый может лечить себя без опаски»³. Если ослабленным детям показан покой и отдых, то крепким, напротив, они вредны, ибо вены из-за бездействия наполняются флегмой, становятся влажными и бледными, желудок — слабым, связки — вялыми и все тело медлительным и сонным, а ум из-за бездействия тупеет и затуманивается и все душевные свойства становятся недееспособными и бессильными. И, напротив, упражнения очень помогают: натура оживляется, связки приучаются к труду, все члены укрепляются, кровь становится чище, тело крепче, ум — быстрым и живым. В подтверждение благотворной роли гимнастики Альберти приводит примеры тех своих современников, кто был слабым и недеятельным (disadacti), а с помощью упражнений стал наилучшим бегуном, прыгуном, метателем колья, стрелком из лука⁴.

Разумеется, Альберти отмечает важность физических занятий и для военной подготовки; уметь хорошо ездить верхом, фехтовать, плавать — все это нужно для гражданской жизни, чтобы в случае необходимости быть полезным родине «в борьбе с врагами»⁵. Но все-таки пафос Альберти в защите физических упражнений, думается, в другом: они помогают человеку быть здоровым, крепким, бодрым и радостным, они

³ Alberti L. B. I primi tre libri della famiglia, Firenze, 1946, p. 71.

⁴ Ibid., p. 72, 73.

⁵ Ibid., p. 105.

рождают в человеке ту телесно-душевную гармонию, за которую так ратовал Альберти.

Еще один аргумент в пользу гимнастики находим у Пикколомини — это соразмерное телосложение и выработка достойной осанки (Пикколомини при этом ссылается на греческое искусство жестов — хирономику, которую одобрял Сократ)⁶. Заботу об осанке гуманист связывает с королевским титулом Владислава, к кому обращен трактат, но в сущности представление о достойной осанке, как и о пропорциональном телосложении, имеет гуманистическую окраску: о достоинстве человека, о пристойных, подобающих (его достоинству) телодвижениях и жестах гуманисты постоянно напоминают, красоте человека поют настоящие гимны — достаточно вспомнить Манетти.

Итак, по мере постепенного осмысления значения тела и телесных свойств обогащается аргументация необходимости физических упражнений: к доводам в пользу военной подготовки присоединяются соображения физического и душевного здоровья, красоты тела и его достойной осанки, отдыха от умственных занятий с целью более успешного их продолжения. С помощью этих аргументов гуманисты утверждают необходимость физического воспитания в общей системе гуманистического воспитания. Но при этом они выдвигают важное условие — соразмерять физические нагрузки с возрастом детей; Верджеро рекомендует еще учитывать особенности естественного строения каждого ребенка. Подобные ограничения необходимы для того, чтобы не повредить росту детей (не разрушить «нерв возраста») и не помешать их обучению из-за безмерной усталости от физических занятий. Упражнять детей, замечает Веджо, надо ради крепкого тела и доброго здоровья, но не ради того, чтобы готовить из них атлетов; из-за чрезмерного физического напряжения дети не должны падать от усталости и отвлекаться от занятий наукой⁷.

Так что античный опыт гуманисты приемлют лишь отчасти, физическое развитие не понимается как самоцель. Физическая нагрузка не должна идти в ущерб общему развитию, которое предполагает соответствующее гуманистическим принципам умственное и нравственное образование и воспитание.

⁶ Piccolomini Aeneae Sylvii Opera. Basileae, 1571; p. 968.

⁷ См.: Veggio, Op. cit., f. 30 v. Атлетическое и военное воспитание спартанцев критиковал еще Аристотель, но аргументация у него другая.

Поэтому не могут гуманисты всецело одобрить и опыт воспитания рыцарства. Так, Пальмиери, говоря о физических занятиях для детей старшего возраста, исходит из практики рыцарского воспитания (называет военные упражнения, турниры, охоту). Он положительно оценивает эти занятия, поскольку они возвышают и укрепляют душу, делают тело ловким и способным к мужественным и доблестным деяниям. Но во всем этом, замечает Пальмиери, надо знать меру и обращаться к подобным занятиям следует ради душевного отдыха, когда устанешь от науки. Пальмиери отнюдь не одобряет того, кто тратит на такие занятия всю жизнь и, «оставив пищу духовную и науку о жизни, делается рабом телесных занятий»⁸.

Гуманисты создают свой идеал физического воспитания, пронизанный чувством меры, подчиненный ведущему принципу гуманистического воспитания — гармонии тела и духа, который никогда не теряется из вида.

От рассуждений о роли физических упражнений неотделимы мысли гуманистов о закалке — телесной и душевной одновременно. Гуманистам видится человек сильный, стойкий, выносливый, поэтому они выступают против излишней нежности в воспитании, которая «расслабляет души и тела людей», «разрушает все нервы и души и тела». Дети не должны привыкать к долгому сну и безделью, к мягкой постели, шелковой одежде, изнеживающей тело⁹. Как можно раньше детей надо начать закалывать, научить их переносить душой и телом разного рода трудности и лишения, чтобы дети смогли выдержать и не сломиться, когда трудности нависнут над ними в жизни¹⁰. За аргументами и примерами гуманисты обращаются к опыту критян и спартанцев, причувших детей к телесной выносливости и к душевному самообладанию, заставляя их бегать, прыгать, голодать, жаждать, зябнуть, страдать от жары.

Но прибегают гуманисты и к собственным наблюдениям. Так, Веджо, считавший хорошим средством закалки холод, ссылается на опыт варваров, которые погружали детей в холодные реки, заставляли их носить легкий плащ. Видя, как

⁸ Della vita civile di Matteo Palmieri. De optime cive di Bartolomeo Sacchi detto il Platina/A cura di F. Battaglia. Bologna, 1944, p. 23, 32; Vergerio, op. cit., F2; Piccolomini, op. cit., p. 968.

⁹ См.: Piccolomini, op. cit., p. 967.

¹⁰ См.: Vergerio, op. cit., E7.

люди в холодную зиму ходят с босыми ногами, носят одну и ту же одежду и зимой и летом и страдают от холода не более, чем обутые и одетые (Веджо ссылается на пример знакомого пастуха), он объясняет это привычкой к холоду и считает, что ее полезно воспитать с детства¹¹. Альберти хвалит тех отцов, кто приучил сыновей ходить с непокрытой головой, держать ноги в холоде, бодрствовать глубокой ночью, подниматься на рассвете, кто сделал все, чтобы укрепить их тело, приучить их к лишениям и воспитать, насколько возможно, мужественными. Однако и здесь проявляется гуманистическая мысль о мере: лишения должны не вредить, а помогать¹².

Веджо полагает столь важным научить детей переносить трудности, что посвящает этому специальную главу трактата, в которой он опирается на авторитет и пример киников, стоиков, Исократ, Катона, спартанцев. Гуманист утверждает, что, воспитав в себе привычку к трудностям разного рода, можно сделать их тяжесть легкой и мягкой. Трудности, труды (*labores*) понимаются им широко, это и духовные усилия, и физические лишения, тяготы, и физический труд. Размышления Веджо проникнуты духом кинической аскезы, трудности выступают как средство душевной и физической закалки. Понятие физического труда еще не выделено не только из понятия «труда» вообще, но и из понятия «трудности», «мучения», «тяготы», «тяжести» (*labores*). Представляющие новую идеологию гуманисты еще не выработали своего отношения к физическому труду: опору в античности с ее презрением к физическому труду они найти не могли, а к средневековью, видевшему в труде наказание за грехи, естественно, не обращались. Тем не менее сдвиги в отношении к труду были уже налицо, и оценки Веджо *labores*, думается, способствовали утверждению достоинства и труда физического. В самом деле: «Если к труду (трудностям) человек приучен с детства, лишиться его тяжело, ибо имеет и труд свои удовольствия». Противопоставляя труд и наслаждение, Веджо заявляет, что от труда остается радость, а от наслаждения горечь¹³.

Средством закалки считает труд и Альберти, но его отношение к труду глубже. Альберти очень высоко ценит трудолюбие, воюет с праздностью и ленью, а склонность к деятель-

¹¹ См.: Veggio, op. cit., f. 8 v.

¹² Alberti, op. cit., p. 72.

¹³ См.: Veggio, op. cit., f. 36 v.

ности считает знаком доброй природы. Даже в античном материале, понимая его по-своему, он находит аргументы в защиту труда. Так, «благоразумнейший правитель» Ликург хотел, по мнению Альберти, чтобы граждане с малых лет привыкали не к ласкам, а к трудам, не к развлечениям на площади, а к сельскому хозяйству, к военным занятиям в поле. А ссылаясь на Колумеллу, Альберти явно выказывает симпатии детям, выросшим в деревне, приученным к труду и жаре, сильным и крепким, по сравнению с теми, кто вырос в безделье и неге и которых даже смерть не изменит, такие они бледные, высохшие, с синими кругами под глазами, готовые распустить нюни. Им можно помочь, если отвлечь их от безделья и заставить трудиться¹⁴. На фоне общей оценки деятельности, выступающей у Альберти как обязанность, долг человека от природы, его размышления о труде в процессе воспитания наполняются особым смыслом и позволяют предположить зарождение у него идеи трудового воспитания.

Мы познакомились только с двумя формами телесного воспитания в гуманистической педагогике — физическими упражнениями (гимнастикой) и закаливанием — и не касались отдыха, гигиены сна и питания, также играющих, по мнению гуманистов, немаловажную роль в хорошем физическом развитии. Но даже частичное знакомство с вопросом позволяет составить представление о значении физического воспитания и его целях, которые просматриваются в гуманистической аргументации гимнастики и закаливания: действуя в целом на человеческий организм, физическое воспитание призвано подготовить мужественного гражданина и защитника отечества, человека физически и душевно здорового и крепкого, закаленного с детства и жизнестойкого, физически красивого. В конечном счете, значение физического воспитания, входящего обязательной составной частью в общую систему гуманистического воспитания, определяется главными задачами гуманистической педагогики: воспитать гармонически развитого человека, подготовить его для деятельной жизни в обществе.

¹⁴ См.: Alberti, op. cit., p. 72.

С. М. Стал

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЗЕМНОГО И НЕБЕСНОГО
В ЗРЕЛОМ ТВОРЧЕСТВЕ РАФАЭЛЯ
[«Святая Цецилия»]**

Вазари рассказывает: когда старый Франческо Франча, знаменитый болонский художник, увидел картину Рафаэля «Св. Цецилия», присланную ему автором, «таково было охватившее его изумление, и так велико было его восхищение», что «полумертвый от ужаса и от красоты картины, представившейся его глазам, и, сравнивая ее с теми, которые он сам написал и которыми он был окружен, совсем растерялся». Перед лицом этого творения собственное искусство совершенно померкло в глазах старого художника. Он слег в постель и вскоре умер¹.

В этом рассказе чувствуется преувеличение и сомнительная прямолинейность, но едва ли правы те, кто считает его просто-напросто вымыслом. Не следует забывать, что Франча был учителем того урбинского художника Тимотео Вити, который явился вторым, после отца, наставником юного Рафаэля в искусстве живописи, да и с Рафаэлем он, очевидно, был знаком и состоял в переписке. Главное же, нет ничего удивительного в потрясающем воздействии картины Рафаэля, тем более на впечатлительного, остро воспринимающего искусство художника. Тот же Вазари отмечает «Св. Цецилию» как явление выдающееся даже в блестящем творчестве Рафаэля.

Франча в своем восторге был первым, но отнюдь не последним. Этим творением Рафаэля восхищались многие, и среди них особенно Гёте и Шелли. Шелли был поражен «непередаваемым единством и совершенством» картины и мог сравнить ее только с лучшими творениями античной пластики. У Гёте восхищение сливается с недоумением: «Перед нами в ряд выстроились пятеро святых, до которых нам нет никакого дела; но мы видим их перед собой настолько живыми, что хочется пожелать этой картине жить вечно, хотя мы сами рассыплемся в прах»². Исключительная художественная вос-

¹ См.: Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1963, т. 2, с. 609.

² Goethes Werke, Berlin — Weimar, 1981, Bd. 10. S. 104.

Рафаэль. Святая Цецилия (1514—1515, Болонья, Пинакотека)

примчивость Гёте позволила ему со всей силой почувствовать очарование картины, хотя секрет этого очарования оставался загадочным.

Этот характер непостижимости, загадочности «Св. Цецилия» Рафаэля сохраняет и в глазах современных исследователей. Так, по признанию новейшего критика Станислава Мосаковского, картина остается «озадачивающей и неразгаданной»³. И это говорится через 450 лет о творении Рафаэля, чье искусство, как известно, было прозрачно ясным, а, по мнению некоторых критиков, даже и «предельно наивным». И что же это значит, если озадачивает и ставит в тупик алтарный образ с пятью святыми и, казалось бы, очевидным сюжетом?

Прежде всего познакомимся кратко с историей создания картины. Через посредство влиятельных духовных лиц Болоньи и Рима из рода Пуччи картина была заказана Рафаэлю в 1514 г. знатной и набожной болонской патрицианкой Эленой Дульоли да Олио как за престольный образ для основанной ею капеллы св. Цецилии при церкви Сан-Джованни-ин-Монте в Болонье. Весьма вероятно, что заказ был закреплен в декабре 1515 г., когда Рафаэль, по всей видимости, приезжал в Болонью вместе с папой Львом X. Написана «Св. Цецилия» была несомненно не позднее 1516 г., так как 5 января 1517 г. умер Франческо Франча, а он, как сообщает Вазари, еще участвовал в ее установке в алтаре капеллы (ныне картина находится в Болонской Пинакотеке).

Нужно иметь в виду, что заказчица, тесно связанная с церковными кругами Болоньи, отличалась не только ревностным благочестием, но, хотя и замужняя женщина, — горячей приверженностью к целомудрию. Именно поэтому раннехристианская святая Цецилия пользовалась особым ее расположением. Согласно житийной легенде, эта знатная римская девушка, в прошлом искусная музыкантша, тайно приняв христианство, согласилась выйти замуж за горячо любившего ее юношу только при условии, что их брак будет чисто духовным, и потребовала, чтобы на свадьбе не было никакой игры на музыкальных инструментах. Ей слышались хоры ангелов, а инструментальную музыку она считала последствием язычества. Подобно своей излюбленной святой, Елена Дульоли тоже, будто бы, временами слышала с небес райское пение ангелов и даже сама возносилась на небо и пела там

³ Mossakowski S. Raphael's «St. Cecilia». An iconographical Study.— Zeitschrift für Kunstgeschichte, 1968, Н. 1, S. 1.

вместе с ангелами. Позднее церковью она была причислена к лику блаженных.

Заказанная картина должна была запечатлеть апофеоз св. Цецилии, невыразимый восторг ее души, очарованной прелестью музыки небесных хоров, которая затмевает всю мнимую сладость несовершенной музыки земли, жалких земных инструментов, каковые святая с презрением отвергает. Таков был сугубо аскетический, мироотрицающий смысл, который должна была нести картина.

Этим предопределялось, во-первых, вертикальное построение картины и ее членение на земную и небесные части; и во-вторых, в земной части — центральное положение на первом плане фигуры самой св. Цецилии. Ее окружают еще четыре фигуры святых: апостол Павел и Иоанн (Иоанн-Евангелист), а также Августин и Мария Магдалина.

Этот состав лиц, видимо, был предудказан заказчицей и стоявшими за нею болонскими церковниками: апостол Иоанн — поскольку капелла Цецилии строилась при церкви Сан-Джованни; Августин — поскольку церковь эта принадлежала каноникам-августинцам; апостол Павел, как сообщают современники, пользовался особым почтением со стороны заказчицы (именно в начале XVI в. его культ входит в особую моду); тем же, по всей видимости, должно быть объяснено и введение фигуры Магдалины, почитавшейся как символ целомудрия, восстановленного через покаяние. В целом, очевидно, — достаточно тривиальный подбор персонажей для алтарного образа, призванного назидать в благочестии и целомудрии.

Но перечисленные лица, со св. Цецилией в центре, образуют передний план и, вместе с тем, нижний ярус картины. За их головами незначительный сельский пейзаж обозначает линию горизонта. Небо покрыто густой облачностью, которая в самой верхней части разорвана, и в открывшемся широком (но невысоком) окне зритель видит шесть ангелов, поющих по нотам. Слушая ангельское пение, св. Цецилия обратила свой взор к небесам, опустила руки и вот-вот выронит на землю небольшую ручную орган, на котором она, очевидно, только что играла; отдельные трубки уже выпадают из своих гнезд. А под ногами святой лежат брошенные кимвалы и треугольник, флейты и тамбурины, виола с порванными струнами.

Смысл картины кажется предельно ясным: даже самая совершенная музыка земли меркнет и гложет в чарующей

Рафаэль. Ангел

симфонии небес, слышать которую дано только святым да безусловно целомудренным праведникам. Чтобы услышать несказанное совершенство ангельского хора, нужно бесповоротно отринуть всякую земную музыку и безжалостно пожать грубые земные музыкальные инструменты. Так обычно эту картину и толкуют. Еще Август Шлегель, один из идеологов сугубо благочестивого немецкого романтизма начала XIX в., видел в этой картине проявление «юношеской набожности» Рафаэля⁴. Современный немецкий музыковед Р. Хаммерштейн не сомневается: в картине показано «абсолютное превосходство небесного пения над земной инструментальной музыкой»⁵. Того же мнения придерживается и «антропософ» Э. Юли⁶, а Василе Флореа просто относит «Цецилию» к числу религиозных картин, выполненных в двух регистрах, и не видит необходимости входить в дальнейшее рассмотрение⁷.

Но если картина выражает торжество небесного над земным, почему же ее верхний («небесный») регистр столь незначителен по масштабам и так мало выразителен по существу? Рафаэль не впервые обращался к двухъярусному построению композиции. Еще в юношеские годы было создано «Коронование Марии» (около 1503 г., Ватикан, Пинакотекка). Верхняя часть его занимает *более трети* высоты картины. По выразительности композиции, монументальности каждой отдельной «небесной» фигуры верхний регистр почти не уступает нижнему, где сильные и красивые земные люди (апостолы) столпились у пустого саркофага Марии. Еще ярче тот же подход виден в знаменитом «Диспуте» (1509, Ватикан, Станца делла Сеньятура). Небесная часть занимает здесь даже больше половины фрески. И опять-таки вся композиция могучего верхнего полукружия и каждая фигура в отдельности (некоторые из них, пожалуй, даже производят впечатление более земных и человеческих, чем иные персонажи нижнего регистра) исполнены такой силы и гармонии, что именно она придает цельность и завершенность яркой, выразительной, но беспокойной нижней сцене. Наконец в «Мадонне Фолиньо» (1511—1512, Рим, Ватиканская пинакотекка), на которую, как

⁴ См.: Ebbardt M. Die Deutung der Werke Raffaels in der deutschen Kunstliteratur von Klassizismus und Romantik, Göttingen, 1969, S. 137—138.

⁵ Hammerstein R. Die Musik der Engel, Berlin—München, 1962, S. 255.

⁶ Uehli E. Leonardo, Michelangelo, Raffael. Dornach, 1967, S. 306.

⁷ См.: Florea V. Raphael. L., 1974, p. 23.

на очевидный аналог, чаще всего кивают критики «Св. Цецилии», группа мадонны и младенца на облаках, занимающая половину картины, отличается такой цельностью и совершенством образа и такой глубиной заложенной в нем мысли, что вся нижняя сцена с униженно молящими святыми и угодниками выглядит мелкой, почти жалкой⁸.

Совсем не то в «Св. Цецилии». Горизонт поставлен художником высоко, так что все небо по высоте занимает меньше одной трети. Сам же просвет в тучах с поющими ангелами — узкая (по высоте) полоса, занимающая меньше $\frac{1}{7}$ высоты картины. Соответственно малы и фигуры ангелов.

Но главное даже не в размерах, а в отсутствии впечатляющей выразительности верхнего регистра. Прежде всего — это не хор: ангелов всего шесть. И что за ангелы? Какие-то торопливые юнцы. Ни уверенности, ни стройности. словно им только что приказали петь и они нескладно пытаются спеться. Один (в центре) развернул рот и, действительно, старательно поет — словно отвечает урок. Второй, справа, подсел сбоку и, держась за край нотной тетради, едва пытается подпевать. Третий, слева и несколько в глубине, сидит слишком далеко от нот, чтобы читать их, — не видно, чтобы он пел, а его тупое лицо ничего не выражает. Четвертый, крайний слева, сидящий в профиль, выказывает гораздо больше живости; похоже, что он улыбается, но едва ли поет, потому что сидит дальше всех от нот, к которым он едва дотянулся рукой, — то ли желая подтянуть их к себе, то ли готовясь перевертывать страницы. Справа от этой группы — еще два ангела. Один, наклонившись к лежащим на его коленях нотам, старается петь, но без всякого одушевления, — видимо, он с трудом разбирает нотные знаки, потому что второй, изображенный очень живо, тесно склонившись к первому, пальцами водит по нотам, помогая в них разобраться своему собрату, а может быть, и себе самому.

Перед нами стайка подростков — неподготовленных, пытающихся изобразить хор. Поистине —

...разыгранный Фрейшиц
перстами робких учениц.

И этот нескладный секстет кое-как собранных и неумелых учеников певческой школы и есть тот небесный хор ангелов,

⁸ Разумеется, это только беглые замечания. Идейное содержание этих выдающихся творений Рафаэля требует специального рассмотрения в каждом отдельном случае.

что, согласно уверениям фидеистов, «во славу Божию исполняет вечно звучащую литургию», ту неизреченной красоты «музыку небесных сфер», в которой раскрывается «музыкальная сущность религиозного откровения»⁹ и которое «обещает вечное блаженство»¹⁰? Несравненно больше выразительности, певучести, монументальности было в оркестре ангелов на уже упоминавшейся ранней картине Рафаэля «Коронование Марии». И архитектоника, и ритмика верхней сцены этой картины создают ощущение действительной музыкальности, какой нет в небесной сцене «Св. Цецилии». Этой сцене нельзя отказать в живости, но нигде больше у Рафаэля мы не найдем такой эскизности, почти небрежности, вовсе не свойственных творениям этого художника. И эта подчеркнутая эскизность не оставляет места для какой бы то ни было монументальности, внушительной выразительности небесного хора.

Нужно ли доказывать, что Рафаэлю было доступно изобразить эту сцену совершенно иначе? Достаточно припомнить одно из самых ранних творений художника — его «Ангела» (1500—1501, Брешиа, Пинакотекка Павио Мартиненго). В его лучистых глазах, юном, свежем, чуть улыбающемся лице сияет столько красоты и мягкости, внутреннего достоинства и радости жизни, что от него трудно отвести взгляд. Кажется, в этом чудном образе, как в зерне, заложена вся творческая программа гения. Даже у Гарофало, не столь значительного мастера, в его «Поклонении младенцу» (Дрезден, Картинная галерея), в просвете облаков, в самой верхней части картины, полная жизни группа ангелов изображена несравненно выразительней.

Так могло ли нестройное пение этого ученического вокального ансамбля заглушить всю музыку земли? Чтобы убедительно ответить на этот вопрос, нужно обратиться к рассмотрению главной, нижней сцены картины. Ее центральная фигура — св. Цецилия. Лицо и взгляд святой обращены к небу. Согласно традиционному истолкованию, она восхищена пением ангельского хора, лицо ее выражает состояние экстаза и отрешенности от всего земного, того мистического иступления, которое С. Мосаковский связывает с неоплатонической

⁹ Bandmann G. Melancholie und Musik. Ikonographische Studien. Köln-Opladen, 1959, S. 131—132.

¹⁰ Hammerstein R., S. 256.

Рафаэль. Святая Цецилия (деталь: апостол Иоанн)

7.

концепцией общения души с богом¹¹; безжалостно бросила Цецилия и поломала свои музыкальные инструменты, а теперь бросает на землю и последний из них — свой ручной орган.

Но где же этот упорительный мистический экстаз на картине? Широкое, полное лицо Цецилии, ее открытая и тоже полная шея, высокая грудь, отнюдь не субтильная фигура — все это крайне далеко от аскетического идеала. И — никаких черт иступленной визионерки. Взгляд ее действительно обращен к небу, но ни ликующего восторга — отражения чарующей силы небесной музыки, — ни экстатического «божественного безумия» (которое ставил в идеал платоник Фичино) — нет и тени. Лицо это умно и исполнено глубокой меланхолии. Пожалуй, нота укоризны чувствуется в обращенном в небеса взгляде. Не с отвращением, а с сожалением выпускает она из рук свой любимый инструмент. И, странное дело, кроме Цецилии, никто из окружающих ее святых на небо не смотрит. А ведь, как утверждает А. Шастель, все персонажи картины связаны главным образом с представлением об экстатической мистике. Р. Хаммерштейн пытается объяснить это странное обстоятельство тем, что видит ангелов и слышит их пение одна Цецилия. Однако ее окружают апостолы и почтеннейшие святые, они не могут не видеть и не слышать того, что слышит эта молодая римлянка. Тот же Шастель верно заметил, что ни у одного из персонажей нет набожного выражения лица. (Это на запрестольном-то образе!). И объяснил это тем, что Рафаэль просто воспользовался экстатической темой, как формой для показа священных лиц. Так с легкостью необыкновенной Рафаэль превращается в простоватого художника.

В формалистической критике это не новая тенденция. Она ведет свое начало от романтиков, воевавших против классицизма. Они объявили картину Рафаэля «академически холодной», слишком вертикальной, слишком уравновешенной, слишком рассчитанной (вот вам и «архи-наивный Рафаэль!»); апостол Иоанн и Августин не имеют отношения к сюжету и введены только для того, чтобы заполнить пространство; натюрморт музыкальных инструментов на переднем плане только отвлекает внимание от основного сюжета. И вообще-де всё очень напоминает «Положение во гроб» — то есть это всего лишь очередная неудача Рафаэля.

¹¹ Mossakowski S., p. 10.

В конце прошлого века Марко Мингетти утверждал, что компоновка фигур на картине «принадлежит XIV веку»¹². Ныне Де Векки считает, что Рафаэль искал популярной формы изображения персонажей и потому ослабил выразительность их движений и мимики (!). Г. Вельфлину тоже казалось, что апостол Иоанн и Августин вообще не имеют отношения к центральному образу, а «подчеркнутая мечтательность каждого образа надоедает»¹³.

Но откуда же тогда поразительное очарование целого, что так остро почувствовал старый Франча, а в новые времена Гёте и Шелли, да и не может не почувствовать каждый, кому внятен голос искусства? Не в состоянии игнорировать силы воздействия картины, некоторые авторы ищут объяснения в музыкальности ритма, линий, контрапостов, цвета или в «очаровании кисти Рафаэля» и «лучистой теплоте солнца» (?)¹⁴, — в чем угодно, только не в идейном содержании картины.

Новейшие критики клерикального направления со всей решительностью настаивают на мистическом ее истолковании. «Рафаэль сделал из души святой (Цецилии) седалище божественного откровения, — провозглашает Анна-Мария Брицио. — Божества нет на картине, но оно в сердце святой»¹⁵. Как это согласуется с печальностью лица Цецилии, критик не объясняет. Вообще аргументация ее беспокоит мало.

Не с большей убедительностью декларирует свое истолкование картины С. Мосаковский: это «мистерия божественной любви»¹⁶. Доказательства? — Все эти священные персонажи известны как горячие проповедники любви (?). Но если бы даже это было так, может ли отвлеченно теологический довод служить достаточным основанием для раскрытия сокровенного смысла конкретного творения художника? Есть еще обоснование: в то время был в моде неоплатонизм Фичино, и Рафаэль, конечно же, был его верным адептом. Мистическая фичиновская теория божественной любви и божественной музыки, противопоставленной музыке земной, согласно С. Мо-

¹² Minghetti M. Rafael. Breslau, 1887, S. 162.

¹³ Вельфлин Г. Классическое искусство. Спб., 1912, с. 95—96.

¹⁴ См.: Aschner S. Raffael der Maler reiner Schönheit. München, 1920, S. 86—87; Bérence F. Raphael ou la puissance de l'esprit. P., 1936, p. 11.

¹⁵ Brizio A. M. Santa Cecilia di Raffaello. — Arte Lombarda, 1965, luglio, p. 102; см. также De Vecchi P. Raffaello: la pittura. Firenze, 1981, p. 65.

¹⁶ Mossakowski S., S. 14.

саковскому, положена Рафаэлем в основу замысла произведения¹⁷.

Но где же эта «мистерия божественной любви» на картине? На лице Цецилии нет даже и тени той радости, которую рождают любовь, восхищение. Если было бы возможно, вопреки очевидному, предположить, что ее действительно привлекают шесть довольно бестолково музицирующих подростков на небесах, то пришлось бы признать ее полное одиночество на картине — ведь на небо смотрит только она одна. Никто из окружающих ее святых не проявляет к ангельскому хору ни малейшего интереса, не то что любви.

На переднем плане слева возвышается монументальная фигура апостола Павла. В широко ниспадающем красном плаще, положив левую руку на эфес упертого в землю меча, он облокотился на нее локтем правой и склонил на нее голову. Лицо погружено в глубокую задумчивость. Меланхолический взгляд устремлен не на небо, а на землю.

Правее и несколько в глубине видна фигура (склоненная голова и грудь) апостола Иоанна. Прекрасное лицо, дышащее юношеской нежностью, обрамлено золотистыми локонами. Оно — одно из лучших созданий Рафаэля. Но почему и это лицо так печально? Глубокие, горячие, добрые глаза полны какой-то настойчивой, грустной мольбы. Взор обращен отнюдь не на ангелов и даже не на Цецилию, как пишут обычно. Почему-то Иоанн пристально смотрит на Августина, стоящего против него по другую сторону Цецилии.

Августин, в епископском облачении, с высоким пастырским посохом в правой руке, изображен резко в профиль. Круто повернув голову влево, он вперил взор в юного Иоанна. Мягкому, горячо просящему взгляду апостола отвечает жесткий, непреклонный взгляд неистового отца западного христианства. Достаточно странно. И уж, во всяком случае, эти двое не заслушались ангельского пения. Они озабочены чем-то другим, и их диалог меньше всего похож на «мистирию божественной любви».

Крайней справа, на переднем плане стоит Мария Магдалина. Вернее, она только что подошла — одна ее нога еще согнута в незавершенном движении. В левой руке — кувшин с мирром. Красивая, гордая голова повернута в фас: это единственное лицо на картине, обращенное к зрителю. Мо-

¹⁷ Ibid., S. 8—10.

делью, несомненно, послужила Форнарина, возлюбленная Рафаэля. На нас, кажется, смотрит лицо «Донны Велаты», лицо «Галатеи», но — не тем мягким, нежным взором, что первая, и не тем ликующим, что вторая. Большие, красивые, широко открытые глаза Магдалины полны достоинства, ясности и твердого сознания своей правоты. И — ничто не говорит об ее очарованности «небесной музыкой».

Что же все это значит? Или Рафаэль, не будучи увлечен аскетической идеей болонской визионерки и ее советчиков-прелатов, просто-напросто изобразил пеструю галерею пяти предуказанных святых, кое-как связав их между собой? Откуда же тогда магическое очарование картины? И неужели критики вовсе не замечают всех тех странностей и даже несуразностей, которые обнаруживаются в картине, если верить ее ортодоксальному истолкованию? Кое-что замечают. Еще известный рафаэлевед первой половины XIX в. Р. Румор считал, что картина «настолько полностью» испорчена каким-то реставратором, что она больше похожа на копию, чем на самое себя¹⁸. Аналогичного мнения придерживался еще более известный Пассавант. Не было ли это выражением смутного ощущения несоответствия впечатления, производимого картиной, и ее внешнего сюжета? Стали обнаруживаться какие-то «неувязки». Так, А. Вольцоген отметил, что Магдалина на картине «совсем отпадает от св. Цецилии, зачарованной ангельским хором»¹⁹. В наше время Э. Юли, разделяющий спиритуалистическое истолкование «Св. Цецилии», убежденный в том, что апостол Павел на картине всецело погружен в слушание музыки небесных сфер, вместе с тем полагает, что «в нем идет внутренняя борьба (!), он ищет новых средств, чтобы раскрыть в переживании сущность христианства»²⁰. Значит что-то в происходящем ему не нравится, он ищет чего-то иного? Во всяком случае, его фигура не выражает одобрения происходящего. В то время как С. Мосаковский в пристальном взгляде Августина, обращенном на юного апостола Иоанна, видит выражение любви²¹, П. Де Векки полагает, что их взгляды «скрестились» (!)²². Но вопроса о

¹⁸ Rumohr R. Über Rafael und sein Verhältniss zu den Zeitgenossen. Berlin — Stettin, 1831, S. 120.

¹⁹ Wolzogen A. F. Rafael Santi. Leipzig, 1865, S. 118.

²⁰ Uehli E., S. 306.

²¹ Mossakowski S., S. 25, n. 137.

²² De Vecchi P. L'opera completa di Raffaello. Milano, 1968, p. 110.

том, как понять такой раздор в картине, которая будто бы выражает нерушимое благолепие, критик не ставит.

Вполне католическая А.-М. Брицио, утверждая, что смысл картины Рафаэля следует видеть в «чувстве религиозного поклонения, набожного воодушевления», в то же время упрекает картину в «недостаточной эмоциональной насыщенности»²³, и не замечает, что тем самым перечеркивает собственный исходный тезис. Но упрек достаточно красноречив: значит нет в картине Рафаэля того религиозного энтузиазма, который навязывает ей ортодоксальная критика.

И даже С. Мосаковский, казалось бы, как дважды два доказавший платонистско-мистический смысл картины, вынужден признать ее «сложный, запутанный (involved) характер», наличие в ней каких-то «скрытых аргументов и загадочных намеков»²⁴. Однако ни он, ни другие фидеистские критики даже не пытаются распутать эту «запутанность», разгадать заложенные художником «скрытые намеки», противоречащие их традиционной версии, предпочитают в них не вдаваться. Но о каком же объективном постижении замысла художника в таком случае может идти речь?

Если уж спиритуалистически настроенные авторы признают в ней наличие каких-то несоответствий, какой-то загадочности, можно ли сомневаться: помимо очевидного, на поверхности лежащего текста в этом произведении есть еще и подтекст.

В самом деле, «текст» читается, казалось бы, легко: в небесах поют ангелы, Цецилия слушает их и, зачарованная прелестью небесной музыки, отрекается от земной. Но достаточно присмотреться внимательно, чтобы заметить, что художник сказал нечто принципиально иное. Ангельский хор изображен слабым и невыразительным. Музыки земли он не заглушает. Он просто неспособен что-нибудь заглушить. Сама святая вовсе не ликует в мистическом воодушевлении, она скорее огорчена. А свой ручной орган она не столько хочет бросить, сколько пытается удержать. Создается впечатление, что Цецилия совершает свое отречение от всех самых дорогих ей земных радостей не по убеждению и доброй воле, не в экстаатическом упоении, а лишь вынужденно, подчиняясь какой-то внешней воле.

²³ Brizio A. M. Raphael. Enc. of world Art, v. 11, col. 859.

²⁴ Mossakowski S., S. 14—15.

По замыслу заказчиков, изображенные на картине святые должны своим авторитетом санкционировать аскетический подвиг Цецилии, подкреплять его единым с нею восхищением небесным и отречением от земного. Но, как было отмечено, ни один из святых не смотрит на небо, не упивается ангельским пением. Быть может, глубокая задумчивость апостола Павла все-таки вызвана очарованием ангельского хора? Но и на его лице — ни тени ликования. С невыразимой грустью смотрит он вниз на землю, на брошенные и сломанные инструменты. Обратим внимание: он не попирает лежащих рядом с его ногами инструментов. Напротив, выдвинутым на передний план обнаженным мечом он опирается в землю рядом с брошенным музыкальным треугольником: он словно хочет защитить инструменты, не отдать их уничтожению. Меч уперся в землю с такой силой, что даже слегка прогнулся. Несомненно, этому человеку дорог земной мир, его радости, его музыка. Он не хочет их поругания.

Юный и прекрасный Иоанн не обладает воинственностью Павла. Но он волнуем теми же чувствами, только выражает их иначе. Со всею присущей ему мягкостью и с юношеской горячностью он просит, он пытается спасти красоту земного, человеческого мира. Пылкий взгляд всецело обращен на Августина. Именно его о чем-то упорно просит апостол: голова наклонена, уста приоткрыты, левую руку в прекрасно найденном жесте он приложил к груди. По меткому наблюдению Шелли, Иоанн «словно изнемогает от волнения». Он пытается убедить, заступиться — за Цецилию, за разрушаемую прекрасную земную музыку.

Что это именно так, яснее всего говорит фигура Августина. Он стоит твердо и прямо, черты лица резки, жесткий взгляд в упор обращен на просящего юношу: он отвечает не только непреклонным отказом, но, кажется, даже строгими попреками апостолу. Художник выразил это не только мимикой лица, но и жестами гиппонского епископа: левая рука поднята в сдерживающем, останавливающем движении, правая же, твердо сжимая пастырский жезл, резко приподняла его (жезл слегка наклонен, и его волюта возвышается над головами всех пяти фигур) и сейчас ударит им в землю: высвеченное художником острое посоха вонзается в песок. Непримиримый отец церкви безоговорочно запрещает дальнейшее обсуждение вопроса. (Странным образом, критики всего этого словно не замечают).

Но вот откуда-то справа подошла Магдалина и стала в пе-

редний ряд, подле святой музыкантши. Ей она протягивает свою вазу с мирром. Сосуд почти вплотную подведен к фигуре Цецилии и резко выделяется на фоне золотой парчи епископского одеяния Августина; он расположен на одной вертикали с резким, осуждающим профилем отца церкви и явно ему противопоставлен. Но твердо сжатая рука Августина, с его владычным посохом, словно вклинивается между фигурой Цецилии и кувшином: суровый пастырь явно не одобряет дара Магдалины. Она же, чтобы было ясно, кого она одобряет и хочет утешить, и, напротив, с кем решительно не согласна, приподнятой правой рукой отгораживает и защищает кувшинчик от Августина: высвеченный художником торчащий большой палец ее руки тоже четко выделяется на фоне парчевых риз Августина и не оставляет сомнения в смысле этого жеста.

Магдалина только что подошла, и ее корпус мы видим в профиль, но голову она круто повернула к зрителю. Своим простым, но живым, красивым лицом, открытым и твердым взглядом она как бы приглашает зрителей присоединиться к ее сочувствию и защите Цецилии и ее музыки. Резкий поворот головы от Августина, на которого она не обращает ни малейшего внимания, предельно уточняет ее позицию в этом споре о земной музыке, ее достоинстве.

Для уяснения замысла Рафаэля в «Св. Цецилии» много дает одноименная гравюра Маркантонио Раймонди. Здесь почти все так же, как на картине, и — совсем не так. Цецилия моложе, в простом платье. Ногой она попирает брошенные цимбалы. Но вся ее фигура, вертикальные линии складок одежды и особенно лицо — выражают глубокую печаль. Глаза полны слез. В лицах других святых нет той глубины, что очаровывает нас на картине. Апостол Павел смотрит на брошенные инструменты с сомнением, но и с сожалением. Юный Иоанн косится на него: неужели так тому и быть? Августин смущенно уткнулся в книгу. Магдалина же, подняв к небу страдальческое лицо, почти плача, о чем-то молит ангелов: очевидно, не уничтожать этой чудной земной музыки.

Ангелы изображены совсем иначе. Двое играют на виоле и цитре, — значит, Рафаэль не видел в этом ничего предосудительного. Эти две фигуры наиболее привлекательны, пластичны, монументальны. Мольбы Магдалины слышны ангелам: двое с боков и один, играющий на виоле, с сочувствием смотрят на людей.

Как же все это понимать? Отражает ли гравюра какую-то фазу в процессе подготовки композиции художником или это

Маркантонио Раймонди. Святая Цецилия (гравюра по рисунку Рафаэля)

вольное переложение готовой картины гравёром? Маркантонио приехал в Рим в 1510 г., близко сошелся с Рафаэлем и тесно сотрудничал с ним, весьма точно воспроизводя в гравюре его рисунки и картины. Глубокое уважение гравёра к великому художнику исключало возможность вольного обращения с его оригиналами. Что Маркантонио копировал какую-то работу мастера, свидетельствуют буквы «Raph» на бортике брошенных цимбал. Очевидно, это копия с подготовительного рисунка Рафаэля к картине, который он, по всей видимости, возил в Болонью в 1515 г. В пользу этого вывода говорит и некоторая вялость композиции нижней сцены и гораздо меньшая, чем на картине, выразительность лиц. Сопоставление позволяет яснее понять, что именно не понравилось боголюбивым болонским заказчикам на рисунке и каких исправлений они потребовали от художника: почему полностью снятыми оказались и горячая мольба Магдалины, и сочувствие к ней ангелов, а сами они из музыкантов превратились в вокалистов.

Однако Рафаэль не отступил от своих антиаскетических позиций и сумел найти другие средства, чтобы недвусмысленно их выразить. Лицо и фигура Цецилии стали гораздо полнокровнее. Лица и фигуры других святых наполнились глубокой человеческой выразительностью. Иоанн вступил в горячий спор с Августином за права человеческого искусства, а столп католического правоверия предстал как неистовый поборник аскетизма. Ангелы оставили «греховные» инструменты, но лишились и тени величия. Удивительно ли, что Магдалина уже не молит ангелов; она смело обращается к людям, полная уверенности в своей правоте. Инструменты, брошенные наземь, поломаны, но их стало больше; это прекрасные творения человеческих рук, и в своей истерзанности и беззащитности (на краю обрыва!) они вызывают острую жалость. Цецилия их более не попирает; она стоит над ними как великолепный скорбный монумент разрушаемому человеческому искусству.

Не потому ли, как сообщает Вазари, Рафаэль предпочел послать готовую картину не прямо заказчикам, а через посредство Франческо Франчи? Очень вероятно, что восторженный отзыв старого мастера, высоко почитаемого в Болонье, сыграл не последнюю роль в том, что фанатические наставники болонской визионерки все-таки приняли глубоко гуманистическое творение Санцио.

«Святую Цецилию» принято относить к типу так называ-

емых «священных собеседований». Но эту традиционную форму Рафаэль использовал не для парада мирно беседующих святых и не для того, чтобы освятить аскетическое отречение от всего земного, а как форму острого диалога, драматического спора о праве Земли, Человека на музыку и красоту.

Этот спор берет свое начало в противоположности земной музыки Цецилии и небесного ангельского хора, в котором выражена высшая воля, предписывающая отречься от «низкого» — человеческого — искусства. Вот почему лицо молодой музыкантши исполнено глубокой печали. Она покоряется против воли. Ей все еще жаль отринуть свое искусство, бросить на землю любимый инструмент.

Внутренний раздор, охвативший душу Цецилии, развернут художником в сложном хоре окружающих ее четырех святых. В Павле скрыто вскипает глубокий конфликт между меланхолической покорностью и едва сдерживаемой силой протеста. Здесь внутренний драматизм достигает почти микельанджеловской мощи.

Для Иоанна уже нет сомнений. Его умоляющие глаза, открытое лицо и шея, с сердечной искренностью прижатая к груди и высвеченная художником рука делают его воплощением доброты, сочувствия к Цецилии (отметим: наклон головы этих двух фигур, так же как и апостола Павла, параллелен, что усиливает ощущение духовного консонанса), заступничества, действительно любви — но не к ангельским вокальным экзерсисам, а к прекрасной земной музыке, которая обречена высшей волей. Воплощением этой воли в картине выступают не равнодушные к происходящему ангелы, а Августин. Весь образ Иоанна — это порыв, это открытое излияние того лучшего, что в душе Павла борется с апостольской покорностью. Примечательно: всю верхнюю, наклоненную вперед, вправо, часть фигуры Иоанна художник расположил так, что она, как на базу, опирается на приподнятое в жесте печальной задумчивости предплечье Павла, словно вырастает из его груди.

Спор вырвался наружу. Он достигает высшего напряжения в столкновении между Иоанном и Августином. Доброта и человечность первого разбивается о стоящую скалой аскетическую непримиримость гиппонского вероучителя; гневный удар его епископского жезла о землю подтверждает незаблещенность воли и власти церкви и требование прекратить спор. Духов-

ный поединок Иоанна и Августина — это, в сущности, кульминация драматизма, которым проникнута картина.

Разрешение спора дает фигура Магдалины, замыкающая справа всю нижнюю группу. От Августина Магдалина решительно отвернулась и демонстративно отгородила от него свой кувшин с мирром утешения и освящения, предназначенный Цецилии. Она целиком на ее стороне, на стороне осуждаемой аскетизмом земной музыки. Лицо ее ясно и воля тверда. И обращается она — к людям, приглашая и их поддержать Цецилию, спасти прекрасную музыку Земли. Цикл завершен. То, что начиналось как сомнение и внутренняя борьба, разрешилось как утверждение земного начала и — как призыв к его защите.

Но если так, если перед нами не всеобщее умиление и не блаженное созвучие душ всех персонажей, — откуда же берется ощущение гармонии, то могучее очарование картины, которому невозможно противостоять? Вопрос этот совсем не прост, и для недоумения достаточно оснований. В самом деле, предуказанный сюжет предполагает диссонанс между небом и землей как главный стержень всего произведения. И диссонанс этот налицо в картине: небо совершенно не похоже на землю, контраст кричащий, и никакое единодушие их не объединяет. Между тем, картина вызывает ощущение не разлада, а какой-то, правда, грустной, но чарующей гармонии.

Более того, контраст проходит не только по вертикали. Острое столкновение мыслей и чувств наполняет драматизмом и самую нижнюю сцену. И все-таки ощущение гармонии торжествует, во всяком случае преобладает настолько, что критики, как правило, вообще не замечают ни обособленной, диссонирующей фигуры Августина, ни противодействия ему со стороны Иоанна и Магдалины. Только гению Рафаэля художника при твердости гуманистических убеждений Рафаэля-мыслителя оказалось по силам разрешить эту почти неразрешимую задачу.

Несомненно, перед нами произведение глубоко гармоническое. Но это не платонистская гармония, об идеале которой так выразительно писал Кастильоне в своем трактате «О любви»: «Дай нам услышать небесную гармонию, столь созвучную, чтобы в нас не осталось больше места ни для какого раздора страстей». Как мы только что могли убедиться, ни один из изображенных персонажей не находится в блаженном равновесии с самим собой и с окружающим. Значит, Рафаэль не только не стремился избежать раздора страстей, но, напо-

тив, насытил им свое творение. Он насытил его и гармонией, только гармония эта не неоплатонического, а, так сказать, гераклитического типа. Она построена на сложном и поразительно стройном сочетании противоположностей.

Гармония эта льется отнюдь не с небес. Суетливый вокальный секстет действительно пытается что-то смузицировать, но производит лишь впечатление поспешности и незрелости. Никакая могучая мелодия не изливается с заоблачных высей. Зато сгруппированные на переднем плане земные фигуры приковывают к себе внимание неодолимо. Припомним: Гете совершенно не заинтересовался ни небесными ангелами, ни выстроившимися в ряд святыми, но *люди* переднего плана неодолимо очаровали его. Да и Шелли, восхищаясь картиной, писал только о фигурах нижнего яруса. И неудивительно: ведь именно от них исходит какая-то могучая гармоническая мелодия, полная магической силы. Но — и неизъяснимой грусти.

Как уже давно подмечено, Цецилия только что закончила петь и играть на ручном органе. Значит, окружающие заслушались *ее* музыки, ею они очарованы. Тут небеса разверзлись, зазвучал ангельский хор — Цецилия умолкла и бросила инструменты. Но присутствующие не могут сбросить очарования, навеянного только что отзвучавшей музыкой. Ангельский хор жалок. Не к нему они прислушиваются: в их ушах и душах все еще звучит чудная гармония земного искусства. Им жаль с нею расстаться.

В «сильном образе» Павла идет напряженная борьба между «долгом» повиновения воле небес и горячим человеческим чувством. Нежный, отзывчивый Иоанн взволнованно просит не отвергать, не запрещать этой музыки. Магдалина спешит принести дивной музыкантше свой дар как свидетельство восхищения и благодарности. И только Августин неумолим: да умолкнет суетная музыка земли перед райской музыкой небес!

Но, как ни высоко поднял он свой пастырский посох, указывая на небо, коему должно безропотно повиноваться, его голос тонет в общей могучей мелодии горячего сочувствия к Цецилии и к представляемой ею земной, человеческой музыке.

Нет, не для того, чтобы заполнить пространство, поставил Рафаэль у правого края картины фигуру Магдалины. Величественная в своем порыве, прекрасная в своей решимости она почти заслоняет жесткую фигуру столпа церковного правоверия и дает выход господствующей во всей группе безмолвной мелодии глубокой грусти и человеческого сочувствия.

Не небо, а землю, не райские кущи, а неизреченную красоту человека и его искусства прославил этой картиной художник.

В самом деле, какой контраст: тогда как в нижней сцене каждая фигура проникнута высоким достоинством и значительностью, фигуры ангелов несут на себе печать несолидной поспешности, ученической неопытности, растерянности. Их движения робки, неуверенны; даже волосы у них растрепаны. Ничего спокойного, величавого, «небесно-совершенного». Создается ощущение какой-то мимолетности, даже иллюзорности. Фигуры нижней сцены, изображающей людей, впятеро больше фигурок небожителей и написаны в принципиально иной манере. Здесь, по меткому слову Вазари, «плоть трепещет, дышит, чувствует, полна жизни». Эта осязаемость земной плоти, естественное достоинство осанки, сдержанная значительность жестов, свободная величавость одежд — создает впечатление подлинной *монументальности*, которой вовсе лишены представители «сил небесных». И совершенно несравнимая с ангелами выразительность лиц, несоизмеримое богатство духовного содержания.

В картине Рафаэля не небо противопоставлено земле; напротив, земля противопоставлена небу. Невыразительные, почти небрежно-аморфные ангелы совершенно ступеньваются перед красивыми, сильными, умными, пластически выразительными людьми: что ни персонаж, то целый мир. Дилетантской слевке бездумных подростков противопоставлена сложная симфония борющихся мыслей, чувств, переживаний, выразительных *личностей*.

Художник-гуманист остался верен себе: он вновь прославил человека и его искусство. Именно от нижней, человеческой сцены исходит то необъяснимое очарование, которое присуще этому творению Рафаэля.

Но тогда, отчего же картина кажется загадочной, а источник ее очарования необъяснимым? Не потому ли, что ее внешнее содержание, и ее идейно-художественная сущность лежат в различных плоскостях? Предуказанный священный сюжет призван утвердить превосходство небес над землей, небесной музыки над человеческой, ничтожество последней и необходимость отречься от нее. Художник выполнил этот предписанный сценарий картины: и ангелы на небесах поют, и земные инструменты брошены и поломаны, и не только изображены все предуказанные святые, но и соблюдена вся традиционная их символика, вплоть до орла Иоанна-Еванге-

листа, и даже детали одежды Цецилии соответствуют данным ее жития.

Но сделано это так, что земное многократно перевешивает небесное — масштабами, красотой, выразительностью, богатством помыслов и поступков. Духовное превосходство оказывается на стороне Земли. В итоге, если внимательно всмотреться в картину, ее внутреннее, идейное содержание оказывается противоположным замыслу заказчиков. Картина прославляет не аскетическое презрение к миру, а, напротив, его красоту, духовное богатство, его музыкальность. Неожиданным это может показаться лишь тому, кто мало знаком с искусством Ренессанса. Примечательно, что С. Мосаковский, вопреки своему, казалось бы, бесспорному религиозно-аскетическому истолкованию картины, жалуясь на ее «особо сложный, запутанный характер», отмечает, что «это было типично для той эпохи, когда гуманисты намеренно культивировали некое тайное, понятное лишь посвященным (*esoteric*) знание и любили скрытые значения и таинственные намеки, благодаря чему их произведения должны были приобрести, как им казалось, большую глубину и значимость»²⁵. Но там, где критику-фидеисту видится только внешний прием или даже мода, там в действительности скрывалась закономерная форма реализации гуманистического свободомыслия в искусстве, еще вынужденном в значительной степени обслуживать культовые потребности.

А. М. Брицио увидела в «Св. Цецилии» предвосхищение идей Контрреформации. Ей представляется, что, не изобразив на алтарной картине самого бога, а только святых, Рафаэль тем самым предвосхитил (правда, по-своему) позицию, которую католическая церковь займет почти полустолетием позже, в период Контрреформации, «когда явится увлечение изображать на алтарных образах святых в полный рост»²⁶. Критик, как и большинство других, не учитывает преуказанности персонажей и самого сюжета, скользит по его поверхности и не хочет слышать того главного, что говорит своим творением художник.

Клерикальная критика давно уже пытается во что бы то ни стало превратить позднего Рафаэля в единомышленника Контрреформации, но только — вопреки фактам искусства. Что ж, действительно, «Св. Цецилия» имеет некоторое отно-

²⁵ Mossakowski S., S. 14—15.

²⁶ Brizio A. M. Raphael, col. 859.

шение к Контрреформации. Более того, можно сказать, что картина опалена тяжким дыханием надвигающейся католической реакции. Небо над землей низко затянуто тяжелой пеленой серо-сизых облаков. Поющие ангелы только являются во внезапно открывшемся «окне», но не рассеивают туч. Внизу, в левом углу внимательный взгляд заметит обрыв, начало какого-то зияющего провала. Брошенные музыкальные инструменты лежат на краю обрыва, и главные линии их очертаний направлены в его сторону. Ведь они обречены. Уже гриф виолы касается тех безобразных, аморфных глыб камня или грязи, что лежат на самом краю провала, да и вся группа изображенных людей оказывается, в сущности, на краю обрыва. Не тот ли это гибельный обрыв, что разверзается на переднем плане картины Леонардо да Винчи «Св. Анна» (Париж, Лувр)? Все готово рухнуть.

Или, может быть, Рафаэль радовался такому «сожжению суевы», уничтожению орудий искусства? Нет, вид брошенных, варварски изломанных инструментов вызывает острое сожаление и протест. И главное: щемящее чувство грусти, сожаления исходит от группы людей, ярких, сильных, выразительных над этими обломками: искусная органистка, которой теперь приказано замолчать, и слушатели, еще только что перед тем наслаждавшиеся ее мастерством.

Анология аскетического фанатизма, попирающего человеческие искусства? Нет, протест против надвигающегося пароксизма варварства. В споре апостола Иоанна с Августином сила на стороне епископского жезла. Но нравственная победа, несомненно, на стороне Иоанна.

Да, Рафаэль действительно обладал исключительной исторической интуицией (воспользуемся выражением А. М. Брицио). Приближение Контрреформации он почувствовал очень рано. Но он к ней не подлаживался — он ее отвергал. И в «Мадонне Фолиньо», и в «Сикстине», и в «Св. Цецилии». В этой картине художник выступил *на защиту* гуманистического искусства.

Мелодия, которую действительно излучает «Св. Цецилия», не гимн ликования, не упоение музыкой небес. Она меланхолична. Это — сдержанная мелодия печали над угасающим и все более отвергаемым гуманистическим искусством. Это острое ощущение надвигающегося кризиса Ренессанса.

Мелодия любви? Да, и мелодия любви. Но любви не к небесному, попирающему земное, а к несравненной музыке Земли. Из этой гуманистической любви вытекает и боль, и острое

сожаление, и сочувствие — к человеку и его прекрасному искусству, теперь обрекаемому на покорность и молчание.

Но одновременно это и мощный аккорд протеста — против наступления темных сил аскетизма и антигуманизма. Рафаэль знал и недвусмысленно показал в своей картине, откуда эти темные силы исходили.

Решительный приговор церкви Рафаэль вынесет в своем последнем творении — в потрясающем «Преображении». «Св. Цецилия» явилась важным этапом, завоеванным художником на пути к этой вершине.

А. И. Озолин

ГОРОДА И РАЗВИТИЕ ЧЕШСКО-ГЕРМАНСКИХ СВЯЗЕЙ В XIV—НАЧАЛЕ XV ВЕКА

Накануне и в годы гуситских войн чешско-германские отношения пережили сложную эволюцию. Хотя магнатам империи не удалось в предшествующий период захватить силой чешские земли и включить их в состав своих владений, они не отказались от этих намерений. Мирные методы осуществления агрессивных планов «дранг нах Остен» продолжали осуществляться в различных формах. Уже несколько столетий немецкое католическое духовенство успешно проникало в чешские земли, особенно в монастыри, в состав прелатов. Крупные иноземные купцы, прежде всего из Германии, проникали в чешское королевство; немецкие ремесленники и крестьяне переселялись в чешские земли, получали там ряд привилегий от местных феодалов, от государей. В крупных чешских и словацких городах к началу XV в. было налицо засилье немецкого патрициата, в том числе и в Праге, в Кутной Горе, Братиславе и горных словацких городах. Там распространилось немецкое право — нюрнбергское, магдебургское. Немецкий патрициат, так же как и чешский, в городах Чехии и Моравии мешал развитию цеховой системы и всячески ограничивал права ремесленников.

Короли Чехии давно уже входили в состав коллегии курфюрстов и занимали там первое место среди светских князей. С 1310 г. чешская корона попала в руки Люксембургов, князей Германской империи, что также способствовало расширению и упрочению чешско-германских связей.

Чехия и Словакия торговали с Италией, Бельгией, Фландрией, Польшей, Венгрией, Русью, и весьма широко с Германией, в том числе и с областями влияния ганзейских городов и владениями Тевтонского Ордена. В 1304 г. пражане получили торговые привилегии от маркграфа Бранденбургского, а в 1349 г. новые льготы для торговли в Бранденбурге и Лаузице (Лужице)¹. Основным объектом экспорта из Чехии и Словакии являлась продукция земледелия, прежде всего зерновые культуры. Из промышленной продукции заметное место занимал экспорт грубых сукон. Жители города Брно экспортировали его в Вену, Силезию, Венгрию. В Австрию вывозились пльзеньские сукна, а также сукно из Йиндржихова Градца, которое продавали и в Дрезден².

Через чешские земли шла торговая дорога в Венгрию и Словакию³. Все более возрастала роль немецких городов и в транзитной торговле с Чехией и Словакией. Фландрские и брабантские сукна доставлялись в Чехию обычно через крупные немецкие города — Аахен, Кёльн, Франкфурт, Нюрнберг, Аугсбург и др. Значительно увеличилась торговля иноземными винами через города Германии.

Второй важнейшей транзитной дорогой являлся северный путь — польско-силезская и немецкая торговля с Австрией через Моравию⁴. Торговля с севером велась главным образом в бассейне реки Лабы (Эльбы), где наряду с Гамбургом, Магдебургом важнейшая роль принадлежала Праге и чешскому городу Литомержицы, получившему для этой цели ряд привилегий в XIV в. Установились торговые связи Чехии с Любеком, Щецином, с Пруссией. По реке Лабке в Чехию вывозили прежде всего соль, а основным объектом экспорта из Чехии и Словакии и в эти области была продукция сельского

¹ См.: Juritsch G. Handel und Handelsrecht in Böhmen bis zur Hussitischen Revolution. Leipzig und Wien, 1907, S. 62.

² См.: Janeczek J. Přehled vyvoje remeslné výroby v ceskych zemich za feudalismu. Praha, 1963, p. 36.

³ См.: Posvar J. Obchodni cesty v ceskych zemich, na Slovensku, ve Slezsku a v Polsku de XIV stol.— Slezsky sbornik, Opava, 1964, № 1, S. 54.

⁴ О чешско-немецких торговых связях того времени см.: Winter Z. Dejiny remesel a obchodu v Cechach v XIV a XV stol. Praha, 1906; Janeczek J. Der böhmische Aussenhandel in der Hälfte XV Jahrhunderts. Historica, Praha, 1962, N IV; Graus F. Cesky obchod se sukнем ve XIV a poc. XV stol. Praha, 1950.

хозяйства⁵. В немецкие и польские земли чехи вывозили также строительные материалы — камень, дерево; металлы — медь, серебро, золото. Все же торговые связи чешских городов с севером Германии были слабее, чем с ее западными областями. Развитию их мешали таможенные тарифы на Лабетштапельное право Магдебурга, особые интересы Ганзы, да и сложная политическая обстановка.

Значительны были торговые связи с Баварией через чешские земли. В Баварию, Силезию, Лаузиц (Лужицы) шли итальянские и иные вина. Пассау являлся важным этапом импорта соли в Чехию. Среди немецких городов главная роль в этой торговле принадлежала Регенсбургу, с которым пражские купцы имели систематические торговые связи. Большое место занимала торговля с Австрией. Особенно значительны были связи с Зальцбургом — центром соляной торговли, и с Веной. Через Тироль торговали с Италией. Из Австрии через чешские земли шли три торговых дороги. Преобладала торговля с Веной, которую вели прежде всего Прага, Брно, Братислава, Трнава. В «Праве Старой Праги» от 1310 г. уже упоминалась торговля винами австрийскими, эльзасскими, франконскими и определялись размеры таможенных платежей⁶. Упомянуты торговцы, приехавшие для торговли в Прагу из заграницы. Объектом импорта из Вены были вина (главный), рыба, в частности сельдь, масло, скот, соль, австрийские яблоки. Из Вены через Брно шла торговая дорога в Краков и Броцлав. Значительная часть внешней торговли города Брно была в руках чужеземцев⁷.

Особенно оживленными были торговые связи между Прагой и Нюрнбергом⁸. Дорога из Праги в Майнц занимала десять дней, а в Нюрнберг только семь⁹. Если с Франкфуртом и Кёльном торговали прежде всего чешские купцы, то с Нюрн-

⁵ См.: Prehled ceskoslovenských dejin. I. Praha, 1958, s. 141, 158; Hübsch F. L. Versuch einer Geschichte des böhmischen Handels. Prag, 1849, S. 143.

⁶ См.: Das altpräger Stadtrecht.— In: Deutsche Rechtsdenkmäler aus Böhmen und Mähren/Ed. H. F. Rössler. Prag, 1845, Bd. 1, S. 1, 7, 77, 73.

⁷ См.: Mezník J. Brněnský patriciát a boje o vládu města ve XIV a XV stol.— Brno v minulosti a dnes, Brno, 1962, IV, s. 297.

⁸ См.: Schenk H. Nürnberg und Prag. Ein Beitrag zur Geschichte der Handelsbeziehungen im XIV und XV Jahrhundert.— Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe 1. Giessener Abhandlungen zur Agrar und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Wiesbaden, 1969, Bd. 46.

⁹ См.: Juritsch G., S. 28, 46, 65.

бергом — как чешские, так и нюрнбергские. Расцвет их торговых связей относится ко времени правления Карла I. Из чешских городов наиболее активную торговлю с Нюрнбергом вели Прага, Хеб (Эгер), Пльзень, Стржибро, Клатовы. Уже в 1337 г. купцы Майнца, Нюрнберга, Аугсбурга и Праги заключили между собой соглашение о торговле с Венгрией. В 1357 г. такое соглашение заключили купцы Праги и Нюрнберга. В 1351 г. Прага и Кутна Гора получили право беспошлинной торговли от архиепископов в Майнце, Трире, Кёльне, затем в Саксонии.

Еще в первой половине XIV в. Нюрнберг и Прага получили ряд торговых привилегий. В 1330 г. Людвиг Баварский освободил пражан от таможенных пошлин в империи. В 1357, 1364, 1370, 1383 гг. были обновлены привилегии пражских и нюрнбергских купцов по торговле с Австрией через Чехию и Моравию. В 1347 г. Карл I уравнивал права нюрнбержцев в Праге с правами самих пражан¹⁰. В 1350 г. он подтвердил полную свободу Нюрнберга от пошлин в Чехии, в частности в Праге. В свою очередь, в 1349, 1355 гг. пражские купцы были освобождены от торговых пошлин в Кёльне, а в 1354 г. добились права беспошлинной торговли по всей империи¹¹.

Купцы Нюрнберга при посредничестве пражских купцов вели торговлю и с Польшей, а иногда через Прагу вывозили товары и в Пруссию. В Венгрию и Польшу из Нюрнберга шли также сукна, изделия из металла. В конце XIV — начале XV вв. феодальные устоицы в империи и в Чешском королевстве ослабили торговлю Нюрнберга, да и других городов империи с Прагой и иными чешскими и словацкими городами. Однако еще накануне гуситских войн нюрнбергский купец Конрад II Имхольд имел фактории в Праге, Оломоуце.

О значительных чешско-германских торговых связях рассматриваемого периода свидетельствуют и такие факты, как широкое распространение чешской монеты — пражского гроша — в крупных немецких городах и проникновение в Чехию мейсенского и венского пфеннига¹².

¹⁰ См.: Celakovský J. O vyvoji středověkého zřízení radního v mestech Pražských.— Sborník příspěvků k dějinám Hlav. města Prahy. Praha, 1920, I, s. 2, s. 147.

¹¹ См.: Schenk H., S. 32—34.

¹² См.: Text der Chronik Pankraz Engelharts..., S. 183, 184, 192, 196, 197; Deutsche Reichstagsakten, München, 1878, Bd. 7, Abt. 1, S. 320. См. также: Castelin K. Kontramarky pražských grošů.— Numismatické listy, Praha, 1962, N 3—4; он же. Ceska drobna mince doby predhusitske a husitske, 1370—1471. Praha, 1953.

В развитии чешско-германских экономических связей известную положительную роль сыграла политика Карла I, стремившегося сделать Прагу центром империи и Чехию центром европейской торговли. Он заботился о привилегиях для чешских купцов в городах империи, оберегал торговые дороги от феодального разбоя. Однако в то же время он поддерживал патрициат городов против цехов, что замедляло развитие чешского ремесла, значительно увеличил всякого рода поборы с населения чешского королевства. В целом чешская торговля с империей носила пассивный характер. Товары ремесленного производства экспортировались лишь в виде исключения. Экспорт покрывал лишь часть импорта. Тяжелым ударом по чешской и словацкой экономике являлся значительный экспорт денег, золота, серебра за границу.

Наряду с экономическими и политическими связями между Германией и Чехией, Словакией, все более расширялись и связи культурные. Важнейшую роль в этом сыграл Пражский университет, основанный Карлом I в 1348 г.¹³, когда в Германии еще не было своих университетов. Студенты и профессора Пражского университета делились там на четыре «нации» — чешскую, баварскую, польскую и саксонскую. В составе польской нации преобладал немецкий элемент, пришельцы из Силезии. Туда же входили и литовцы. Чешская нация включала венгров. По установлению императора Карла I при решении общеуниверситетских вопросов все чужеземцы, а это были главным образом немцы, получали три голоса, а чехи — только один¹⁴.

Пражский университет способствовал возникновению и развитию некоторых университетов в Германии. В 1385 г. был основан университет в Вене, в 1386 г. — в Гейдельберге, в 1388 г. — в Кёльне, в 1392 г. — в Эрфурте. Часть профессуры Пражского университета ушла тогда в Вену, Гейдельберг, Эрфурт. 10 магистров переехали из Праги в Гейдельберг при основании там университета¹⁵. За 1387—1416 гг. в материя-

¹³ См.: *Dejiny Prahy*. Praha, 1964, S. 112; см. также: *Steni o Karle IV a jeho dobe*. Praha, 1958, s. 379; Липатникова Г. И. К истории основания Пражского университета. — *Славянский сборник*. Воронеж, 1958 г., вып. 1, см. также подготовленный ею сборник: *Документы по истории университетов Европы XII—XV вв.* Воронеж, 1973.

¹⁴ См.: *Machovek M. Husovo uceni a vyznam v tradici ceskeho naroda*. Praha, 1953, s. 202.

¹⁵ См.: *Simek J. V. Studenti z Cech, Moravy a Slezsky na nemeckych universitach v XV—XVIII. st.* — *Casopis ceskeho musea*, Praha, 1905, N 2, s. 293—295.

лах Гейдельбергского университета названы десятки имен пришельцев из Пражского университета по всем специальностям: медицине, праву, теологии, свободным искусствам (то есть гуманитариев). В связи с обострением национальных противоречий в чешских землях, спором вокруг Кутногорского эдикта значительная часть немецких студентов и профессоров переехала в знак протеста в Лейпциг, где тогда (1409) и был основан университет. В годы активного гуситского движения в чешских землях в Лейпцигском университете учились также некоторые чехи и мораване. За 1409—1434 гг. в числе его студентов названо 77 имен чехов и 6 имен мораван¹⁶. Многие профессора и студенты немцы покинули тогда Прагу не только потому, что они были против национальной независимости чехов и их решающей роли в Пражском университете, но прежде всего потому, что они принадлежали к противникам зарождавшегося гусизма.

Вопреки утверждениям К. Грюнхагена и других реакционных буржуазных историков, следует подчеркнуть, что уже в XIV в., наряду с античешскими, агрессивными захватническими планами господствующего феодального класса Германии, имели место нередко и попытки установления дружественных связей со стороны массы крестьянства, немецких горожан и прогрессивной интеллигенции. Эта вторая тенденция нашла свое наибольшее отражение в попытках создания непосредственных связей между антифеодальной оппозицией, развивавшейся как в Чехии, так и в Германской империи, в проникновении произведений и идей бюргерской и плебейско-крестьянской ереси из Чехии в Германию и из Германии в Чехию.

Немецкая буржуазно-националистическая историография представляла восточную экспансию как свойство «имманентно присущее немецкой нации», как культурную миссию. В действительности же «...ответственность за развитие захватнических, иногда прямо-таки истребительных форм германской экспансии в Центральной и Восточной Европе ложится не на немецкий народ в целом, а на его господствующие классы — сначала на феодалов, а позднее на буржуазию...»¹⁷

В конце XIV — начале XV вв. в Германии и Австрии все более усиливалась оппозиция засилью церковных и светских

¹⁶ См.: *Simek J. V. Ibid.*, «С.С.Н.», 1906, N. 3—4. s. 531—537, 536—537.

¹⁷ См.: *Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе*. Сб. статей/Пер. с польск. М., 1965, с. 24.

крупных феодалов. Она нашла свое выражение, с одной стороны, в оппозиционно-религиозном движении мистиков, труды и идеи которых проникли также и в соседние страны, в том числе и в Чехию, а с другой, — в широком распространении ереси вальденсов. Сотни еретиков предстали тогда перед трибуналом инквизиции. В 1384 г. на город Майнц, где были сильны вальденсы, и в 1405 г. на город Вормс был наложен интердикт за борьбу с католическим духовенством¹⁸. В 1391 г. инквизиция организовала процессы против еретиков в Нижней Австрии, в Эрфурте. На процессе еретиков в Поморье и Бранденбурге в 1393—1394 гг. обвиняемые заявили, что их учили вальденсы из Чехии. В 1395 г. инквизитор Петр опасался вооруженного выступления еретиков в австрийском герцогстве¹⁹. В начале XV в. в епископстве Пассау, в Регенсбурге положение оставалось очень напряженным. Большинство клириков города обучалось в Пражском университете. Они объявили себя сторонниками реформы церкви и отказывались повиноваться епископу²⁰.

Успешное развитие товарно-денежных отношений, дальнейший подъем ремесла и торговли, рост городов способствовали усилению феодального нажима на крестьянство. Со второй половины XIV в. в Германии обнаружилось стремление феодалов к укреплению и распространению крепостничества и к увеличению повинностей, лежавших на крестьянстве. Все более заметным становится имущественное расслоение среди самих крестьян и выделение зажиточной верхушки в деревне. На общем фоне экономического подъема городов все более сильным становилось имущественное и социальное расслоение

¹⁸ См.: Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952; Ермолаев В. А. Революционное движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966, с. 21—22; Chronik des Burkard Zink, 1368—1468. — In: Die Chroniken der deutschen Städte. Leipzig, 1869, Bd. 5; Die Chroniken der Schwäbischen Städte. Augsburg. Leipzig, 1866, Bd. 2, S. 26—27, 45, 47; Die kleine Klosterneuburg Chronik (1322—1428). — Archiv für Kunde österreichischer Geschichtes-Quellen, Wien, 1851, Bd. 7, S. 237; Anonymi auctoris brevis narratio de Nefandra haeresi Adamitica, in variis Austriae locis saeculo XIV. — In: Scriptorum rerum Austriacarum. Lipsiae, 1725, t. 2, S. 533—536; Anonymi Viennensis breve chronicon Austriacum ab anno 1402 ad 1443. — Ibid., S. 549.

¹⁹ См.: Haupt H. Hussitische Propaganda in Deutschland. — Historisches Taschenbuch, Leipzig, 1888, Folge 6, Jahrgang 7, S. 237.

²⁰ См.: Вернер Э. Идеология немецко-австрийского вальденства в XIV веке. — В кн.: Средние века. М., 1964, вып. 25, с. 114.

среди массы горожан²¹. XIV век был в Германии временем многочисленных, более чем в 40 городах, цеховых восстаний. Цеховой переворот в Аугсбурге 1368 г. подорвал монополию патрициата на политическую власть в городе, и он был вынужден пойти на компромисс с цеховой верхушкой. В результате ряда цеховых восстаний был потеснен патрициат в Страсбурге. В Кёльне в 1369—1371 гг. произошло восстание ткачей и затем цеховой переворот 1396 г. В 1376 г. 14 швабских городов начали борьбу с феодальной аристократией, а в 1381 г. к ним присоединился союз рейнских городов, но те и другие потерпели поражение от князей в 1387 г.²²

Такая сложная социально-политическая обстановка в Германии, растущая оппозиция феодализму со стороны крестьянства и горожан создавала почву для широкого проникновения в империю гуситской идеологии. Этому несомненно способствовало и то развитие чешско-германских экономических и культурных связей, которое мы попытались сжато проследить выше и в котором решающую роль играли города.

М. М. Яброва

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЕЙНЫХ ТОРГОВЫХ КОМПАНИЙ В АНГЛИИ XV ВЕКА (семья Сели)

Необходимость объединения капиталов и усилий в торговле возникла вместе с расширением рынка, выходом торговли за пределы городской округи, а тем более за пределы страны. Расширение товарооборота в условиях примитивности и несовершенства кредита вызывало возрастающую потребность в наличных деньгах, заставляло купцов изыскивать любые пути для максимального использования денег, лежащих без движения. Это явилось одной из основных причин возникновения комменды — объединений, в которых своеобразно синтезиро-

²¹ См.: Некрасов Ю. К. К социально-экономической истории Аугсбурга в XV в. — В кн.: Проблемы германской истории. Вологда, 1973, вып. 2, с. 154—155; Mottke H. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Berlin, 1973, Bd. 1, Teil 3, S. 5—8.

²² См.: Die Chroniken der deutschen Städte, Leipzig, 1871, Bd. 7; Die Chroniken der niedersächsischen Städte, Magdeburg. Leipzig, 1869, Bd. 1, S. 212, 246, 252; Die Chroniken der schwäbischen Städte, Augsburg, Leipzig, 1866, Bd. 2, S. 76, 77.

вались денежные средства, принадлежавшие в подавляющем большинстве случаев феодалам, городским патрициям, и предприимчивость, энергия развивающегося купечества¹.

В Англии комменда и коммендообразные объединения прослеживаются совершенно отчетливо уже на рубеже XIII—XIV вв.; формы их многообразны, но есть черты, которые присущи всем объединениям подобного типа: крайняя недолговечность соглашения (чаще всего оно заключалось на одну сделку) и малочисленность участников. В большинстве случаев комменда состояла из двух человек: владельца денег и купца или «капитана», осуществлявшего саму торговую операцию; доходы делились в соотношении 1 : 3 в пользу владельца денег².

В течение XIV в. наблюдается тенденция к некоторому упрощению этих объединений, возникают мелкие компании уже на паритетных началах, а в XV в. налицо более устойчивые объединения, спаянные чаще всего родственными отношениями. В большинстве случаев они возникали в пределах одной семьи, и XV в. знает ряд семейных компаний. Не исключено, что они появились раньше³. Со второй половины XV в. начинают выдвигаться такие семейные объединения, как Пастоны, Стоноры, Сели. Из них только последние теснейшим образом были связаны с городом, в Лондоне находилась их основная резиденция. Это семья, богатство которой базировалось почти исключительно на торговле шерстью. Именно семейная компания Сели и явится предметом нашего рассмотрения.

Основными источниками для написания данной статьи явились сборники писем Сели, особенно последний из них, изданный в 1975 г.⁴ Это оригинальные письма со всем своеобразием орфографии и стиля и, в отличие от предшествующего

¹ Мы имеем в виду классическую комменду, ярче всего обнаружившуюся в Италии (см.: Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Л., 1951). В других странах встречается множество вариантов такой комменды.

² Английской комменде посвящена только одна статья: Postan M. M. Partnership in English Medieval Commerce.— In: Studi in onore di Armando Sapori. Milano, 1957. Основным недостатком этой статьи является стремление автора во что бы то ни стало «подтянуть» английскую комменду к итальянской.

³ В силу неразвитости таких объединений соглашения, которые совершались ими, первоначально могли и не фиксироваться.

⁴ The Cely Letters, 1472—1488/Ed. by Alison Hanham, Oxford, 1975.

издания⁵ (их разделяет три четверти века), более полные и уже в силу этих обстоятельств представляющие особенный интерес. Всего опубликовано 247 писем. Значение их для историка трудно переоценить⁶.

Судьба писем Сели сама по себе любопытна. Цельностью и достаточной полнотой этого собрания мы обязаны тому обстоятельству, что после смерти одного из братьев Сели его вдова возбудила тяжбу против второго брата. Речь шла об уплате долгов, возникших в результате совместных торговых операций⁷. Договориться мирно тяжущиеся стороны не смогли (торговые книги, видимо, велись не слишком точно⁸) и были собраны письма, содержание которых должно было послужить основанием для решения этого спорного вопроса.

Содержание писем, которыми мы располагаем, в основном деловое. Правда, члены семьи интересуются здоровьем друг друга, и не формально, а с сочувствием и беспокойством, братья значительное место уделяют описанию ястребов, лошадей — видимо, они увлекались охотой, обсуждают матриониальные планы и т. д. И все же большая доля содержания этих писем принадлежит делам, детально перечисляется количество купленной и проданной шерсти и овчин, покупные и продажные цены, финансовые операции и т. д.

Из работ, посвященных специально Сели, можно назвать только две вводные статьи к названным сборникам источников. Мы имеем в виду статью Мальдена, написанную на рубеже XIX и XX вв. и статью Элисома Хэнхэма, появившуюся относительно недавно. Кроме того, семьей Сели, попутно с другими вопросами, занималась Эйлин Пауэр⁹. Из этих работ мы можем почерпнуть некоторые весьма интересные сведения о составе семьи Сели, их взаимоотношениях, торговых связях и т. д.

⁵ The Cely Papers, selected from the Correspondence and Memoranda of the Cely Family. Merchants of the Staple, 1475—1488/Ed. by H. E. Malden (Royal Hist. Soc. Camden, 3 series). Oxford, 1900.

⁶ О важности эпистолярного наследия Сели пишут все, кто хоть в какой-то мере сталкивался с ним (см. Power E. The wool Trade in the Fifteenth Century.— In: Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N. Y., 1933, p. 55; Carus-Wilson E. M. and Coleman O. England's Export Trade, 1275—1547. Oxford, 1963, p. 26).

⁷ The Cely Letters, p. VIII.

⁸ Ibid., p. 289.

⁹ Power E. Medieval People. L., 1954. Семьей Сели Пауэр занималась попутно с интересовавшей ее семьей Стоноров.

Ограниченный объем статьи не позволяет поставить всего многообразия вопросов, которые возникают при анализе источников. Мы ограничимся выяснением организационной структуры этой ранней семейной компании, ее эволюцией, масштабами ее торговых связей и лишь попутно коснемся некоторых других сторон деятельности.

Сели являлись членами Компании складчиков Кале, и поэтому возникает необходимость в самых общих чертах напомнить историю последней¹⁰. В Англии уже с начала XIV в. в экспортную торговлю шерстью, вытесняя из нее флорентийцев, начинают активно включаться местные, в первую очередь лондонские, купцы. В связи с этим возникла необходимость создания складочных факторий в пунктах вывоза. В течение 20—40-х гг. XIV в. несколько раз делались попытки установить складочные места в различных городах Англии; в 1363 г. таким местом был избран город Кале на французском побережье Ла-Манша, в то время принадлежавший Англии. Затем склад несколько раз снова переносился в Англию и только с 1423 г. обосновался в Кале и просуществовал там до 1559 г., то есть до Като-Камбрезийского договора, по которому Кале окончательно отошел к Франции.

Таким образом, в XIV в. экспорт шерсти оказался в руках первой крупной английской торговой компании — купцов-складчиков Кале. Она состояла преимущественно из лондонцев и являлась основным поставщиком шерсти в Нидерланды. Расцвет этой компании падает на вторую половину XIV в.; с XV в. с развитием суконной промышленности непосредственно в Англии и с перестройкой ее на капиталистических началах, с увеличением вывоза сукон по сравнению с сырой шерстью, Компания купцов-складчиков начинает терять свое значение. К этому времени была основана известная компания купцов-авантюристов, которая активно торговала сукном, вывозила незаконченные грубые сукна в Нидерланды, где они проходили дальнейшую обработку. И хотя Компания купцов-складчиков существовала еще сравнительно долго, она уже не могла подняться до прежних высот. Деятельность семьи Сели как

¹⁰ Этапы возникновения и формирования Компании купцов-складчиков Кале прослежены в работе: McKisak M. The fourteenth centuries, 1307—1399. Oxford, 1959. Ординансы этой компании опубликованы: The Ordinance Book of the merchants of the Staple/Ed. E. E. Rich. Cambridge, 1937.

раз падает на тот период, когда Компания купцов-складчиков начинает клониться к упадку.

В начале 70-х гг. XV в. семья Сели состояла из главы семьи Ричарда Тели-старшего и его трех сыновей: Роберта, Ричарда (в отличие от отца будем называть его Ричард-младший) и Джорджа¹¹. Старшим сыном, по всей вероятности, был Роберт, но его участие в делах крайне незначительно, похоже, что своим поведением он не оправдал надежд отца и был отстранен от участия в торговле¹². Представляется, что уже к началу 70-х гг. мы можем говорить о существовании семейного объединения. Глава его в тот период несомненно отец — Ричард-старший, сыновья (на первых порах все трое), а со второй половины 70-х гг. только Ричард-младший и Джордж принимают самое непосредственное участие в делах. Они поочередно находятся в Кале, вначале там проходят выучку, затем работают: Ричард-старший и младший в Лондоне, Джордж — в Кале¹³.

Это не случайное распределение функций, не прихоть. Такая организационная структура в известной мере была predetermined самой организацией складочной торговли. Дело в том, что путь шерсти из Англии в Кале был не так уж прост. Ко второй половине XV в. определились не только районы, где можно было закупать сырую шерсть, но каждый член Компании складчиков был связан уже с традиционным местом¹⁴, где либо непосредственно у производителей или, чаще всего, через агентов или посредников¹⁵ скупались шерсть и

¹¹ Подробные сведения об этой семье, их генеалогии, родственных связях содержатся в уже упомянутой вводной статье Хэнхэма.

¹² Об этом свидетельствует ряд писем, в которых братья выражают беспокойство по поводу долгов Роберта, возникших из-за игры в кости. В одном из писем Ричард-младший советовал Джорджу быть осторожным и не давать Роберту займы и т. д. (См.: The Cely Letters, p. 29, 44). Роберт умер в 1485 г.

¹³ При жизни отца порядок был четко установлен: в Кале находился младший в семье. Только после смерти отца этот порядок был нарушен. Джордж переехал окончательно в Лондон, а в Кале оставался их агент Вильям Сели (он не имеет отношения к семейному клану Сели, это просто однофамилец).

¹⁴ Для семьи Сели таким традиционным местом закупок был район Котсволда, расположенный в Глостершире. Там разводили овец с длинной полутонкой белой шерстью, качество которой особенно высоко ценилось в те времена.

¹⁵ Между агентом и посредником есть существенная разница. Посредник мог обслуживать многих лиц, агент был привязан к одному хозяину.

овчины. В Англии эти товары сортировали, упаковывали, взвешивали, все это делалось под наблюдением контролеров из Компании складчиков Кале. В Лондоне, где в основном базировались члены компании, надо было все погрузить на корабли, свои или зафрахтованные, и отправить в Кале. В Кале все разгружалось и перевозилось в специальные складские помещения. Постоянно жить в Лондоне или постоянно жить в Кале — это несколько условное определение. Передвижения этих лиц очень активны. В течение месяца Джорджа не могут застать на месте, деловые письма ему адресуют «Джорджу Сели в Кале или на ярмарку», «Джорджу Сели на ярмарку или в Брюгге» и т. д. Выезды из Лондона в Котсволд были тоже достаточно часты и регулярны. Выезжали сами члены семьи Сели, не полагаясь, видимо, полностью на агентов и учеников.

На первых порах трудно определить финансовую основу этой компании. Здесь еще не было четко определенного совместного капитала, да и не могло быть, ибо сыновья, хотя и принимали практическое участие в делах, своим капиталом не обладали. Семейное имущество, до определенного времени неразделенное, находилось в руках главы семьи, Джорджа и Ричард-младший к 1473 г., которым датированы первые письма, были еще очень молоды: Джорджу было 15 лет, Ричарду несколько больше¹⁶. Лишь с 1478 г. мы можем проследить, как братья начинают вкладывать свои деньги в семейную торговлю. Отец в то время был еще жив и несомненно в этом объединении играл ведущую роль, ему же принадлежало основное имущество семьи. Но, видимо, по достижении совершеннолетия сыновья получили определенную часть денег (к сожалению, мы не знаем, сколько), которые вкладывали в торговлю шерстью. С этого периода мы неоднократно сталкиваемся с разграничением шерсти, принадлежащей отцу, Джорджу, Ричарду-младшему.

Первоначально еще чувствуется полная зависимость в делах от отца. В письме от июня 1478 г. Ричард-младший пишет Джорджу (письмо адресовано «в Кале или Брюгге»), что с согласия отца (*our fathers gyfte*) купил 1000 овчин для себя и Джорджа¹⁷. В ноябре этого же года Джордж докладывает отцу, что продал людям из Делфта 1016 овчин, при-

¹⁶ The Cely Letters, p. X—XI.

¹⁷ Ibid., p. 23—24.

надлежавших Ричарду-младшему¹⁸. Несколько раньше, в июне 1478 г., Ричард-старший пишет Джорджу: «...и вы должны обеспечить место для складирования 8 тюков овчин, принадлежащих вам и Ричарду» (имеется в виду Ричард-младший. — М. Я.)¹⁹. Тон весьма повелительный, чувствуется, что пока он еще глава семьи.

Что-то существенно меняется к 1480 г., братья явно становятся более самостоятельными, хотя зависимость от отца и соответствующее почтение к нему еще налицо, да и участие последнего в торговле вполне реально и весомо, и не исключено, что доля его больше, нежели сыновей. Братья неоднократно сообщают, что купили в Котсволде овчины или шерсть для отца²⁰. Он сам пишет Джорджу, что Ричард-младший отправился верхом в Нортлич для покупки овчин «для меня и для вас»²¹; «для Джорджа и для себя» в Котсволде²² и т. д. Но вот перед нами без адреса, а следовательно, неотправленное письмо, написанное Джорджем отцу в июне 1480 г. Оно полно горечи и раздражения. Джордж сетует, что отец подсунил недоброкачественную шерсть, которая была продана купцу из Гента, и последний высказал свое решительное неудовольствие²³. Времена менялись. Компания купцов-складчиков клонилась к упадку, поэтому авторитет семьи Сели был очень важен, чтобы устоять против конкурентов. Но отправить письмо Джордж все же не решился. После смерти отца, последовавшей в январе 1482 г., капиталы братьев, вложенные в торговлю, были объединены. С этого времени мы уже не встречаем разделения шерсти на «мою» и «вашу»; более того, с течением времени Вильям Сели, агент в Кале, зачастую обращается не отдельно к каждому из братьев, а пишет им совместные письма²⁴, да и сами братья пишут уже о «наших овчинах»²⁵.

Отец и сыновья, а затем братья Сели составляли семейную компанию. Но они обрастали, особенно на первых порах, людьми, которые были заинтересованы в этой торговле и соответственно принимали в ней участие. Ричард-старший был

¹⁸ Ibid., p. 38—39.

¹⁹ Ibid., p. 25—26.

²⁰ Ibid., p. 74, 81—82, etc.

²¹ Ibid., p. 76—77.

²² Ibid., p. 79.

²³ Ibid., p. 82—83.

²⁴ Ibid., p. 169, 170, 201, etc.

²⁵ Ibid., p. 103—104.

как-то связан со своим братом Джоном, тоже членом Компании складчиков Кале²⁶. Последний действовал как скупщик шерсти для брата, но едва ли эти связи были регулярными. С делами семьи Сели был связан Вильям Мэрион, крестный отец Ричарда-младшего. Немалое количество из всех писем, которыми мы располагаем, написано Мэрионом, кроме того, имя его неоднократно упоминается в переписке между братьями, между агентом и братьями и т. д.²⁷ И все же нет оснований считать и его членом данного объединения.

Сели, как и любое торговое объединение, располагали агентами и учениками. Кроме уже неоднократно упоминавшегося нами Вильяма Сели, в письмах часто фигурирует Томас Кестен²⁸; он был агентом семьи Сели еще при Ричарде-старшем. В качестве учеников и слуг называются Томас Фолборд²⁹, Хэйи³⁰ и др. Были у семьи Сели и постоянные посредники. Чаще всего упоминается в письмах Мидуинтер³¹. Он действовал в Котсволде и поставлял оттуда шерсть и другим складчикам Кале, но поставки семье Сели были весьма значительны и, главное, регулярны. Сели, в свою очередь, не ограничивались услугами одного Мидуинтера, из Котсволда же шерсть им поставлял Буш³².

Заслуживает внимания и момент транспортировки грузов, а именно: на чем и как перевозили купленный товар. Из Котсволда обычно нагружали лошадей. Значительно сложнее было переправить грузы в Кале. Корабль стоил дорого, но тем не менее у Сели было собственное судно — «Маргарет Сели». Однако, куплено оно было только в 1486 г. и, кроме того, одно судно никак не могло обеспечить эту торговлю. Корабли фрахтовали совместно с другими купцами — тоже складчиками Кале. Иной раз нанимали целые флотилии. Неоднократно в письмах упоминается флотилия с шерстью³³, а

²⁶ Ibid., p. XI.

²⁷ Ibid., p. 7, 8, 10, 30—31, 34—35, 43, 114—115, 141, etc.

²⁸ Ibid., p. 4—5, 6, 8—9, 67—68.

²⁹ Ричард-старший в письме к Джорджу в Кале от 26-го июля 1477 г. пишет о Фолборде, как об ученике, которого тот должен сделать полноправным членом Компании складчиков Кале. Видимо, существовало такое правило, что ученик, отслуживший 4 года из положенных 8 лет, имел право быть членом Компании складчиков (см. *ibid.*, p. 252). Во всяком случае Ричард Сели просит своего сына содействовать этому (*ibid.*, p. 12).

³⁰ Ibid., p. 108, 109.

³¹ Ibid., p. 67, 87, 90, 122, 168, 231, etc.

³² Ibid., p. 19.

³³ Ibid., p. 72—73, 78—79, 118—119.

в письме от 25 сентября 1480 г. содержится перечень всех кораблей (всего семь), капиталов и грузов, которые переправляются в Кале³⁴.

С кем велась торговля? Основным потребителем английской шерсти являлась Фландрия, и мы неоднократно встречаем членов семьи Сели в Брюгге, Бергене (Монс), Антверпене. Они очень внимательно следят за конъюнктурой рынка, продажными ценами. В декабре 1479 г. Вильям Сели из Кале с тревогой сообщает Джорджу, что голландцев, с которыми они всегда имели дело, мало прибыло на ярмарку³⁵. Их беспокоит каждое потенциальное нарушение сложившегося порядка, возможность появления конкурентов. В октябре 1480 г. Ричард-старший пишет Джорджу в Кале о продаже шерсти, ценах, упаковке и прочих делах, и наряду с этим жалуется, что никогда не закупал меньше шерсти, так как «в Котсволде закупают ломбардцы»³⁶.

Сели самым внимательным образом следят за взаимоотношениями между французским королем и бургундским герцогом, и не только в самый драматический период битвы при Нанси, закончившейся гибелью Карла Смелого³⁷, но и в последующие годы, и все это прилагается к перспективам складочной торговли.

К рассматриваемому периоду у Сели сложились прочные отношения с определенными фландрскими купцами, потребителями английской шерсти. Имена некоторых из них повторяются в письмах многократно³⁸. Это не исключало связей с другими фландрскими купцами, Сели не связывали себя только традиционными отношениями, стремились расширить круг торговли, и в условиях упадка Компании складчиков это было естественным³⁹.

³⁴ Ibid., p. 91—92. Самый крупный корабль «Маргерет Сели» имел на борту, кроме капитана и боцмана, 16 моряков. Остальные корабли были меньше. (См.: Power E. *Medieval People...* p. 148).

³⁵ The Cety Letters, p. 68.

³⁶ Ibid., p. 95.

³⁷ Об этом меньше чем через три недели после события пишет Ричард Старший. (См. *ibid.*, p. 10—11).

³⁸ Имя купца из Брюгге Джона Делописа встречается в письмах 30 раз, Ван Уинсберге — 14 раз и т. д.

³⁹ В письме от 23-го апреля 1482 года Вильям Сели из Кале с огорчением сообщает Джорджу (последний находился в это время в Бергене), что в Кале в настоящее время много голландцев, но они не желали покупать прошлогоднюю шерсть (*ibid.*, p. 142—143).

Но их торговля не ограничивалась Фландрией, по целому ряду писем мы можем судить о налаживании связей с испанскими купцами. Какие-то связи были с провинциальными городами Англии, в частности с купцами Ипсвича, в которых Сели были явно заинтересованы, с купцами Ноттингема, Сэндвича⁴⁰. Вернее всего, эти последние связи были продиктованы дефицитом паличных денег. Широта оборота превышала наличие денег, их явно было мало. Недаром в ряде писем представители этой семьи сообщают, что тот или иной груз можно продавать только за наличные деньги. (Зачастую авторы очень обеспокоены нехваткой таких денег, любым способом стремятся их добыть). В одном из писем купец-складчик и близкий друг семьи Сели Джон Дальтон сообщает, что некий голландский купец Даниель ван де Рейд согласился купить один сэрпеллер шерсти⁴¹, принадлежавший Джорджу, за наличные деньги. Это, видимо, вдохновило автора письма, и он сообщает, что еще один купец Джонс Фрэнк пожелал купить прошлогоднюю шерсть, и он, Джон Дальтон, сказал ему, что продаст шерсть только за наличные деньги, в противном случае последний может уезжать из Кале⁴². Ричард Сели-старший в мае 1478 г. сообщает Джорджу в Кале, что просил лондонского торговца Томаса Варгена иметь его в виду, если кто-нибудь на ярмарке будет иметь наличные деньги. Ричард Сели-младший, находясь в Лондоне, в двух письмах от 14 и 22 ноября 1481 г. настойчиво просит у Джорджа 10 ф., которые последний выручил на ярмарке⁴³. Они необходимы Ричарду для поездки в Котсволд. Вильям Сели в письме от ноября 1483 г. из Кале сообщает Джорджу о несостоявшейся продаже шерсти в связи с тем, что у покупателей не оказалось наличных денег⁴⁴.

О большой пужде в наличных деньгах свидетельствует и ряд других писем. Вильям Сели отказывает Ричарду-младшему в 10 ф., которые пужны последнему для обменных операций⁴⁵. Он же, отправляя эту сумму Ричарду-младшему и Джорджу в Лондон, категорически заявляет, что «больше

⁴⁰ Ibid., p. 167, 168, 169, 183.

⁴¹ Sarpeller-sarpler содержит несколько больше двух английских тюков (sacks) = 728 ф.

⁴² Ibid., p. 16.

⁴³ Ibid., p. 122—123, 124.

⁴⁴ Ibid., p. 185—186.

⁴⁵ Ibid., p. 187—188.

послать не может»⁴⁶ (видимо, требовались значительно большие деньги). В 1484 г. тот же Вильям сообщает Джорджу в Лондон, что посылает с суконщиком Джоном Бари определенную сумму, обещает до начала ярмарки послать еще 20 или 30 ф., но не больше⁴⁷. Имелось в виду, по всей вероятности, что на ярмарке будут оплачены долговые обязательства, как это традиционно делалось, да и какую-то часть шерсти удастся продать за наличные. Торговля в кредит не всегда полностью снимала нужду в звонкой монете.

Сели, как и остальные складчики Кале, теснейшим образом связаны были с крупными ливрейными компаниями Лондона. Члены последних иногда являлись одновременно членами Компании купцов-складчиков, часто находились с последними в родственных отношениях и таким путем приобщались к торговле шерстью, в ряде случаев выступали как партнеры в различных деловых сделках. Роберт Сели в 1477 г. пишет Джорджу, находившемуся в Кале. Он подтверждает, что получил от последнего четыре платежных обязательства (letters of payment), которые должны были оплатить торговцы предметами роскоши Ричард Твиг и Джон Коулард⁴⁸.

Семейное объединение Сели закончило свое существование со смертью младшего из братьев, Джорджа, в 1489 г. Последующие судебные разбирательства окончательно разорили тяжущиеся стороны; видимо, их материальное благосостояние пошатнулось уже до этого. Ричард пытался добыть из доли покойного брата деньги для покрытия совместных долгов. Сумма, которую называет Хэнхэм, весьма значительна — 592 ф. 11 ш. 8 п.⁴⁹ Величина суммы не должна нас удивлять, ибо торговля шла в основном в кредит⁵⁰. Видимо, эта попытка Ричарда закончилась неудачей, ибо в начале 90-х гг. Ричард оказался опутанным долгами. Его кредиторами были шурин и теща. Элисон Хэнхэм предполагает, что они ссудили

⁴⁶ Ibid., p. 213.

⁴⁷ Ibid., p. 212.

⁴⁸ Ibid., p. 13—14. Это довольно значительные люди. Ричард Твиг в 1484—85 г. был старшиной лондонских мерсеров, Джон Коулард занимал такое же место в 1476—77 г. (Ibid., p. 252). Члены ливрейных компаний неоднократно упоминаются и в других письмах. Ibid., p. 22, 53—54, 88—89, etc.

⁴⁹ Ibid., p. XVI.

⁵⁰ Э. Пауэр считает, что из 12 сделок 11 у Сели совершались в кредит. (См.: Power E. The wool Trade, p. 81).

ему деньги под залог земельной собственности⁵¹. В 1493 г. Ричард умер, по всей вероятности, так и не расплатившись с долгами, ибо известно, что и пять лет спустя его вдова все еще должна была своему брату 702 ф. 11 ш. 2 п.⁵². Окончательно расплатились с этими долгами дочь Ричарда и ее муж, продав для этого какую-то собственность⁵³.

Так закончила свое существование одна из ранних семейных торговых компаний в Англии. Она просуществовала больше десятилетия, действовала как единый организм и даже бесславный конец ее свидетельствует об этом. Капиталы братьев настолько срослись, что трудно было их вновь разединить, несмотря на то, что в этом были кровно заинтересованы наследники. В исторической перспективе того времени — появление множества таких семейных компаний, их широкое распространение и большая жизнестойкость.

И. Г. Подаялк

БОРЬБА ГОРОЖАН РОСТОКА ПРОТИВ ГЕРЦОГОВ МЕКЛЕНБУРГСКИХ НА РУБЕЖЕ XV—XVI ВЕКОВ

Росток, подобно другим немецким заэльбским городам, возник в качестве опорного пункта германской колонизации, и потому князья с самого начала были вынуждены предоставить ему значительные вольности, сохраняя, однако, его подчинение верховной власти территориального князя. В результате антисеньориальной борьбы горожан, опирающейся в XIII—XIV вв. на поддержку Ганзейского союза, права герцога Мекленбургского были ограничены взиманием обязательного поземельного налога *Bede* и осуществлением верховной юрисдикции¹. Вся полнота экономической, административной

⁵¹ The Cely Letters..., p. XVII. У семьи Сели еще при Ричарде-старшем были довольно обширные земельные владения в Эссексе, откуда происходила его жена.

⁵² Ibid.

⁵³ Ibid.

¹ Rische A. Geschichte Mecklenburgs vom Tode Heinrich Borwins I. bis zum Anfang des 16. Jhs. Berlin, 1901, Bd. 2, S. 118.

и политической власти перешла в руки городского совета, формировавшегося из верхнего слоя крупного купечества.

Однако с конца XV в. вновь наблюдается обострение борьбы между городом и территориальным князем, явное стремление последнего вернуть себе старые права и даже навязать горожанам новые поборы. А это, естественно, вызвало новую вспышку антисеньориальной борьбы. Эти новые явления пока еще не привлекли должного внимания историков.

В немецкой буржуазной историографии, посвященной проблемам средневекового Ростока, вопрос о взаимоотношении города с территориальными князьями затрагивался, как правило, лишь попутно, преимущественно на фоне общего описания истории Мекленбургского герцогства. В частности, К. Коппман и А. Рише упоминали об отдельных случаях ожесточенного отпора ростокцев действиям территориального князя в XIV—XVI вв., однако причины конфликтов усматривали в страданиях горожан ввиду частых эпидемий чумы. Из поля зрения авторов совершенно выпала органическая связь борьбы против сеньора с социальной борьбой внутри самого города². Налоговой политики Магнуса II на рубеже XV—XVI вв. касался И. Вайсбах, но он ограничился лишь перечислением введшихся акцизов и чрезвычайных поборов³. Простое описание финансовых и административных мероприятий мекленбургских герцогов в XIV—XVII вв. содержится в статье П. Штайнмана⁴.

В марксистской историографии ГДР существует лишь одна работа, в которой, неследуя социальным, политическим и религиозным противоречиям в ганзейских городах Штральзунде, Росток, Висмаре в первой трети XVI в., ее автор И. Шильдхауер обращает внимание на борьбу горожан с территориальными князьями⁵. Он отмечает, что герцоги не брезговали никакими средствами для ограничения и даже полного

² Koppmann K. Geschichte der Stadt Rostock. R., 1887, Bd. 1; Rische A. Op. cit.

³ Weissbach J. Staat und Kirche in Mecklenburg in den letzten Jahrzehnten vor der Reformation.—Mecklenburgisches Jahrbücher, 1910, N 75 (далее — MJbb).

⁴ Steinmann P. Finanz-Verwaltungs-Wirtschafts- und Regierungspolitik der mecklenburgischen Herzöge im Übergang vom Mittelalter zur Neuzeit.—MJbb., 1922, N 86.

⁵ Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des XVI. Jhs. Weimar, 1959.

уничтожения городских привилегий. Но, указывая, что безраздельно правившая в Ростокке патрицианская верхушка часто шла на поводу у территориальных князей, историк, как нам кажется, не учитывает такой существенной причины этого явления как рост патрицианского землевладения, который, на наш взгляд, обусловил наибольшую зависимость патрициата от власти крупных феодалов, что существенным образом сказалось на его политической позиции.

Нами использовано несколько групп письменных источников, содержащих материал по внутренней и внешней истории Ростокка этого времени: «Перепись» по мобилизации воинов в городское ополчение середины XV в.⁶; материалы о составе городского совета⁷; Торговая книга купца Б. Кропа (1445—1450 гг.)⁸ и сведения о ростокской торговле, включенные в сборники ганзейских грамот⁹; рецессы ганзейских съездов, вернее те из них, где зафиксированы перипетии сложных взаимоотношений городов с территориальными князьями¹⁰. Используются нарративные источники — ростокские хроники. Они распадаются на две части. К первой следует отнести произведение анонимного автора XV в.¹¹ и хроники городских архивариусов Безелина, А. Кранца и Д. Лоэ¹², принадлежащие перу свидетелей описываемых событий. Вторая группа представлена сочинением историка-хрониста XIX в. В. Райнгольда, который порой в пересказе, а порой текстуально, воспроизводит утраченные или до сих пор не опубликованные документы¹³.

Упомянутые источники позволяют выяснить основные направления, по которым на рубеже XV—XVI вв. разворачива-

⁶ Коррманн К. Die Wehrkraft der Rostockischen Ämter.—Hansische Geschichtsblätter, 1886, S. 165—166 (далее — HGBll).

⁷ Schildhauer J. Op. cit., Anhang, Tabelle V.

⁸ Thierfelder H. Rostock-Osloer Handelsbeziehungen im XVI. Jht. R., 1958.

⁹ Hansisches Urkundenbuch/Hrsg. v. Verein für Hansische Geschichte, 1876, 1899, 1907, 1916 Bd. I, VIII, X, XI (далее — HUB).

¹⁰ Hanserezesse, Dritte Abteilung/Hrsg. v. Verein für Hansische Geschichte, 1881—1883, Bd. I—II (далее — HR).

¹¹ Notiz über den Tod des ersten Domprobstes Johannes Rode/Hrsg. v. G. Lisch.—MJbb., 1880, N 8, S. 195—200.

¹² Beselin. Auszüge aus dem Chemnitzschen großen Chronico Mecklenburgico.—Ungraden Joachim Christoph Amonitates diplomatico-historico-juridicae, 1794; Krantz A. Wandalia, oder Beschreibung wendischer Geschichte. Lübeck, 1600; Lohe D. Chronik/Hrsg. v. E. Dragendorff.—Rostocker Beiträge, R., 1931, N 19 (далее — RB).

¹³ Reinhold W. Chronik der Stadt Rostock, R., 1911.

лось сопротивление горожан натиску герцогов Мекленбургских; причины и особенности возникавших конфликтов; расстановку сил в борющихся лагерях.

На рубеже XV—XVI вв., конфликты ростокцев с герцогами Мекленбургскими резко обострились. Особенно примечательен отпор горожан Магнусу II (1477—1503 гг.), в частности его финансовой политике. Суть последней нашла выражение в реформе 1479 г.: контролируемые ранее городским советом фогтства превращались в ведомства, подчиненные герцогской канцелярии¹⁴; управление финансами от полномочного выборного представителя мекленбургских городов переходило в руки назначаемого князем казначея¹⁵; уплата герцогу поземельного налога осуществлялась отныне при посредстве не городских, а княжеских чиновников, то есть фактически феодал обеспечивал себе право произвольно регулировать величину поземельного налога и более того — вводить новые поборы. Так, в 1480 г. Магнус II издал закон о введении чрезвычайного поземельного налога¹⁶, в 1482 г. провел сбор средств для своей поездки на Нюрнбергский рейхстаг¹⁷, в 1492 и 1494 гг.—для уплаты долга кайзеру Максимилиану¹⁸, в 1500—1501 гг. узаконил взимание так называемых «брачных денег» — в сущности сервильного побора со вступающих в брак¹⁹.

Естественно, столь беззастенчивое ограбление городского населения не могло не вызвать недовольства горожан, и хронист Д. Лоэ не случайно усматривал причины народных волнений того времени «во введении герцогом все новых налогов»²⁰. О «возмущениях» и «больших беспорядках», вызванных налоговой политикой князя, писали тогда же хронисты А. Кранц и Безелин²¹.

¹⁴ Steinmann P. Finanz-Verwaltungs-und...—MJbb, 1922, N 86, S. 104.

¹⁵ Mecklenburgische Urkunden und Daten/Hrsg. v. Sachsee. R., 1900, S. 202.

¹⁶ Lohe D. Chronik, S. 65.

¹⁷ Hegel C. Geschichte der mecklenburgischen Landstädte bis zum Jahre 1555 mit einem Urkunden-Anhang. R., 1856, S. 153, z. J. 1482 (N 15).

¹⁸ Weissbach J. Op. cit., S. 97.

¹⁹ Urkunden der Herzöge Magnus II. und Balthasar von 12. Juni 1500 und 2. Februar 1501.—In: Hegel C. Op. cit., Urkunden-Anhang N 12, N 13, S. 167—170.

²⁰ Lohe D. Chronik, S. 65.

²¹ Krantz A. Wandalia, Libr. XIII. Cap. 26; Beselin, Auszüge... S. 172.

Однако локальные выступления жителей отдельных подвластных герцогской власти городов вряд ли существенным образом влияли на ход событий. Во всяком случае источники хранят на этот счет молчание. Другое дело, что «...у городского бюргерства было могучее оружие против феодализма — деньги»²². С их помощью Росток неоднократно добивался отмены того или иного налога при условии уплаты сеньору единовременного денежного взноса. В частности, в 1482 и 1492 гг. ростокцы откупились от посягательств Магнуса II, уплатив по 1000 и 800 рейнских гульденов²³.

Определенных успехов в борьбе города добивались, только объединяясь в союзы, причем главной задачей последних являлось сохранение торговых привилегий и недопущение феодалов к участию во внешней торговле. Дело в том, что, остро нуждаясь в крупных денежных средствах, герцоги Мекленбургские пытались вести самостоятельную экспортную торговлю: например, в 1482 г. Магнус II занялся вывозом хлеба и древесины в Голландию. Однако ганзейское купечество не пожелало делить с феодалом свое монопольное положение во внешней торговле и в том же году приняло решение запретить герцогским кораблям появляться в гавани. В итоге Магнусу II не оставалось ничего иного, как ограничиться континентальной торговлей²⁴.

Феодалный натиск со стороны территориальных князей немало способствовал складыванию внутри Ганзы объединений групп городов. Росток примкнул к подобному объединению в 1476 г., когда он вступил в шестилетний антигерцогский союз совместно с Любеком, Бременом, Гамбургом, Висмаром, Штральзундом, Люнебургом и еще 12 ганзейскими городами²⁵. Но регулировать действия столь обширного союза было, видимо, не так просто. Главное же, положение ганзейских городов было неравным, а порою они даже враждовали друг с другом. Источники дают много примеров того, что между отдельными членами Ганзейского союза постоянно возникали различного рода конфликты. Показательны многочисленные жалобы городов друг на друга. Как правило, они вызывались

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 407.

²³ См.: Krantz A. Wandalia, Libr. XIII, Cap. 26; HR, Abt. III, Bd. 3, N 147.

²⁴ См.: Witte H. Mecklenburgische Geschichte in Anknüpfung an Ernst Boll. Wismar, 1909, Bd. I, S. 287.

²⁵ HUB, X, N 512.

взаимными ограблениями и захватами кораблей и требовали возмещения убытков, понесенных купцами²⁶.

На рубеже XV—XVI вв. конкуренция городов особенно остро проявилась в борьбе за овладение руководящими позициями в управлении Ганзой. К исходу XV в. ведущей силой в Ганзе стали города Вендской группы, где Ростоку удалось занять второе место после Любека²⁷.

Однако и внутри Вендской группировки шла ожесточенная конкурентная борьба. Это, несомненно, способствовало тому, что громоздкие союзы городов внутри Ганзы вскоре уступили место локальным объединениям. Но в том же направлении толкали потребности антифеодальной борьбы. Так, в 1482 г. создали союз Росток и Висмар. В течение 20 лет они обязывались совместно препятствовать введению герцогом «берегового права», защищать от его посягательств торговые и городские привилегии друг друга²⁸. Аналогичные цели преследовал трехлетний союз Любека, Гамбурга, Ростка, Штральзунда, Висмара и Люнебурга²⁹. В целом исход XV—начало XVI вв. отмечены заключением ганзейскими городами локальных договоров по охране своих привилегий от притязаний территориальных сеньоров³⁰.

В ответ на образование межгородских антисеньориальных союзов территориальные князья, в свою очередь, объединялись против городов. 12 июля 1482 г. официально оформилось так называемое «содружество» Богуслава Поморского и Магнуса II Мекленбургского³¹, к которому в 1487 г. примкнули Иоганн Саксонский и граф Руппенбургский³². Наиболее агрессивную роль это объединение сыграло в 1487—1491 гг. во время так называемой ростокской «Соборной распри» (Domfehde), когда борьба горожан против герцога достигла наивысшего накала.

Поводом к ее началу послужило принятое осенью 1486 г. решение герцога о строительстве собора при Ростокском уни-

²⁶ HUB, VIII, N 713, 719, 724, 1249; XI, N 546.

²⁷ Hammann M. Wismar-Rostock-Stralsund-Greifswald zur Hansezeit. — In: Vom Mittelalter zur Neuzeit. Berlin, 1956; Olechnowitz K.-F. Rostock von der Stadtrechtsbestätigung im Jahre 1218 bis zur bürgerlich-demokratische Revolution von 1848/49. R., 1968, S. 3.

²⁸ HUB, X, N 961.

²⁹ HUB, X, N 1108.

³⁰ См., например: HR, Abt. III, Bd. 3, N 25; Bd. 6, N 568.

³¹ Koppmann K. Geschichte, S. 54.

³² Rische A. Geschichte, S. 121.

верситете. Однако горожане категорически воспротивились постройке новой церкви, ибо, как достаточно откровенно заметил хронист А. Кранц, «...ростокцы боялись, что вследствие этого возрастет влияние духовенства и будут ущемлены их интересы»³³.

Неожиданный поворот событий вынудил территориальных князей обратиться за помощью к епископу Шверинскому. Последний пригрозил наложить на Росток денежный штраф. Обеспокоенные горожане попытались заручиться поддержкой архиепископа Бременского, но потерпели неудачу. Тем временем борьба приняла крайне напряженный характер и вылилась в вооруженное столкновение между враждующими сторонами: горожане захватили княжеский корабль, казнили команду и герцогского наместника, находившихся на борту³⁴.

Напуганный столь решительным отпором, Магнус II добился от епископа Шверинского объявления города «вне закона», а от папы Иннокентия III — одобрения проекта создания нового храма. Однако горожане по-прежнему препятствовали учреждению собора³⁵. Тогда 12 января 1487 г. князь устроили церемонию открытия новой церкви, сопровождавшейся возведением в сан пробста герцогского канцлера Иоганна Роде. Ясно, что учреждение нового собора должно было служить средством фактического подчинения города сеньориальному полновластью герцога. В ответ вспыхнуло народное восстание, И. Роде был убит, а князь спаслся бегством³⁶.

Но этим конфликт не исчерпался. Теперь острее народного гнева обрушилось против городского совета: он поддерживал идею открытия собора и не чинил никаких препятствий действиям территориальных князей.

Чтобы понять позицию городского совета в данном конфликте, уместно обратиться к выяснению экономического положения и социального состава его членов. На рубеже XV—XVI вв. выборы в ростокский городской совет производились в полном соответствии с порядком, установленным еще во времена Генриха Менведа (XIII в.). Согласно ему, членами совета могли стать только лица «свободного» и «благородного» происхождения, собственники земли, располагавшие, кро-

³³ Krantz A. Wandalia, XIII, S. 40.

³⁴ Ibid., S. 40—50.

³⁵ Ibid., S. 51—55.

³⁶ См.: Notiz über dem Tod, S. 195.

ме того, состоянием, нажитым не в сфере ремесленной деятельности, то есть наиболее привилегированная и богатая прослойка городского населения — купеческий патрициат, монопольно хозяйничавший во внешней торговле³⁷.

При исследовании социально-экономического облика ростокского патрициата бросается в глаза, что одним из источников его доходов являлось также землевладение. На рубеже XV—XVI вв. оно в связи с упадком ганзейской торговли превратилось в значительную притягательную силу, которая заставляла ростокских купцов инвестировать часть своих капиталов в приобретение земельных участков. Так, купец Лампрехт Крепелин владел 4 деревушками и приобрел, сверх того, по половине деревень Куссевитц и Кессин³⁸. Безусловно, масштабы землевладения знатных ростокцев были различны, но почти всегда у представителей патрициата оказывалось несколько домов, усадеб, дворов, хмельников.

Очевидно, помимо прочих глубоких противоречий, сталкивавших патрициат с городской общиной, заинтересованность большинства ратманов и бургомистров в сохранении своих земельных владений ставила их в зависимое от феодала положение и побуждала отступать перед посягательствами территориальных князей. Когда 14 июля 1487 г. бургомистр Вике фон Герворден объявил, что отныне город обязан подчиняться распоряжениям и воле папы³⁹, стало совершенно очевидно, что ростокский совет полностью противопоставил свои действия требованиям бюргерства. С этого момента борьба горожан против произвола герцога слилась с борьбой против патрицианского совета. В. Райнгольд сообщает: «...бюргерство собралось на рыночной площади. Произносимые там речи были направлены против городского совета, и особенно против бургомистра Керкгофа»⁴⁰. Недовольство политикой городского совета достигло таких размеров, что два бургомистра, Бернт Керкгоф и Арндт Хассельбек, а также 9 наиболее ненавистных ратманов оказались изгнанными из города⁴¹. Как именно и чьими усилиями это совершилось, хронисты не сообщают, но несомненно, что для этого, так же как

³⁷ Lübeckisches Urkundenbuch, Lübeck, 1897, Bd. I, N 4; Schildhauer J. Op. cit., Anhang, Tabelle II, N 45, 46, 51, 68.

³⁸ См.: Schildhauer J. Op. cit., Tabelle II, S. 221, N 13.

³⁹ Krantz A. Wandalia, XIII, S. 39.

⁴⁰ Reinhold W. Chronik, S. 74.

⁴¹ Krantz A. Wandalia, XIII, S. 57.

для успеха народного восстания в январе 1487 г., требовалось активное, боевое участие большой массы народа — широких слоев ремесленников и плебса. Плебейство — слой беднейший и бесправный — на рубеже XV—XVI в. включал *более половины* населения Росток и постоянно возрастал за счет растущего разорения бюргерства: как позволяют установить данные налоговых реестров, опубликованных И. Шильдхауером⁴², в 1482 г. плебс составлял 55,8%, а в 1533 г. — 63,6% всех жителей города. Без его решающего участия эти успехи антифеодальной борьбы горожан были бы просто невозможны.

На поддержку ростокского патрициата выступили власти соседних городов. Обеспокоенные тем, что волна народных возмущений может докатиться до них, патрицианские советы Любека, Висмара, Грайфсвальда и Штральзунга вмешались в ход событий; 21 сентября 1487 г. они созвали съезд, на котором заключили соглашение о 14-дневном перемирии между враждующими сторонами⁴³. В результате обстановка несколько разрядилась, но в целом конфликт устранен не был.

10 февраля 1491 г., когда в Любеке в очередной раз обсуждался вопрос о сложившейся в Ростокке ситуации⁴⁴, город потряс новый взрыв негодования. На сей раз предводителем народных масс выступил представитель зажиточного бюргерства Ганс Рунге, мастер цеха башмачников — изготовителей дорогой модельной обуви. Его ближайшими сторонниками были ювелиры, чеканщики монеты, не принадлежавшие к патрициату купцы и пивовары⁴⁵, то есть представители тех общественных слоев, чьи окрепшие экономические позиции находились в явном несоответствии с их местом в политической системе Ростокка. Как свидетельствуют источники, основные требования этих оппозиционных кругов сводились к обеспечению им права участия в городском совете⁴⁶. Но и эти ограниченные требования были абсолютно неприемлемы для «отцов города». Ростокские патриции учинили расправу над Рунге и его ближайшими сподвижниками, казнив их в апреле 1491 г.⁴⁷

⁴² Schildhauer J. Op. cit., Tabelle, S. 46—47.

⁴³ Krantz A. Wandalia... XIV, S. 6.

⁴⁴ HR, Abt. III, Bd. 2, N 255.

⁴⁵ Krantz A. Wandalia, XIV, S. 9—11.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibid., S. 14.

В мае того же года в Висмаре состоялась встреча, на которой присутствовали герцоги Мекленбургский и Поморский, епископы Ратцебургский, Шверинский и представители патрицианской верхушки вендских городов. В соответствии с подписанными там соглашениями Магнус II отказывался от своих планов по возведению в Ростокке новой церкви, а город принуждался к уплате ему 21 тыс. рейнских гульденов, передаче деревень Никгузен и Фаренгольц, принесению присяги на верность⁴⁸. Так, решительная борьба массы горожан приостановила попытку герцогской власти полностью вернуть город под свою сеньориальную власть. Но, расправляясь с оппозицией бюргерской общины и уступая феодалам, патрициат фактически предавал интересы города.

Таким образом, на рубеже XV и XVI вв., когда во всей Западной Европе феодальная система «находилась в полном упадке»⁴⁹, оскудение феодальных доходов побуждало Мекленбургских герцогов к новому наступлению на города, давно отвоевавшие широкие вольности, с тем, чтобы обеспечить себе широкое присвоение городских накоплений. Поэтому и в Ростокке этой поры не прекращается антифеодальная борьба. Городские движения, направленные против действий территориального князя, имели целью не допустить вмешательства последнего в вопросы налоговой политики, внешней торговли и внутригородской жизни. Если городу не удавалось откупиться от князя единовременным денежным взносом, дело доходило до вооруженных столкновений. При этом антикняжеская борьба сливалась с отпором идущему на поводу у герцога патрицианскому, купеческо-землевладельческому совету и велась за демократизацию городского управления. Это было естественным продолжением антифеодальной борьбы. Движущими силами в этих выступлениях являлись бюргерство и плебс, и именно последний придавал размах и силу городским движениям.

⁴⁸ HR, Abt. III, Bd. 2, N 564.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 409.

Т. С. Никулина

**ИМУЩЕСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ЛЮБЕКЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XVI ВЕКА**

Основной тенденцией социального развития бюргерства ганзейских городов во второй половине XV — начале XVI в. была усиливающаяся имущественная дифференциация, причины которой коренятся в закономерностях развития и разложения простого товарного производства, являющегося экономической основой всего городского развития в средние века. Одной из важнейших определяющих черт простого товарного производства была экономическая самостоятельность, то есть принадлежность средств производства самому работнику. Но диалектика жизнедеятельности этой хозяйственной формы такова, что само ее развитие ведет к обостренной борьбе «за хозяйственную самостоятельность»¹ и ставит под вопрос самостоятельность отдельных товаропроизводителей. В результате конкуренции, неустранимо присущей товарному хозяйству, разорившиеся производители теряют хозяйственную самостоятельность². От этого их не спасала и корпоративная сплоченность, общая защита своей ремесленной монополии и интересов своей профессии, так как все это не устраняло обособленности мелкого товарного производства отдельных ремесленников, которые работали «...поодиночке, порознь в каждой маленькой мастерской...»³, на свой счет и риск. С интенсивным развитием мелкого товарного производства в ремесленных цехах возникает и усиливается имущественное неравенство, затем, с расширением рынка, перерастающее в расслоение буржуазного типа⁴.

В Любеке имущественная дифференциация бюргерства была усилена также начавшимся упадком посреднической ганзейской торговли, от которого страдали широкие массы купечества, но также и те отрасли ремесла, которые работали на экспорт. Этот процесс можно проследить на основе анали-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 66, 164.

² См. там же, т. 1, с. 91.

³ Там же, т. 2, с. 90.

⁴ См. там же, т. 17, с. 82—83.

за налоговых списков Любека, опубликованных Гартвигом⁵. Он приводит данные за три года: 1460—1461 г., 1487—1488 г., 1502—1503 г. Причем, в эти списки попало именно среднее и мелкое бюргерство, так как значительный слой самых богатых горожан облагался тайно. Так, в 1460 г. он составил 19% всех налогоплательщиков, чей общий налоговый взнос превосходил 768 любекских марок⁶, что составило 58% всех налоговых поступлений, тогда как остальные 81% налогоплательщиков могли представить лишь 42%, что само по себе говорит о значительной экономической дифференциации любекских горожан.

Если сопоставить данные за 1460—1461 г. и 1502—1503 г., то это позволит увидеть изменения, происшедшие в имущественном положении массы горожан Любека за 40 лет.

Разделим всех налогоплательщиков на три группы, в зависимости от высоты уплачиваемой ими налоговой суммы. К первой, низшей группе (налоговая ставка от 1 до 12 пфеннигов) в 1460—1461 г. относилось 444 семьи, что составило

Налоговый взнос	1460—1461 гг.	1502—1503 гг.
0—1 пфеннига	—	6
1—2 »	1	90
2—3 »	33	183
3—4 »	51	212
4—5 »	79	327
5—6 »	—	15
6—7 »	238	582
7—8 »	—	—
8—9 »	36	41
9—10 »	1	6
11—12 »	—	1
1—2 шиллинга	591	824
2—3 »	450	712
3—4 »	234	297
4—5 »	366	294
5—6 »	39	96
6—7 »	259	235
7—8 »	12	52
8—9 »	254	232
9—10 »	5	10
10—11 »	108	94
11—12 »	5	20
12—13 »	242	203
13—14 »	16	23
14—15 »	36	36
15—16 »	25	103
1 марка	358	58
Выше 1 марки	12	27
Итого	3456	4592

⁵ Hartwig J. Das Lübecker Schoss bis zur Reformationszeit. Leipzig, 1903, S. 202—203.

⁶ Ibid., S. 170, 201.

12,48% всех налогоплательщиков; к 1502—1503 г. эта группа возросла до 1490 семей — 32,34% налогоплательщиков. Но фактически число лиц, относящихся к беднейшему слою, было выше, так как часть населения, ввиду крайней бедности, вообще освобождалась от уплаты налогов. Число же плательщиков, принадлежащих к средней налоговой группе (налоговая ставка от 1 до 16 шиллингов), хотя численно и возросло с 2642 до 3031 очагов, относительно сократилось с 76,5% в 1460—1461 г. до 66% в 1502—1503 г. Зато узкий слой самых богатых бюргеров-не патрициев (налоговая ставка свыше 1 марки) за те же годы возрос с 12 до 27 семей, то есть с 0,34% до 0,58%.

Особенно резко сократилась за 40 лет III группа (налоговая ставка — 1 марка), т. е. зажиточная часть среднего бюргерства: с 358 до 58 семей, т. е. с 10,7% в 1460—1461 г. до 1,85% в 1503 г.

Таким образом, очевидна основная тенденция социального развития Любека этой эпохи: все большее «вымывание» средних слоев населения, быстрое увеличение численности нижних и возрастание узкого слоя наиболее богатых бюргеров, что вызывалось разложением цеховой системы, приливом в город беднейшего сельского населения в результате усиления феодального гнета с середины XV века, закономерностями развития простого товарного производства на последних стадиях феодализма и возникновением ранних форм капиталистического производства. Поэтому никак нельзя согласиться с западно-германским историком А. фон Брандтом, который, анализируя тот же документальный материал — налоговые списки, опубликованные Гартвигом (но только почему-то за один только 1460—1461 г.), утверждает, что «внутри... любекской социальной структуры господствует сплошная гармония и уравновешенность», «...в средневековье (до второй половины XVII в.) еще налицо относительно здоровая социальная структура ганзейской столицы»⁷.

Напротив, проведенный анализ показывает, что тенденции социального развития столицы Ганзы во второй половине XV — первой половине XVI вв. были такими же, как и в других вендских городах, таких, как Росток, Штральзунд, Висмар,

⁷ Brandt A. V. Die gesellschaftliche Struktur des spätmittelalterlichen Lübeck.—In: Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Konstanz-Stuttgart, 1966, S. 230, 238.

исследованных историками ГДР⁸. То есть главным процессом в социальной жизни Любека в позднее средневековье становится увеличение числа малоимущих и неимущих жителей города: обнищание основной массы бюргерства. В Любеке к началу XVI века количество нищих возрастает до 3500 человек⁹, что даже вызвало учреждение в 1527 г. специальной должности беттлер-фогта для надзора за своими и пришлыми нищими¹⁰.

Данные налоговых регистров подтверждаются и дополняются судебными протоколами любекского совета¹¹ и городскими документами¹². Благодаря им становится очевидным, как происходило ухудшение материального положения средних и низших слоев бюргерства. Источники буквально заполнены заемными сделками-закладами, к которым приводила нужда. Задолженность становится массовым явлением.

Документы позволяют ответить, хотя бы частично, на такие вопросы: причины залога, его объекты, кто были кредиторы, каково социальное положение должников. Главная причина залога того или иного имущества — неспособность уплатить долг в срок. Например, в 1454 г. Арнд Вильмс, проживавший в Моислинге (под Любеком) признает, что он должен Тидеману Раймердингу 200 любекских марок и поэтому закладывает мельницу¹³. Та же мотивировка залога двух паромов у Корда Штеффена: должен 60 марок¹⁴ и т. д. Второй мотив — залог под будущую ссуду.

Все закладные сделки в Любеке во второй половине XV — первой половине XVI в. разделим на две большие группы, в зависимости от того, что было предметом залога: недвижи-

⁸ Schildhauer J. Soziale, politische und religiöse Auseinandersetzungen in den Hansestädten Stralsund, Rostock und Wismar im ersten Drittel des 16. Jahrhunderts. Weimar, 1959; Fritze K. Am Wendepunkt der Hanse. Untersuchungen zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte der wendischen Hansestädte in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts. Berlin, 1967.

⁹ Korell G. Jürgen Wullenwever. Sein sozial-politisches Wirken in Lübeck und der Kampf mit den erstarkenden Mächten Nordeuropas. Weimar, 1980, S. 38.

¹⁰ Hartwig J. Das Lübecker Schoss, S. 59—60.

¹¹ Lübecker Ratsurteile/Hrsg. von W. Ebel. Göttingen-Berlin-Frankfurt, 1955—1958, Bd. 1—3 (1421—1550). (Далее: Lüb Ratsurteile).

¹² Urkundenbuch der Stadt Lübeck/Hrsg. von Verein für Lübeckische Geschichte. Lübeck, 1892—1905, Bd. X—XI (Далее: LUB).

¹³ LUB, IX, N 175.

¹⁴ LUB, XI, N 99.

мость¹⁵ или движимость¹⁶. При залоге недвижимости ссуду давали чаще всего духовные лица (например, викарий церкви св. Марии), патриции (например, член совета Любека, казначей города), а иногда — отдельные богатые ремесленники (переплетчик Н. Костер, мастер Г. Борниак). Брали ссуды бюргеры, владевшие земельной собственностью, ремесленники, пивовары, владельцы трактиров, домов. Объектом залога чаще всего были дома, которые закладывались за 120, 180, 200 марок; пивоварни, трактиры, фруктовые сады, мельницы, паромы, земельные участки, хмельники. Суммы залога чаще всего не указывались, но, судя по предметам заклада, можно предполагать, что они были не малыми.

Кредитные сделки, где в качестве залога выступает движимость, отличались от сделок с недвижимостью. Прежде всего, они вдвое преобладали количественно. Так, в «Решениях Любекского совета» между 1450 и 1525 гг., зафиксировано 18 залоговых сделок с недвижимостью, а с движимостью — 37, а многие такого рода сделки заключались помимо любекского Совета. Залоги движимости были в основном на мелкие суммы. Это позволяет судить о социальном положении залогодателей. Когда закладываются вещи за 6 марок; все имущество за 20 марок или за 12,5 марок; 3 железных кружки; домашняя утварь с подробным перечислением всей посуды¹⁷, то очевидно, что закладывают и берут в долг небогатые или вовсе бедные люди¹⁸.

Среди этих сделок есть любопытные случаи. Некий Ганс Бакмайстер дважды закладывает одну и ту же вещь — икону. Первый раз 8 сентября 1456 г. за 100 марок¹⁹, а второй раз, 6 марта 1457 г., за 60 марок²⁰. Одну сделку от дру-

¹⁵ LUB, IX, N 175, 200; XI, N 99, 326, 353, 435, 548, 552, 602, 622; Lüb. Ratsurteile, I, N 371, 385, 611, 624, 632; II, N 49, 210, 305, 317, 357, 361, 388, 484, 532, 787, 972.

¹⁶ LUB, IX, N 97, 98, 368, 373, 419; XI, N 208; Lüb. Ratsurteile, I, N 376, 676, 732, 815, 816, 916, 955; II, N 300, 475, 613, 618, 664, 672, 749, 808, 1049; III, N 274, 276, 299.

¹⁷ LUB, IX, N 97.

¹⁸ Для сравнения можно привести некоторые цены, существовавшие в XV в. в вендских городах. Например, одна свинья стоила 3 марки, лошадь — 30—32 марки, бочка сельди — 5—7 марок, сапоги для верховой езды — 2 марки (См.: Fritze K. Die Lage der hansestädtischen Plebejer.— Rostocker Beitrag, 1966, N 4, S. 38).

¹⁹ LUB, IX, N 373.

²⁰ LU, IX, N 419.

гой отделяют полгода. Очевидно, этот Г. Бакмайстер был в трудном материальном положении, а этот «алтарь» был единственной у него ценной вещью. 20 февраля 1498 г. любекскому совету жалуются С. Шраген из Мюнстера на любекского бюргера Н. Леннепа из-за пяти бочек и нескольких шеффелей железа, которые С. Шраген отдал ответчику на хранение, а тот заложил их²¹. 15 июля 1519 г. пекаря Т. Вуде через опекунов жалуются на Б. Винекена из-за украшений и серебряного ожерелья, которые жаловщица дала взаймы (напрокат) некой Керстинен Ван дер Хове, а та должна была некоторую сумму денег и за долг заложить драгоценности истицы ответчику. Из протокола любекского совета от 9 августа 1521 г. мы узнаем, что сумма заклада была не столь велика — 50 марок²².

Вообще при закладах движимости обращает на себя внимание то обстоятельство, что часто ссуду на небольшую сумму брали женщины. Очевидно, женщины, обычно хуже обеспеченные в правовом отношении, в условиях острой социальной ломки чаще испытывали большие материальные трудности, что и заставляло их обращаться к услугам кредиторов. Показателен в этом отношении случай с Вуммельке Кремерс. В 1515 г. она заложил все имущество за 20 марок, а в 1520 г. опять закладывает все свое имущество, но уже за 12,5 марки, 3 шиллинга и 4 пфеннига²³. То есть за 5 лет ее материальное положение еще более ухудшилось.

Ссудно-залоговые операции являются элементами кредитно-долговых отношений, и их развитие в феодальном обществе связано с развитием товарного производства, возникновением раннекапиталистических отношений, трансформацией социальных связей²⁴. В Любеке второй половины XV — первой половины XVI вв. встречаются залоги и на крупные суммы, которые можно объяснить нуждами нарождавшегося предпринимательства. Например, Д. Лампе в 1452 г. заложил купеческие товары на 1000 марок²⁵, Г. Верденбергер в 1487 г.

²¹ Lüb. Ratsurteile, I, N 815—816.

²² Ibid., II, N 661, 668, 872.

²³ Ibid., II, N 475, 749.

²⁴ См.: С в а л и д з е А. А. Кредитно-долговые отношения и городское законодательство в средневековой Швеции (XIII—XIV вв.).— В кн.: Средневековый город. Саратов, 1975, вып. 3, с. 54—78; Я б р о в а М. М. Особенности средневекового кредита и его развитие в Англии XIII—XV вв.— В кн.: Средневековый город. Саратов, 1978, вып. 4, с. 44—60.

²⁵ LUB, IX, N 98.

заложил 11 кусков ткани на 100 рейнских гульденов²⁶. Но преобладали залоговые суммы, что связано, очевидно, с разорением бедных ремесленников и торговцев, ускорением натиском купеческого и ростовщического капитала и возникновением крупного производства.

При этом самое главное — социальные последствия ссудных операций. Задолженность выступает как следствие имущественной дифференциации²⁷, но в свою очередь ускоряет эту дифференциацию. Большое количество залогов движимости на мелкие суммы свидетельствует об ухудшении материального положения массы мелкого и среднего бюргерства, об обнищании в ее среде. В результате залогов и взыскания долгов шло перемещение движимости и недвижимости от менее имущих слоев к более имущим, шло накопление капитала в одних руках и пауперизация других. То есть ссудные отношения в эту пору выступают как один из методов первоначального накопления. Объективно они способствовали усилению классовых антагонизмов в структуре позднесредневекового города, способствовали поляризации общественных позиций внутри основных социальных сил²⁸.

Имущественная дифференциация в позднесредневековом Любеке проявилась и в вопросе о жилье. В том, где и как жили любекцы, тоже видны резкие социальные контрасты. В Любеке различались четыре категории жилищ: 1) дома; ими считались каменные постройки с фронтонами; 2) хижины без фронтонов, преимущественно глинобитные и однокомнатные, чаще всего, не стоящие на улице (буде); 3) подвалы; 4) заль — маленькое семейное жилье в верхнем этаже (очевидно, чердак, раз оно по «комфортабельности» стоит ниже подвалов). Конечно, последние две категории были жильем самых низших слоев любекского населения.

О количественном соотношении этих типов жилищ дает представление регистр 1532 г. для сбора налогов на войну с турками (регистр был опубликован в 1902 г. В. Райзнером)²⁹. Налог взимался по приказу императора и обложению подде-

²⁶ Lüb. Ratsurteile, I, N 376.

²⁷ Сванидзе А. А. Город, бюргерство и социальные функции кредитно-долговых отношений в Швеции XIII—XV вв. — В кн.: Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979, с. 112.

²⁸ Там же, с. 117.

²⁹ Reischer W. Die Einwohnerzahl deutscher Städte in früheren Jahrhunderten mit besonderer Berücksichtigung Lübeck's. Halle, 1902, S. 4—7.

жало каждое жилье. Дом платил 1 марку, буде — 8 шиллингов, подвал — 4 шиллинга, заль — 2 шиллинга. Этому налогу сопутствовало еще поголовное обложение. Налог в Любеке собирались по городским кварталам, именовавшимся по своим приходским церквям: квартал св. Марии, св. Якова, св. Иоганна, св. Марии-Магдалины. Слободы сюда не входили. Налоговый регистр 1532 г. содержит сведения только по кварталу св. Иоганна. Там зарегистрировано 796 жилищ. Из них домов было 366, буде — 302, подвалов — 103, заль — 25. Итак, буде, подвалы и заль составляли 54% всех жилищ (их 430 из 796). И это — в центре города.

Но и эти хижины, подвалы далеко не всегда были собственностью живущих в них. Значительная часть любекцев жила в чужих домах. В рассматриваемый нами период в Любеке была очень распространена сдача жилья в наем. В. Эбель объясняет это явление перенаселенностью Любека в 14—15 в.³⁰ Однако исследователи отмечают отсутствие роста населения в городе в этот период. Если население Данцига между 1420 и 1570 гг. удвоилось, то в Любеке в этот период оно осталось на прежнем уровне³¹. Более того, в Любеке еще в середине XVIII в. число смертей на 19% превышало цифру рождаемости³².

Нам кажется, что главная причина аренды жилья в позднесредневековом Любеке заключалась в тех процессах, которые мы рассмотрели ранее: ухудшении материального положения массы бюргерства, распространении заклада домов, в результате невыкупа которых часть жителей Любека лишалась собственного жилья. А с другой стороны, потребности нарождающегося предпринимательства требовали найма помещений. Так, 29 апреля 1454 г. Древес Рутинг сдал в наем мастеру-живодеру Ретеру Ральборну 3 буде за 7,5 марок ежегодной платы³³. Сдавались в наем в Любеке во второй половине XV — первой половине XVI вв. в основном дома и буде, причем, последние, видимо, зачастую означали пристройку, комнату. Например, в записи от 8 октября 1455 г. сказано, что стекольщик Гапс Альрад сдал в наем переплетчику книг Н. Костеру одну комнату в своем доме, находящемся в Сант-

³⁰ Ebel W. Bürgerliches Rechtsleben zur Hansezeit. Göttingen-Frankfurt-Berlin, 1954, S. 60.

³¹ Brandt A. V. Die gesellschaftliche Struktur, S. 220.

³² Reischer W. Op. cit., S. 122.

³³ LUB, IX, N 181.

штрассе³⁴. Но есть документы о сдаче в наем подвала, лачуги, флигеля.

Срок найма и плата за аренду зависели от категории жилья. Хотя сведения по этим вопросам неполные, но все же можно сказать, что за буде платили в 2—10 раз меньше, чем за дом: от 2,5 или 5 марок до 10 марок в год. За дом — 20 или 27 марок в год. Срок найма для буде был меньше, чем для домов. Комната сдавалась, например на 2 года, флигель тоже на 2 года, а дом на 4—5 лет. Но, очевидно, и дома, сдаваемые в наем, не всегда соответствовали своему названию. 5 марта 1518 г. Маркус Веген жаловался любекскому совету на Герта Смита из-за недоплаты ему аренды. Но ответчик объяснил это тем, что дом непригоден для жилья, и он в нем не может жить. Совет признал дом нежилым и оправдал ответчика³⁵.

Таким образом, процесс имущественной дифференциации, наблюдаемый в Любеке в позднее средневековье, обострял и углублял социальные противоречия этого крупного ганзейского города и явился одной из немаловажных причин социальной борьбы в эпоху Реформации.

М. А. Молдавская

ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДСКОЙ БЕДНОТЫ В РУАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Проблема обнищания народных масс деревни и города на заре капиталистической эры производства является составной частью проблемы зарождения класса наемных рабочих, так как основная масса разоренных крестьян и городских ремесленников в конечном итоге превращалась в наемных рабочих мануфактур. Но рождавшаяся мануфактура была не в состоянии поглотить всю массу обездоленных. Долгое время большая их часть была вынуждена заниматься нищенством, бродяжничеством, даже разбоем.

Положение этих промежуточных, переходных социальных категорий во Франции изучено недостаточно. Здесь многое могут осветить материалы городского законодательства, кото-

³⁴ LUB, IX, N 226.

³⁵ Lüb. Ratsurteile, II, N 614.

рые пока еще почти не привлекались в нашей исторической литературе. Между тем оно немало обогащает наши представления о кровавом законодательстве, сопутствующем экспроприации народных масс.

В настоящей работе делается попытка обратиться к материалу муниципальной истории Руана, третьего по величине и промышленному развитию города тогдашней Франции, дабы яснее представить положение городской бедноты и сбежавшихся в город разоренных крестьян, их судьбы, формирование рынка наемного труда, систему благотворительности, ее социальные итоги и цели.

Основными источниками для данной статьи послужили описи муниципального архива Руана и сборник извлечений из протоколов заседаний муниципалитета, где рассматривались меры борьбы с нищенством и бродяжничеством¹.

Специальных исследований о пауперизме в Руане нет. Но в некоторых работах по истории этого города, а также по истории бедности и благотворительности во Франции (а таких работ в последние годы вышло несколько), рассматриваются отдельные аспекты проблемы нищенства и бродяжничества, приводятся конкретные данные. В 1979 г. под редакцией М. Молла² вышла «История Руана»³. В главе, посвященной XVI веку (она написана самим Молла), пауперизму уделено значительное внимание. Автор отошел от некоторых своих утверждений, изложенных в докладе на XIII Международном конгрессе историков⁴. В частности, Молла уже не настаивает на том, что состояние бедности не было связано с принадлежностью к определенному классу и не являлось результатом социальной несправедливости.

Объяснения массового пауперизма Молла ищет в частых недородах, росте дороговизны, безработице, нестабильности монеты. Но не связывает эти явления с главными сдвигами эпохи — разложением феодализма и рождением капиталисти-

¹ Inventaire-sommaire des archives communales. Ville de Rouen. Rouen. 1887, t. 1, (Далее: I—S); Documents concernant les pauvres de Rouen/Publ. par G. Panel. Rouen — Paris, 1917—1919, t. 1 (1224 — à 1630). (Далее: Documents).

² Взгляды этого историка уже рассматривались в советской литературе (см.: Соколова М. Н. Современная французская историография. М., 1979).

³ Mollat M. Histoire de Rouen. Toulouse, 1979.

⁴ Молла М. Бедные и средневековое общество. XIII МКИИ. М., 1970.

ческих отношений. Попытки руанского муниципалитета организовать систему благотворительности Молла совершенно резонно связывает с опасностью для городской верхушки народных волнений, в которых активное участие принимала беднота. «Нищета — плохой советчик», — замечает он⁵. Но историк считает меры руанских властей против нищенства и бродяжничества образцовыми и гуманными⁶. Подобно другим французским историкам он идеализирует систему благотворительности, создавшуюся в городах, с умилением пишет о «христианской добродетели» городских богачей, жертвовавших немалые средства на цели «милосердия», о гуманности городского общества⁷. В итоге М. Молла одобряет и принудительный труд бедняков, в том числе женщин, на городских укреплениях, и изгнание иногородних нищих и даже унижительную систему опознавательных знаков для местных нищих⁸.

Руан был крупным центром производства сукна, «самого главного и развитого в городе», как было сказано на заседании муниципалитета в 1508 г.⁹ В 1525 г. в нем было занято 30 000 человек¹⁰. Наряду с сукноделением Руан славился производством шляп. Об этом говорится в протоколе муниципалитета от 1531 г.: «Шапочное ремесло — одно из самых знаменитых и популярных в Руане, им живет большая часть населения. Купцы из Фландрии, Англии, Шотландии, Португалии, Бретани и даже из Парижа и других городов королевства обычно покупают много шляп в Руане, так как они лучше, чем в других странах¹¹. Вообще же в 1531 г. в Руане насчитывалось около ста различных ремесел¹². Торговые связи города охватывали все страны Западной Европы. Особенно активно велась торговля с Италией. Руанские мореходы и

⁵ Mollat M. Histoire de Rouen, p. 164.

⁶ Ibid., p. 165.

⁷ Mollat M. Les pauvres au moyen âge. Paris, 1978, p. 355; Mollat M. Histoire de Rouen, p. 165—169; Guiffon J.—P. La société et les pauvres. Paris, 1974, p. 248, 287; Davis N. Z. Assistance, humanisme et hérésie, le cas de Lyon.— In: Etudes sur l'Histoire de la pauvreté. Paris, 1974; Mollat M. Etudes sur l'histoire de la pauvreté. Paris, 1974, t. 2, p. 765, 816, 814.

⁸ Ibid., p. 166, 168.

⁹ I.—S., p. 99.

¹⁰ Ibid., p. 134.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., p. 140.

купцы проникали в Бразилию, и Руан стал для Франции главным портом по торговле с этой страной. Руан имел свою биржу. Население города быстро росло и к 1560 г. достигло 100 000, тогда как в 1500—1530 гг. оно составляло 40—50 тыс.¹³, то есть за полвека удвоилось.

Богатые купцы составляли привилегированную верхушку городского населения. Из их числа избирались члены руководящих органов города — консулы и члены совета Двадцати четырех. Многие добились анноблирования, проникли в чиновничью среду, занимали важные посты¹⁴. Богачи и беднота проживали в разных районах. Богатые кварталы примыкали к Сене, это была лучшая часть города. Беднота ютилась в основном в трех кварталах — Сент-Маклу, Сент-Вивьен и Сент-Никез.

Надежда найти работу в порту или многочисленных мастерских привлекала в Руан массу бедноты из деревень и мелких городков. Число нищих и крайне нуждающихся пополнялось также за счет самих руанцев. Это был главным образом мелкий ремесленный люд, разоряемый конкуренцией с богатыми мастерами и растущей мануфактурой в условиях почти систематической нехватки хлеба, дороговизны, тяжести государственных и местных налогов, частых военных действий. Сохранилось немало свидетельств борьбы ремесленных низов, их жалоб на действия богатых собратьев по ремеслу¹⁵. Эта борьба неизменно кончалась их поражением. Но сопротивление низов немало беспокоило правящую патрицианскую верхушку, вынуждало ее маневрировать. В 1510 г. в городе свирепствовала чума, ухудшившая положение бедного люда. Число нищих возросло. В 1512 г. на заседаниях консулата говорилось о «бедности народа». В начале 1520 г. в протоколах заседаний консулата снова идет речь о «множестве бедных людей в городе¹⁶. В 1525 г. городской совет рассматривал положение разорившихся ремесленников, людей, «которые из-за бедности перестали заниматься своим ремеслом». Этот вопрос обсуждался и в 1542 г.

В конце 1534 — начале 1535 г. на заседании ассамблеи города обсуждался вопрос об организации благотворительности в Руане по образцу Парижа, Лиона и других городов. В

¹³ Mollat M. Op. cit., p. 159.

¹⁴ Ibid., p. 160—161.

¹⁵ I.—S., p. 129, 134, 131, 140, 141.

¹⁶ Ibid., p. 101, 105, 124.

связи с этим была проведена перепись «настоящих бедняков», то есть местных, в которую не вошли «бездельники и праздношатающиеся» — иногородние. Она дала такие цифры: 7000 бедняков — несостоятельных и стыдящихся — людей, находящихся на грани нищеты, 297 нищих и 375 детей нищих. Иначе говоря, 17% населения нуждалось в подаении¹⁷. В январе 1542 г. глава городского совета призывал изучить обстоятельства роста числа бедняков, так как оно увеличивается с каждым днем¹⁸.

В 1540 годы в связи с войной особенно резко ухудшилась торговля сукном и шляпами, что вызвало сокращение их производства и безработицу. В связи с этим в мае 1544 г. городские власти обратились к правительству с просьбой снизить налоги, мотивируя это тем, что в течение последних 9—10 лет «большинство жителей, благополучие которых зависит от производства сукна и шляп, впали в бедность и нищету до такой степени, что многие из них сейчас стали нищими, остальные лишь с трудом зарабатывают на хлеб насущный»¹⁹. Хотя это обращение, возможно, содержало некоторое преувеличение, так как целью его было добиться уменьшения податей, оно все же отражало плачевное состояние мелкого городского люда. В 1557 г. уже около 10 000 бедняков работали на земляных валах, защищавших город²⁰. Таким образом, массовость пауперизма в Руане не подлежит сомнению.

Во всех городах отношение к пришлым и местным беднякам было различно. В Руане уже в 1534 г., с самого начала организованной благотворительности, было решено: «своих бедняков поддерживать», пришлых же беспощадно изгонять в 24 часа. Иногда давали небольшую сумму на дорогу²¹. Тон городских установлений о пришлых нищих со временем все более ужесточался. В 1542 г. изгнанию подлежали даже больные нищие, чего раньше не было²². В 1551 г. «ввиду неурожая в округе Блуа, наблюдается большой наплыв бедняков в

¹⁷ I.—S., p. 144. «Стыдящимися бедняками» в XVI в. было принято называть людей лишь недавно разорившихся и еще надеющихся подняться с социального дна.

¹⁸ См.: De l'union et G. Mobilité sociale: riche et pauvres à l'époque de la Renaissance.— In: Ordres et classe. Colloque d'histoire sociale. Sainte-Clotilde, 1967. Paris, 1973, p. 133.

¹⁹ I.—S., p. 163.

²⁰ Documents, p. 102.

²¹ Ibid., p. 18, 157.

²² Ibid., p. 50.

город». На всех перекрестках было объявлено об их изгнании под угрозой бичевания в течение 3 дней²³. Изгнание из города в действительности означало осуждение на смерть в городских рвах и вдоль дорог, так как вне городов нищие фактически помощи не получали. Так создавалась и питательная среда для бандитизма.

Бандитизм был развит в Нормандии не меньше, чем в других провинциях. Жалобы на банды «плохих парней», на их «большое число» часто встречаются в протоколах консулата²⁴. Среди участников этих шаек, занимавшихся грабежом деревень и окрестностей городов, немалую часть составляли нищие, пришедшие в Руан в поисках работы и пристанища и изгнанные из него.

Рост числа бедняков в самом городе, их наплыв со стороны вызывали беспокойство власть имущих. Уже весной 1501 г. магистрат обсуждал вопрос о дороговизне хлеба, главной нищи бедноты. В это время стоимость зерна поднялась до 30 су за меру, что было невероятно высокой ценой (В 1510, сравнительно благополучном году, мера зерна стоила 8—10 су)²⁵. Консулат объявил о запрещении продажи зерна до 8 часов утра. Только после звона колокола можно было «развязывать мешки и приступать к продаже». Вывозить зерно разрешалось лишь в «пределах Нормандии, а не в другие местности». Тот же вопрос обсуждался в апреле 1505 гг.: было обращено внимание на опасность терпимого отношения сеньоров к вывозу зерна из страны²⁶.

В июне 1506 г. на заседании городского совета снова с тревогой говорили о росте цен на зерно, которое стало «очень дорогим для бедняков». В декабре 1515 г. дважды принимались решения о запрете вывоза зерна ввиду его дороговизны: 23—24 су за меру. Даже для вывоза небольшого количества требовалось разрешение муниципалитета²⁷. Но особенно тяжелым было положение бедноты в 1522 г., когда стоимость меры зерна подскочила до 50 су. Чтобы поощрить купцов, муниципалитет объявил, что за привоз зерна каждый купец получит некоторое дополнительное вознаграждение²⁸. В мае

²³ Ibid., p. 93; I.—S., p. 160, 174.

²⁴ Documents, p. 106, 124, 128.

²⁵ Ibid., p. 100, 101.

²⁶ Ibid., p. 91.

²⁷ Ibid., p. 94; I.—S., p. 112.

²⁸ I.—S., p. 122, 124.

того же года магистрат дважды обсуждал вопрос о дороговизне зерна, бедности города, голоде среди бедняков и обратился к королю с жалобой на плохое положение дел²⁹.

Город старался закупать зерно в отдельных урожайных провинциях³⁰. В апреле 1531 г. произошли столкновения на рынке во время продажи зерна по низкой цене, закупленного городом и привезенного издалека. Как писал секретарь муниципалитета, в этих стычках «могущественные и сильные, приехавшие в город со всех сторон и окрестностей, оттесняли бедных и немощных», закупали хлеб большими партиями и увозили его. По-видимому, на рынке действовали перекупщики. В начале 1551 г. городские власти снова жалуются на неурожай в окрестностях, голод и наплыв голодающих в Руан³¹.

Городские власти Руана попытались прибегнуть к таксации цен. С 1510 г. был установлен вес и соответственно цена хлеба из зерна разных сортов; владельцы пекарен обязывались строго придерживаться этого тарифа. Предписание было повторено в 1515 и 1521 гг. Булочники, недовольные ограничениями, неоднократно требовали их отмены. В январе 1533 г. они обратились с ходатайством в муниципалитет, настаивая на уменьшении веса хлеба и его удорожании ввиду «исключительной дороговизны дров и дрожжей»³².

Социальная угроза со стороны низов заставляла патрицианскую верхушку города принимать более действенные меры борьбы против нищенства и крайней бедности. В 1528 г. на заседании муниципалитета с тревогой говорилось о том, что дороговизна и наплыв бедноты из округи приводят к большим беспорядкам. Было решено отпустить 6000 ливров из городских средств на закупку зерна, а также узнавать о «мятежных словах и волнениях» и информировать магистрат. В 1534 г. консулы вновь констатировали, что «ежедневно в городе происходит беспорядок и зло в связи с множеством бродяг, праздношатающихся, как здоровых, так и больных»³³.

Имели место в Руане и столкновения между рабочими и хозяевами. Так, в 1538 г. происходил судебный процесс между столярами и их нанимателями³⁴. А в ноябре 1540 г. возникли

²⁹ Ibid., p. 125, 126.

³⁰ Ibid., p. 136.

³¹ Ibid., p. 174.

³² Ibid., p. 101, 112, 124, 114, 143.

³³ Ibid., p. 138, 143.

³⁴ Ibid., p. 149.

конфликты среди сукноделов: между подмастерьями и бедными ремесленниками, с одной стороны, и богатыми сукноделами и администрацией этого цеха, с другой³⁵. Это показывает, что положение ремесленной бедноты и подмастерьев сближается — как фактически платных работников, эксплуатируемых богатыми сукноделами-предпринимателями, одновременно составлявшими верхушку цеха. И, по-видимому, подобные конфликты были нередки. Их источником была также несправедливая система налогообложения. В августе 1548 г. городская ассамблея была озабочена, как лучше распределить и провести сбор государственных налогов, чтобы избежать «смуты, беспорядка и смятения, которые могут случиться при этом»³⁶. Следовательно, горячий материал имелся в изобилии. В таких условиях складывалась система городских мероприятий против нищих и бродяг — руанский вариант кровавого законодательства; изменяется и организация благотворительности.

К концу XV в. в Руане имелись три госпиталя, служившие, по обычаю того времени, не только для лечения больных, но и в качестве пристанища для бездомных нищих. Их содержали за счет сумм, выделяемых ремесленными братствами (в середине XVI в. их было свыше 60), а также монастырями и другими церковными учреждениями. Существовала также и частная благотворительность³⁷. Такая система призрения бедняков не выходила за рамки обычной, бытовавшей в то время в больших городах. Но в условиях массовой пауперизации и массового «исхода» крестьянства эта система уже не удовлетворяла. В первой половине XVI в. во Франции проводится реформа госпиталей.

Преобразование системы благотворительности происходило и в Руане. В 1521 г. была создана специальная служба по делам бедноты — полиция для бедных. Но действовать она начала только с 1534 г., когда было принято большое постановление о трудоспособных городских бедняках. В руководство «Бюро бедных» вошли представители муниципалитета, духовенства и несколько чиновников. Отныне заниматься бедняками своего квартала вменялось в обязанность квартальным начальникам³⁸. В их обязанности входило выявление

³⁵ Ibid., p. 150.

³⁶ Ibid., p. 167.

³⁷ Mollat M. Histoire de Rouen, p. 163, 169.

³⁸ Documents, p. XV.

нуждающихся и составление их списков, сбор средств на поддержание бедняков, распределение милостыни.

Постепенно принцип добровольности в сборе средств исчезает. По-видимому, с 1545 г. устанавливается практика взимания принудительного налога для бедных³⁹; в 1540—1550 годы лицам, не вносящим деньги на содержание бедняков, уже угрожали конфискацией имущества. Характерно, что в обоснование необходимости помощи бедным, в постановлении говорится: «...чтобы положение в городе было мирное и спокойное»⁴⁰.

В большом постановлении о бедняках 1534 г. основное внимание уделено трудоустройству нищих, предоставлению работы «трудоспособным мужчинам и женщинам» — в действительности дело шло о принудительном труде. Система принудительного труда пауперов во Франции возникает при Франциске I, прежде всего в таких крупных городах, как Париж, Лион, Руан⁴¹. Принудительный труд бродяг, «бездельников и мошенников, которые ежедневно приходят в город», использовался в Руане на городских работах еще в 1506 г.⁴², наряду с трудом арестантов. Их рацион исходил из расчета 12 денье в день. Работали главным образом на городских укреплениях. В марте 1524 г. руанских бедняков принудили работать на очистке городских рвов наряду с 140 рабочими, уже ранее там трудившимися. На ежедневное содержание каждого город отпускал по 2 су. Через год на укреплениях работали уже 527 бедняков, получавших ежедневно хлебину в 6 денье в начале рабочего дня и 10 денье в конце. В 1544 г. было решено привлекать женщин-нищенок для работы на укреплениях⁴³. Трудоспособных нищих использовали также на работах в различных мастерских, на строительстве дорог⁴⁴. В 1557 г. на укреплениях работало уже около 8000 бедняков. Местные нищие обязывались найти себе хозяина или работать на укреплениях. Те, кто отказывался работать, подлежали изгнанию, бичеванию, обрезанию ушей. Горожанам под угрозой штрафа запрещалось держать в своих домах трудоспособных нищих и помогать им⁴⁵.

³⁹ Ibid., p. XXXX.

⁴⁰ Ibid., p. 20.

⁴¹ Braudel F., Labrousse E. Histoire économique et sociale de la France. Paris, 1977, t. 1, v. 1, p. 421.

⁴² I.—S., p. 97.

⁴³ Ibid., p. 130, 132, 160; Documents, p. 14, 63, 64.

⁴⁴ Documents, p. XXV.

⁴⁵ Ibid., p. 21, 22.

С 1539 г. дважды в год стали организовывать процессии бедняков. Они должны были вызвать приток новых пожертвований. Кроме того, имелось ввиду показать всем горожанам тех, кто получил вспомоществование, с тем, чтобы обнаружить не имеющих права на его получение. Бедняков принудительно выгоняли из домишек на эти унижительные шествия. Списки бедняков, получавших помощь; вывешивались на дверях церкви каждого прихода. Получающим денежное пособие запрещалось просить милостыню в церквях, на улицах, в домах и других местах. В 1540 гг. лица, получающие помощь, должны были носить на рукаве крест желтого цвета, чтобы этим отличить руанских бедняков от пришлых⁴⁶. С помощью таких унижительных средств рассчитывали также уменьшить число лиц, просящих помощь. В 1558 г. ввиду множества нищих детей городские власти пытались организовать для них приют, но средств не хватило, и были организованы только отдельные пункты, где раздавали питание маленьким детям⁴⁷. В 1543 г. муниципалитет постановил открыть школы для детей бедняков, но лишь в 1551 г. это было отчасти сделано.

В. И. Рутенбург, анализируя благотворительность флорентийских богачей XIV в., приходит к выводу, что ее можно скорее назвать «разумным практицизмом, направленным на укрепление деловой и общегражданской репутации»⁴⁸. Эти же стимулы, несомненно, направляли благотворительную деятельность руанских буржуа-патрициев. Она была продиктована страхом власть имущих перед очевидной социальной опасностью и заинтересованностью буржуазных элементов в дешевой и покорной рабочей силе. Во Франции, как и в Англии, жертв экспроприации «...старались приучить, опираясь на...чудовищно террористические законы, к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками»⁴⁹. Вынужденная благотворительность в немалой степени служила тем же целям.

⁴⁶ Ibid., p. XIX, 35, 63; I.—S., p. 157.

⁴⁷ Documents, p. 29.

⁴⁸ Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии XIV—начала XV века. М.-Л., 1958, с. 68.

⁴⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 747.

**ЛИЧНОЕ УЧАСТИЕ ТОСКАНСКИХ ВЕЛИКИХ ГЕРЦОГОВ
В ДЕЛОВОЙ ЖИЗНИ**

[вторая половина XVI — начало XVII века]

«Всею душой он был предан деньгам, только на деньги надеялся и деньгам доверял», — писал о тосканском герцоге Козимо венецианский посол Винченцо Федели в 1561 г.¹ Через пять лет другой венецианский посол вторил ему: «Всею душой его величество заботится о своих доходах, о том, чтобы их сохранить и увеличить»². Это выражалось не только в налоговой политике³, но еще больше в собственной торгово-промышленной и финансовой деятельности. Несомненно, Козимо Медичи и остальные тосканские правители второй половины XVI в. не составляли исключения в этом плане: использование коммерции ради личного обогащения было свойственно, как правило, всем государям эпохи первоначального накопления. Однако, вряд ли найдется другая коронованная особа той поры, которая занималась бы торгово-финансовыми операциями столь активно, столь многосторонне, с таким размахом и спекулятивным азартом, как великие герцоги Тосканы Козимо I (1537—1574) и два его сына — Франческо (1574—1587) и Фердинанд (1587—1609). Они пользовались своей властью и политическими связями в интересах наживы, не делая при этом никаких различий между собственным кошельком и государственной казной.

Наиболее активно Медичи занимались торговлей хлебом. В условиях нехватки зерна и частых голодных годов она была очень выгодна не только как доходная отрасль коммерческой деятельности, но и как средство политического и социального давления. Сразу же после голода 1539 г. Козимо стал закупать пшеницу во Фландрии, Франции, Сицилии и на востоке, продавая ее затем как в своем государстве, так и за его пределами. Вот что писал по этому поводу венецианский по-

¹ Relazioni degli ambasciatori veneti al senato/Ed. E. Alberti, Firenze, 1839—1863. Ser. II, v. 1, p. 345.

² Ibid., v. 2, p. 72.

³ Ролова А. Д. Налоговая политика тосканских герцогов во второй половине XVI — начале XVII вв. — В кн.: Средние века. М., 1977, вып. 41.

сол в 1566 г.: «...ежегодно во время уборки урожая он издает строжайшие указы, запрещающие как продавать, так и скупать зерно, а затем велит покупать у него и продает в течение года за ту цену, какая ему заблагорассудится. И таким образом он имеет ежегодный доход во много тысяч дукатов»⁴.

По стопам отца шел и Франческо, но наиболее энергичную деятельность в этом плане развернул Фердинанд, больше своих предшественников бывший «торгующим государем» и ставший со временем крупнейшим хлеботорговцем на полуострове⁵. В 1590 г., когда в Тоскане, как и во всей Италии, царил жесточайший голод, он стал инициатором закупок зерна в Северной Европе. В октябре его агенты отправились в поисках зерна в Голландию, Францию и Англию, в Любек, Гамбург и Польшу. В период между декабрем 1590 г. и апрелем 1591 г. более 30 кораблей из Гданьска, Гамбурга и Амстердама прибыли в Ливорно, доставив 2172 ластры, то есть свыше 5000 тонн пшеницы⁶. С этого начался широкий ввоз в Тоскану хлеба из Польши и северонемецких городов. В одном лишь 1590 г. Фердинанд приобрел зерна на сумму в миллион скуди. Ни один частный купец не мог конкурировать с ним в этом деле⁷.

Закупка зерна и ржи продолжалась в течение всего правления Фердинанда, более всего — в северонемецких городах и Гданьске⁸: северное зерно было наиболее дешевым и, следовательно, могло дать наивысшие прибыли. В то же время Фердинанд продолжал закупки пшеницы на традиционных рынках — в Сицилии и Сардинии, во Франции, Фландрии и Леванте, в других местах⁹. Наконец, источником приобретения зерна служили обширные земельные владения Медичи — самых крупных землевладельцев Тосканы¹⁰. Как Козимо, так и его сыновья в огромных масштабах скупали земли в болотистых местах, а потом занимались их осушением. Начиная с 1551 г. Козимо, а затем и Франческо интенсивно вели осуши-

⁴ Relazioni, Ser. II, v. 2, p. 72.

⁵ Diaz F. Il granducato di Toscana. I Medici. Torino, 1976, p. 330.

⁶ Braudel F., Romano R. Navires et marchandises a l'entree du port de Livorne (1547—1611). Paris, 1951, p. 51—52; Lucata B. Il problema del grano e delle carestie. — In: Architettura e politica da Cosimo I a Ferdinando/A cura di G. Spini. Firenze, 1976, p. 355.

⁷ Lucata B., p. 355.

⁸ См.: Ibid., p. 363, 365, 379, 388, 407, 409.

⁹ Ibid., p. 362—363, 367, 380, 385, 388, 397, 400, 407.

¹⁰ Spini G. Introduzione generale. — In: Architettura e politica, p. 15.

тельные работы в плодородной долине реки Киана. Но наиболее энергично занимался этим делом Фердинанд — в пизанской низменности и в долине той же реки Киана и Ньеволе. Все работы обходились тосканским государям дешево, так как они пользовались трудом местного крестьянства¹¹.

Как местным, так и привозным зерном Фердинанд пользовался для обеспечения населения своего герцогства, что имело особое значение в голодные годы конца XVI — начала XVII вв. Но зерно давалось отнюдь не безвозмездно. Великий герцог продавал его или давал в кредит отдельным городам и коммуна по спекулятивным ценам¹². Поскольку по существующим законам в великом герцогстве в голодные годы купля-продажа зерна частными лицами была чрезвычайно ограничена, великий герцог Фердинанд держал в руках всю зерновую торговлю внутри государства; любая помощь могла прийти только от него. Он фактически монополизировал внутреннюю торговлю зерном, хотя формально государственной монополии не существовало¹³.

Если первоначально торговля зерном была связана с продовольственными потребностями Тосканы, то со временем на первое место выдвигается чисто торговый интерес. Великий герцог стал широко вывозить хлеб в другие государства Италии; в Папскую область, в Неаполитанское королевство, в Геную, Феррару, Перужду, Лукку и др. Строжайше запрещая одновременно частным купцам вывоз зерна из Тосканы, Фердинанд извлекал тем самым для себя огромные прибыли¹⁴.

Торговля зерном не была единственной областью экономической деятельности великих герцогов. Фактически их монополией было также снабжение Тосканы металлами. Уже в 1539 г. Козимо начал заниматься изысканием залежей серебра и свинца. В капитанате Пьетрасанта и в зоне Массы и Кампилии удалось организовать добычу в довольно крупном масштабе. Сюда были привлечены, кроме местных специалистов, рудокопы из Германии, ранее работавшие у Фуггеров. Франческо продолжал эту деятельность, финансируя горные

¹¹ Ibid., p. 15, 39—40; Diaz F., p. 346.

¹² Diaz F., p. 337; Lucata V., p. 361, 383, 398.

¹³ См.: Ролова А. Д. Продовольственная политика Тосканского великого герцогства (вторая половина XVI в.— начало XVII в.) — В кн.: Средние века. М., 1983, с. 96—121. Ср. также Lucata V., p. 363, 365, 399.

¹⁴ Lucata V., p. 356, 367, 397, 406; Diaz F., p. 331, 334.

разработки и лично следя за производством с таким же рвением, как отец. В 1565—1592 гг. в Пьетрасанте было добыто 1861 фунт серебра и 13 637 фунтов свинца¹⁵. Серебро предназначалось как для флорентийского монетного двора, так и для изготовления ювелирных изделий; свинец же шел на производство артиллерийских снарядов. Частной монополией великих герцогов была также добыча меди, спрос на которую в то время в Европе был велик и цены постоянно росли. Для эксплуатации рудников в районе Вольтерры была создана особая компания с участием Козимо¹⁶.

Великие герцоги усердно занимались также добычей железа и торговлей им. Козимо участвовал в эксплуатации венгерских рудников. В 1543 г. он взял на откуп железные рудники на острове Эльба. Для их эксплуатации была организована компания, почти весь капитал которой принадлежал ему. Компания осуществляла монопольную продажу железной руды в Тоскане; привоз иностранного железа частным лицам был запрещен. Железо продавалось также в Лигурии и Эмлии. Компания владела железоплавильнями по всей Тоскане, а также производством металлоизделий, в частности оружия. Свыше 80% доходов компании шло в руки великих герцогов¹⁷. По данным венецианских послов, Козимо занимался и добычей купороса, что давало ему 90 000 дукатов чистого дохода в год¹⁸. Кроме того, Медичи вывозили из Англии, Испании и других мест свинец, олово, медь, серебро.

Великие герцоги были очень заинтересованы в добыче квасцов. Они настойчиво вели розыски новых залежей. Наиболее доходной оказалась добыча квасцов в области Сиены. Из Массы, где находились самые богатые залежи, квасцы шли для нужд флорентийского сукноделия, а также экспортировались в Неаполь, Лондон, Венецию и другие места¹⁹.

¹⁵ Parenti G. Prime ricerche sulla rivoluzione dei prezzi in Firenze. Firenze, 1939, p. 78.

¹⁶ Parenti G., p. 98; Fabretti M., Guidarelli A. Ricerche sulle iniziative dei Medici nel campo minerario da Cosimo I a Ferdinando I. — In: Potere centrale e strutture periferiche nella Toscana del 1500/A cura di G. Spini. Firenze, 1980, p. 197—207.

¹⁷ Cantini L. Legislazione toscana. Firenze, 1800—1808, v. 9, p. 7—8, 251; Galuzzi R. Istoria del granducato di Toscana sotto il governo de' Medici. Firenze, 1781, v. 1, p. 286; v. 4, p. 446; Parenti G., p. 78, 97—98; Diaz F., p. 264.

¹⁸ См.: Relazioni, v. 1, p. 342—343; v. 2, p. 71.

¹⁹ Fabretti M., Guidarelli A. Ricerche, p. 71.

Козимо получал большие доходы от торговли кожами, сахаром, вином, маслом, тканями, вайдой. При его участии было создано предприятие по переработке селитры. Хорошая часть его коммерческой деятельности протекала за пределами Тосканы: он занимался торговлей солью в Миланском герцогстве, организовал добычу кораллов близ острова Табарка, участвовал в коммерческих предприятиях флорентийских купцов в Антверпене и Лионе; Аугсбургские Фуггеры также были его торговыми партнерами. С течением времени торговая деятельность Козимо все более расширялась, он стал известен всей Европе как преуспевающий купец. Не случайно Писарро предложил ему участвовать в эксплуатации рудников Перу²⁰.

Франческо следовал примеру отца. При нем в роли советника по торговым делам постоянно находился опытный купец. Наряду с традиционными предметами торговли Франческо торговал драгоценными камнями, закупал шелк-сырец в Калабрии и Сицилии; частично через его руки шел сбыт флорентийских шелковых тканей²¹. По данным Канестрини, Франческо вложил 100 000 дукатов в компанию по торговле перцем, зерном и другими товарами в Португалии²². Под чужим именем герцог содержал банки в Риме и Венеции. Он не брезговал мелкой торговлей во Флоренции, став конкурентом местных купцов²³. По словам анонимного хрониста, он даже монополизировал торговлю обувью, что было губительным для сапожников²⁴. В Пизе Франческо принадлежали мастерские по производству стекольных и терракотовых изделий и по обработке металлов, а в Ливорно он строил дома для сдачи в наем.

Самым крупным дельцом на тосканском престоле был, однако, Фердинанд. О его заинтересованности в промышлен-

ных предприятиях нам уже приходилось писать²⁵. Не было ни одного выгодного коммерческого предприятия, в котором бы он не участвовал. Основным полем его деятельности была крупная оптовая торговля, которую он вел со всеми европейскими государствами. Под прикрытием голландцев и англичан герцог участвовал в контрабандной торговле с Америкой и имел немалые доходы от захватов английскими пиратами испанских кораблей²⁶.

Тосканские правители занимались также морскими перевозками, дававшими обильные доходы²⁷. Фердинанд строил и покупал много новых кораблей, другие брал в аренду. В донесении 1605 г. из Лондона говорится, что его богатства в то время оценивались в 20 млн. дукатов²⁸.

Разумеется, при всем этом Медичи оставались крупнейшими банкирами-заимодавцами. Козимо ссужал королей Испании, Германии, Франции, а также отдельных вельмож суммами, доходившими иногда до 200—300 тысяч скуди. Эти займы были не только орудиями политического воздействия, но и служили обогащению Козимо²⁹. Его сыновья давали еще более значительные займы.

В частных торгово-банковских сделках тосканские герцоги обычно действовали вместе с флорентийскими купцами и вкладывали свои капиталы в торгово-банковские компании Флоренции, Рима и других европейских центров. Фердинанд владел также многими банками, которые действовали под различными именами. Согласно инвентарю медичейского имущества от 1604 г., его должниками были такие крупные банковские дома, как Сальвинати, Ринуччини, Корси, Скарлатти, Каппони, Строцци. Одни только Гвиччардини были должны Фердинанду 24 631 дукатов, Риччи — 28 660, Карнесекки — 99 600 дукатов³⁰. Фердинанд втянул в свою торгово-банков-

²⁰ Galuzzi R., v. 1, p. 286—287. 293—296; v. 3, p. 419—420; Diaz, p. 145.

²¹ Galuzzi R., v. IV, p. 433—436.

²² Canestrini G. *Intorno alle relazioni commerciali de' Fiorentini con Portoghesi avanti e dopo la scoperta del Capo di Buona Speranza.*— Arch. stor. ital., 1846, v. 3, p. 107—108.

²³ Galuzzi R., v. 4, p. 435—436; v. 5, p. 534; Diaz F., p. 258.

²⁴ Cronica della città di Firenze dall'anno 1548 al 1652.— In: Morbio C. *Storia dei municipi italiani illustrata con documenti inediti* Milano, 1838, v. 4, p. 42.

²⁵ Ролова А. Д. Роль правительственной политики в развитии промышленности Флоренции и других городов Тосканы (вторая половина XVI в.— первая половина XVII в.) — В кн.: Petera Stuckas Latvīvis Valsts universitātes zinātniskie raksti, 211 seļ. Pilsētu vēstures problēmas. Rīga, 1974, c. 46.

²⁶ Galuzzi R., v. 5, p. 534—535.

²⁷ Ricci G. *Cronaca (1532—1606)*/A cura di G. Saporì. Milano—Napoli, 1972, p. 405; *Relazioni*, ser. II, v. 2, p. 361, 367; Galuzzi R., v. 3, p. 419; v. 4, p. 429—430; v. 5, p. 534.

²⁸ Galuzzi R., v. 5, p. 536.

²⁹ *Ibid.*, v. 1, p. 102; Diaz F., p. 144; D'Addario A. *Burocrazia, economia e finanze dello Stato Fiorentino alla metà del Cinquecento.*— Arch. stor. ital., 1963, p. 381—382.

³⁰ Braudel F., Romano R. *Navires et marchandises*, p. 28.

скую деятельность также флорентийский государственный банк. Тем самым частные и публичные средства еще теснее переплетались с капиталом правителя.

Вся торгово-банковская деятельность давала Фердинанду такие доходы в звонкой монете и движимом имуществе, что современники считали его самым богатым государем Италии. Не пренебрегали активной коммерческой деятельностью и жены герцогов, члены их семей. Сын Франческо, например, имел капитал в кожевенных и восковых предприятиях³¹.

После смерти Фердинанда торгово-банковская деятельность тосканских правителей стала резко сокращаться. Козимо II вовсе отошел от этого дела, якобы заявив, что оно больше подходит для купцов, нежели для государей³². Дело было, конечно, не столько в этом, сколько в том, что коммерческая деятельность уже не давала прежних прибылей. Впрочем, полностью она не была остановлена. В конце XVII в. путешественник Верьярд писал (явно преувеличивая), что тосканский герцог является крупнейшим купцом Европы и имеет больше доходов от торговли, чем все купцы Тосканы, вместе взятые³³.

Необычайно широкая деловая активность тосканских великих герцогов — одна из любопытнейших страниц экономической истории Италии. Конечно, эта деятельность была продиктована не только корыстно-коммерческими интересами, но и ясным пониманием политических потребностей. Так, благодаря обширной зерновой торговле, Тоскана лучше других итальянских государств справлялась с трудностями частых голодных годов. Коммерческая деятельность государей восполняла недостаточность налоговых поступлений. Кроме того, фактическая монополизация важных отраслей экономики позволила значительно укрепить централизацию власти. Финансовое могущество обеспечило определенные политические успехи, например, помогло Козимо в начале его правления отстаивать самостоятельность государства, а Фердинанду — в значительной степени избавиться от опеки Испании.

³¹ Galuzzi R. *Istoria*, v. 1, p. 287; Pino Branca A. *La vita economica*, p. 324; Carmona M. *Aspects du capitalisme Toscan aux XVI et XVII siècles. Les sociétés et commandité à Florence et à Lucque.* — *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1964, v. 2, p. 85.

³² Pino Branca A. *La vita economica*, p. 315.

³³ Veryard E. *An account of divers choise remarks... taken in journey...* London, 1701, p. 246.

Сложнее обстоит дело с их ролью в зерновой торговле. О ее определенном положительном аспекте говорилось выше. Современники, однако, считали, что она вредила торговцам и крестьянам и приводила в конечном счете к обнищанию населения³⁴. Несомненно, монополизация этой отрасли торговли ограничивала возможности широких кругов частных лиц и уменьшала их заинтересованность в капиталовложениях в сельское хозяйство, что шло во вред его развитию. Разорению крестьян способствовала не только эта монополия, но и политика медичейских герцогов в целом, в том числе налоговая, продовольственная и политика цен. Она ставила небольшое число крупных землевладельцев, в том числе самих государей, в особо благоприятные условия, что еще более сужало возможности перевода их хозяйств на раннекапиталистический путь развития.

³⁴ Pino Branca A. *La vita economica*, p. 324.

Л. И. Солодкова

**К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ СЕНЬОРИАЛЬНОГО
РЕЖИМА В СРЕДНЕВЕКОВОМ КЁЛЬНЕ (IX—XI века)**

Кёльн относится к числу немногих крупных городов Западной Европы по эту сторону Альп, которые начали возрождаться и подниматься самыми первыми. Античная «Колония Агриппина» как городской центр угасла уже в конце римской империи и затем была почти сметена варварскими завоеваниями. После нескольких глухих столетий, от которых до нас не дошло никаких вестей о существовании города — ни письменных памятников, ни археологических, — Кёльн начинает очень рано пробуждаться: уже около середины и во всяком случае во второй половине X в. Причем, не в стенах старого римского «цивитас», а у берега Рейна, за этими стенами: там возникает совершенно новое торговое (а затем и ремесленное) поселение Форштадт с рынком в центре. Форштадт и явился ядром, из которого позднее вырастет один из крупнейших городов средневековой Германии.

Но гораздо раньше пробуждения города и городской жизни как раз в стенах старого римского «цивитас» возникла, сложилась и окрепла власть могущественных духовных феодалов — кёльнских архиепископов. Не проследив, хотя бы кратко, историю складывания этой власти, невозможно представить значения той сеньориальной силы, под грузом которой оказался нарождающийся торгово-ремесленный центр, и того сеньориального режима, который был навязан горожанам этим могущественным церковным князем. А ведь именно сеньориальный режим и произвол архиепископской власти

явились объектом противодействия, нападков, борьбы кёльнских горожан, начиная с 70-х гг. XI в.

Еще в конце VIII в. (785) епископская власть в Кёльне получает статус архиепископства. В завещании Карла Великого среди перечисленных 21 архиепископства кёльнское стоит на первом месте¹. При последующих Каролингах кёльнские архиепископы добились важных прав, доходов и привилегий. Так, в 891 г. папа Стефан VI подтвердил за кёльнской церковью право сбора десятины, взимавшейся со времен Карла Великого, ее иммунитетно-феодалные права: никто из лиц высокого или низкого звания не мог отныне претендовать на собственность церкви, ее людей².

Церковная политика Оттонов, направленная на упрочение союза императорской власти с католической церковью в Германии, благоприятствовала росту и возвышению кёльнского архиепископства. Оттон I посадил на архиепископский престол в Кёльне своего брата Брутона I (953—965) и предоставил ему право назначать епископов. В 961—965 гг., когда Оттон I находился в Италии, Брутон I вместе с Майнцским архиепископом был правителем империи, а в Лотарингии имел права герцога³. По соизволению Оттона I все преемники Брутона также получили право носить герцогский титул⁴. Это узаконивало соединение духовной и светской властей в руках кёльнских архиепископов. Грамота Оттона II от 979 г. давала кёльнским архиепископам и право высшей юрисдикции: судебную власть в городе отныне мог осуществлять только назначаемый архиепископом фогт и никакое иное лицо, даже наделенное судебными полномочиями⁵. Эта важнейшая привилегия вскоре была подтверждена Оттоном III. Таким образом, с конца X в. архиепископы выступают как полноправные сеньоры Кёльна.

В руках кёльнских архиепископов сосредоточивались большие богатства. Так, Брутон I основал на собственные деньги бенедиктинский монастырь св. Панталеона⁶. Монастырь был

¹ Geschichte des Erzbistums Köln/Hrsg. v. W. Neus. Köln, 1964, S. 142.

² Quellen zur Geschichte der Stadt Köln/Hrsg. v. L. Ennen und G. Eckertz. Köln, 1860, Bd. 1, S. 457 (Далее: Quellen).

³ Geschichte des Erzbistums, S. 165.

⁴ Die Chroniken der niederrheinischen Städte. Leipzig, 1875, Bd. XII, S. XVII.

⁵ Quellen, N 15, S. 470.

⁶ Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins/Hrsg. v. G. Lacomblet. Düsseldorf, 1840, Bd. 1, N 106 (Далее: Urkundenbuch).

построен в «цивитас», внутри старых римских стен, следовательно, там еще не было интенсивной застройки. Одновременно церковь осваивает и подгородные земли. Уже существовавшему за стенами Кёльна монастырю св. Мартина Брутон I подарил 17 подворий с 7 зависимыми людьми⁷. Скорее всего, это были крестьянские дворы. Монастырь находился, очевидно, в деревенском окружении. Деятельность Брутона I носит чисто феодальный характер, не прощупывается ее прямой связи с городом как таковым. Примечательно, что в 1021 г. монастырь получил от архиепископа Пилигрима два подворья и полманса на *городском поле* (старая римская «цивитас» жила еще главным образом аграрной жизнью), а в 1028 г. — подворье со всеми относящимися к нему домами⁸.

В XI в. кёльнские архиепископы значительно приумножили свою власть и богатства. Архиепископ Пилигрим, возглавивший в 1022 г. поход императора Генриха II в Апулию, в 1031 г. прибавил к прежним титулам архиепископа и герцога еще один, номинальный, но пышный титул эрц-канцлера Италии. Это звание осталось за всеми его преемниками.

Силой и властью своего духовного и светского иммунитета архиепископы расширяли церковное и монастырское землевладение и привилегии духовенства, а королевская власть способствовала этому. В 1063 г. император Генрих IV пожаловал архиепископу Ганнону II и его преемникам $\frac{1}{6}$ часть всех имперских денежных расходных сумм для ежегодного распределения между кёльнскими монастырями⁹.

Сами кёльнские архиепископы были, как мы отчасти отметили, крупными феодалами, родственниками графов, маркграфов, герцогов и даже императоров. Вассалами кёльнских архиепископов были знатные светские феодалы — герцоги Брабантские, графы Юлихские, Клевские, Бергские, Фландрские, не говоря уж о менее значительных.

К концу X в. Кёльн уже складывается как город, хотя главный его торгово-ремесленный центр все еще находится в Форштадте, за пределами старых римских стен. В конце X в. эти стены были продлены до самого берега Рейна, так что торгово-ремесленный очаг оказался включенным в состав епископского города.

⁷ Quellen, Bd. 1, S. 465.

⁸ Ibid., Bd. 1, S. 477.

⁹ Urkundenbuch, Bd. 1, N 200.

Монастырь св. Панталеона к этому моменту уже имел в городе дома и дворы, но, примечательно, также и виноградники, которых было особенно много близ стен внутри города¹⁰. Монастырь св. Мартина, построенный за старыми стенами, сразу же получил дома в самом городе, но также земельные участки в его стенах и за стенами.

В XI — начале XII вв. архиепископы продолжали активно присваивать городские и пригородные земли, составившие основу их сеньориального могущества. Из-за крайней скудости и фрагментарности источников весьма сложно воссоздать ранний этап становления сеньориального режима в Кёльне. В стенах города архиепископу принадлежали земли близ кафедрального собора, архиепископский дворец, монетный двор и, что особенно примечательно, торговые ряды, принадлежавшие к монетному двору.

Вместе с тем, шел процесс складывания сеньориальной власти над городом и его округой. В руках архиепископов оказался высший суд, право мира и войны, баналитеты. Уже Оттон I, жалуюя епископам Кёльна, Майнца, Магдебурга власть над этими городами, предоставил им и рыночное право — власть над возникавшими рынками¹¹. Грамота Оттона II от 979 г. давала кёльнской церкви право сбора всех торговых пошлин в городе, пригороде и прилегающей округе¹². Грамота показывает, сколь важным уже к этому времени стало значение Форштадта. Папа Лев IX, назначая кардиналом кёльнского архиепископа Германа II (1036—1056), подтвердил его власть в пределах кёльнского диоцеза, а также все полученные прежде кёльнской церковью права — чеканки монеты, сбора торговых пошлин, а также всю полноту судебных полномочий¹³.

Кёльнские архиепископы не упускали возможности воспользоваться своими сеньориальными полномочиями: большие доходы им давало рыночное право, торговые пошлины; немало текло в их карман от чеканки монеты. Важным орудием сеньориального обирательства стал суд. При решении дел, связанных с тяжкими преступлениями, $\frac{3}{4}$ судебных по-

¹⁰ Rheinische Urbare/Hrsg. v. B. Hillig. Bonn, 1902, Bd. I, S. LXIII—LXIV.

¹¹ Лампрехт К. История германского народа. М., 1895, т. 2, с. 31—32.

¹² Quellen, S. 492.

¹³ Urkundenbuch, Bd. I, N 187.

боров получали архиепископы, оставшаяся часть шла архиепископскому чиновнику — бургграфу¹⁴. Дела о клятвopеступлениях, ростовщичестве, фальшивых мерах, а также об имуществе и городской земельной собственности клириков решались только в церковном суде¹⁵. Архиепископы всячески старались расширить компетенцию церковного суда за счет светского.

Получив от папской или императорской власти привилегии, кельнские архиепископы со своей стороны начинают жаловать многие права монастырям (очевидно, по их требованиям), и чем дальше, тем больше эти привилегии связаны с обирательством торгово-ремесленного населения. Очень показателен в этом смысле материал по монастырю св. Мартина. Уже к концу X в. архиепископ Эвергер подарил монахам этого монастыря подворья с ежегодным чиншем в 10 пфеннигов, а также право сбора в Форштадте рыночных пошлин¹⁶. В 1084 г. архиепископ Сигевин подарил монастырю право сбора рыночной пошлины во время каждого четвертого рыночного дня ежегодно¹⁷. Можно представить, насколько богат был монастырь св. Мартина, близ которого находились рынки, стояли городские весы, дома иноземных купцов, склады товаров. Здесь был экономический центр города, и монастырь делал все для получения наибольших доходов от торговых сделок, продажи и залога недвижимости и пр. Но ведь этот монастырь не был единственным в городе. Церковь во главе с архиепископом, владея здесь земельными участками, лавками, домами, пользуясь полученными правами и привилегиями, постепенно выработала целую систему сеньориальной эксплуатации городского накопления.

Таким образом, в XI—XII вв., с одной стороны, продолжался процесс концентрации городской земельной и прочей недвижимости в руках кельнской церкви, что усиливало власть архиепископов. С другой стороны, в X—XI вв. архиепископы начинают активно эксплуатировать возрастающие источники городского накопления, в первую очередь — торговлю. Но в городе, где, по сообщению хрониста XI в., насчитывалась уже не одна сотня «богатейших купцов»¹⁸, система

¹⁴ Quellen, Bd. I, N 76.

¹⁵ Urkundenbuch, Bd. II, S. 245.

¹⁶ Ibid. Bd. I, N 123.

¹⁷ Quellen, Bd. I, S. 477.

¹⁸ Lamberti annales.— In: Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex MGH/Hrsg. v. H. Pertz. Hannoverae, 1843, p. 156.

сеньориального обирательства неизбежно должна была натолкнуться на отпор горожан. На этой почве в 1074 г. стихийно вспыхнуло восстание кельнских горожан против архиепископского произвола. Это городское восстание одно из самых первых к северу от Альп. Его жестоко подавил архиепископ Ганнон II. Репрессии против зачинщиков, отлучение горожан от церкви, конфискация имущества бежавших купцов — все это свидетельствовало, с одной стороны, о тяжести уже сложившегося сеньориального режима, а с другой, — о непримиримости противоречий между сеньором и городом и, следовательно, о неизбежности дальнейшей освободительной борьбы горожан.

Т. В. Мосолкина

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. ПЭРЧЕСА И АНГЛИЙСКОЕ КУПЧЕСТВО ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Начальные этапы колониальной экспансии всегда сопровождались широкой ее пропагандой. Для снаряжения экспедиций в Америку или Ост-Индию требовались большие средства. Расчетливый буржуа готов был рисковать ради будущих барышей, лишь когда у него была уверенность, что он не зря тратит деньги. Задача пропаганды и заключалась в том, чтобы заставить богатевшую буржуазию поверить в прибыльность, перспективность будущих колоний. Таким образом, пропаганда колониальной экспансии имела прямого и главного адресата — развивающуюся буржуазию, хотя в какой-то мере учитывались и интересы других слоев, в частности дворянства, с его жадной землей и роскоши.

Пропаганда второй половины XVI — первой половины XVII вв. всем своим содержанием нацелена на привлечение внимания и капиталов английского буржуазного общества к далеким плаваниям, колониальной эксплуатации новых земель. Выдвигается ряд пропагандистов, которые именно этому посвящают всю свою деятельность. Во второй половине XVI в. самым значительным из них был Ричард Хаклюйт, в XVII в. — С. Пэрчес¹. И если о Хаклюйте, его жизни, деятель-

¹ По странному совпадению и тот и другой были священнослужителями. Р. Хаклюйт-младший после окончания в 1574 г. Оксфордского университета стал священником. С. Пэрчес с 1604 г. исполнял должность викария в Иствуде в графстве Эссекс.

ности, связях уже много известно, то Пэрчесу не «повезло» ни в смысле исследования его деятельности, ни в смысле ее оценки².

В этой небольшой статье мы ставим только одну задачу: проследить связи Пэрчеса с английским купечеством, в первую очередь с лондонским. Это связано с тем, что именно лондонское купечество в первой четверти XVII в. было больше всего заинтересовано в колониальном проникновении и имело для его реализации больше всего возможностей.

Свою пропагандистскую деятельность Пэрчес начал в 1613 г., опубликовав «Странствия Пэрчеса...»³. О том, что публикация пользовалась успехом, может свидетельствовать тот факт, что «Странствия» переиздавались три раза — в 1614, 1617 и 1626 гг. Но наиболее значительным трудом С. Пэрчеса являются его «Пилигримы»⁴, задуманные как продолжение «Основных путешествий» Р. Хаклюйта. Этот итоговый труд Пэрчеса появился в 1625 г., за год до его смерти.

Публикация Пэрчеса была теснейшим образом связана с практической деятельностью и потребностями буржуазии и нового дворянства. Именно поэтому он помещает подробные сведения об индиго, который был так необходим английским сукноделам. Об этом идет речь в описании Эдвардом Додсворфом второго путешествия в Ост-Индию, в дневниках путешествий Ричарда Стила и Джона Кроукера, в описании плавания в Ост-Индию Эдварда Тэрри⁵ и т. д. Уделяет внимание Пэрчес и сырью для новой текстильной отрасли, появившейся в Англии в XVII в. — производству шелка. Об этом идет речь во многих документах, помещенных в «Пилигримах»⁶.

Очень большое внимание в Англии XVII в. привлекала проблема сырья для кораблестроения. Значение леса для создания сильного флота понимали все. Больше всего надежд в

² Как правило, авторы, которые исследовали творчество и деятельность Пэрчеса, не очень высоко оценивают его как пропагандиста английской колониальной экспансии. Исключения представляют Э. Эмерсон, П. Барбор и Е. Тейлор, которые в целом придают большое значение пропагандистским произведениям Пэрчеса.

³ Purchas, his Pilgrimage or Relation of the World, and the Religions observed in all Ages. L., 1613.

⁴ Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes. Glasgow, 1905—1907, v. 1—20 (В дальнейшем: Purchas his Pilgrimes).

⁵ Purchas, his Pilgrimes, v. IV, p. 251—280; v. IX, p. 1—55.

⁶ Ibid., v. IV, p. 139, v. V, p. 266, v. XIX, p. 145.

этом отношении возлагалось на Северную Америку. Во многих произведениях 18-го и 19-го томов «Пилигримов» Пэрчеса, посвященных колониям Виргинии и Новой Англии, говорится о богатых лесных запасах.

Подробные сведения дает Пэрчес в своих публикациях о вывозе пряностей. Он приводит много документов с конкретными сведениями для тех, кто решит отправиться за перцем, гвоздикой и пр.⁷ Такие же конкретные указания можно найти в «Пилигримах» Пэрчеса и о рыболовстве, о рудниках, пушнине, о новых рынках сбыта, о посреднической торговле, о соперничестве с Португалией и Голландией. Ни один вопрос, который мог интересовать английскую буржуазию, не обошел Пэрчес своим вниманием.

Однако, если судить по обращениям, предпосланным Пэрчесом некоторым томам «Пилигримов», то можно подумать, будто он был озабочен главным образом тем, чтобы доставить удовольствие принцу Уэльскому, герцогу Бэкингеми, епископу Абботу и другим представителям высшей знати Англии. Пэрчес действительно не отрицает, что некоторые высокопоставленные особы благожелательно относились к его деятельности. Он пишет: «Некоторые из вас поощрили меня взятая за эту работу (опубликование документов.— Т. М.), которая теперь возвращается к вам в надежде на вашу благосклонность»⁸. Однако это вовсе не означает, что Пэрчес прежде всего заинтересован в «благосклонности» короля и придворных. Конечно, в условиях, когда новым тенденциям в развитии общества приходилось с трудом пробивать себе дорогу в борьбе со старыми, но еще господствовавшими в стране отношениями, поддержка со стороны высшей знати была необходима. Но как весьма цинично писал один из ближайших друзей С. Пэрчеса капитан Дж. Смит, покровительство принца и придворных было лишь хорошей приманкой и внешней защитой⁹. Пэрчес выражался более осторожно, однако заключительные слова упоминавшегося обращения к представителям высшей знати достаточно откровенны: «Возможно эта благожелательность ваших милостей приведет к возбуждению аппетита более низких слоев»¹⁰. Кого же он имел в виду под «более низкими слоями»?

⁷ Ibid., v. III, p. 51—61, 490—519. v. X, p. 88—143.

⁸ Purchas, his Pilgrimes, v. V, p. 305.

⁹ Smith J. A Description of New-England 1616. Tracts and other Papers/Ed. by P. Force. N.—U., 1947, v. II, p. 19.

¹⁰ Purchas, his Pilgrimes, v. V, p. 305.

Связи с купцами и мореплавателями начали складываться у Пэрчеса уже с 1605 г., когда он исполнял должность викария в Иствуде (близ Лондона). С этого времени среди его знакомых появляются моряки и купцы. Среди них были Джордж Бакли, Эндрю Бейтл, Томас Тёрнер, Энтони Найвт, Джон Вейсл и др. Некоторые из них позднее предоставят в распоряжение С. Пэрчеса свои путевые записки, воспоминания. Например, в VI томе «Пилигримов» Пэрчес поместил «Необычайные приключения Эндрю Бейтла из Лайя в Эссексе, в качестве португальского пленного, сосланного в Анголу и прожившего там около 18 лет»¹¹. Вероятнее всего, Пэрчес сам записал эти воспоминания Бейтла. Дело в том, что обычно каждую публикацию С. Пэрчес сопровождает припиской — кем написан данный материал или от кого получен. Данный материал помещен без указания автора — либо он составлен самим Пэрчесом, либо кем-то написан для него. В XIII томе помещена «Краткая историческая хроника главных путешествий на море и на суше мастера Джона Бакли, лондонского торговца»¹². По указанным выше причинам можно считать, что Дж. Бакли написал эти заметки специально для С. Пэрчеса. Тем более, что они были знакомы с 1605 г.

Некоторые документы Пэрчес получал непосредственно от самих авторов. Это можно сказать о дневнике Уолтера Пейтона (в IV томе), описании плавания Эдварда Тэри и Ричарда Джобсона (в IX томе), описании седьмого путешествия в Ост-Индию Натаниэля Мартена и восьмого — Джона Сэриса (в III томе) и т. д. Публикуя в XIV томе письма о путешествиях в Гренландию 1617—1623 гг., Пэрчес прямо указывает, что эти письма переданы ему капитаном Вильямом Хейли¹³. Кроме того, Пэрчес вел переписку со многими путешественниками и купцами. Он не только использовал их письма как источник сведений, но наиболее интересные из них поместил в своей публикации целиком. В качестве примера можно привести письмо Артура Хэтча, подробно описывающего положение дел в Японии. Это письмо Пэрчес поместил в X томе «Пилигримов».

Тесные связи сложились у С. Пэрчеса с богатым лондон-

¹¹ Purchas, his Pilgrimes, v. VI, p. 367—407.

¹² Ibid., v. XIII, p. 451—461.

¹³ Ibid., v. XIV, p. 91—108.

ским купцом и мореплавателем Джоном Сандерсоном¹⁴. Сандерсон снабжал Пэрчеса не только материалами о своих путешествиях, но и документами, принадлежавшими другим морякам и купцам¹⁵. Едва ли можно считать эти связи бескорыстными. Здесь была обоюдная выгода — Пэрчес получал материалы, которые помогали ему выполнить свой «социальный заказ», а купцы получали вполне реальную перспективу получить в будущем поддержку и дополнительные капиталы.

Несомненно, Пэрчес был связан и непосредственно с руководством некоторых внешнеторговых компаний, состоявших, как уже отмечалось, в основном из лондонского купечества. С наибольшей вероятностью это можно отнести к двум из них — Московской и Ост-Индской. Пэрчес располагал такими материалами, которые он мог получить лишь от руководства компаний. Речь идет об инструкциях агентам Московской компании, отчетах ее агентов, донесениях, написанных в форме писем компании¹⁶. В III томе своих «Пилигримов» Пэрчес помещает письма капитана Дэвида Мидлтона о его путешествии на о. Ява и о-ва Банда. Письма эти капитан Мидлтон писал правлению компании, что явствует из подзаголовка, данного им Пэрчесом. Так как Пэрчес не отметил, что они достались ему от Р. Хаклюйта, значит можно заключить, что он получил их непосредственно от Ост-Индской компании¹⁷. То же самое можно сказать и о письмах купца Томаса Спэрвея, в которых речь идет о притеснениях, которым подвергаются англичане со стороны голландцев на островах Банда¹⁸. Возможно, Томас Спэрвей написал эти письма по заказу компании или самого С. Пэрчеса, так как в своей публикации Пэрчес отмечает: «Написаны в форме писем Компании». Но так или иначе эти письма оказались у Пэрчеса. Иногда подборка состоит из писем нескольких авторов. Например, в V томе Пэрчес помещает «Письма, написанные в Ост-Индскую компанию в Англию из ее факторий»¹⁹. Сэмюэль Пэрчес

¹⁴ Сандерсон не только путешествовал сам, но среди прочих купцов финансировал экспедицию капитана Джона Девиса 1585 г. Экспедиция должна была обогнуть Северную Америку и найти северо-западный проход в Индию.

¹⁵ Purchas, his Pilgrimes, v. IX, p. 412—487, p. 493—503.

¹⁶ Ibid., v. XIII, p. 205—222, v. XIV, p. 1—91, p. 256—272.

¹⁷ Все, что Пэрчес получил от Хаклюйта, помечено инициалом Н.

¹⁸ Purchas, his Pilgrimes, v. IV, p. 508—535.

¹⁹ Ibid., v. V, p. 137—147.

был непосредственно знаком с губернатором Ост-Индской компании Томасом Смитом. Об этом свидетельствует его примечание к «Наблюдениям» капитана Джона Сэрайса: «...как уверял меня сэр Т. Смит...»²⁰.

Некоторые материалы С. Пэрчес печатал по желанию и, возможно, по настоянию компаний. Когда речь идет об опубликовании документов о событиях на Амбойне, Пэрчес пишет, что «английская Ост-Индская компания считала необходимой подобную публикацию...»²¹. Этот заказ был не случаен. В начале XVII в. уже шла напряженная борьба Англии со своими португальскими и голландскими соперниками за колониальное господство.

Не делал Пэрчес секрета и из того, что Ост-Индская компания оплачивала его труд. Когда вышли «Пилигримы» Пэрчеса, Ост-Индская компания выдала ему 100 ф. ст.²² Есть сведения и о связях С. Пэрчеса с Виргинской компанией²³.

Не удивительно, что публикация Пэрчеса пользовалась большим авторитетом у современников. Достаточно сказать, что в 1626 г. вышло четвертое издание «Странствий», хотя в 1625 г. уже появилось более полное издание «Пилигримов». Ева Тейлор пишет, что даже знаменитые географы отправлялись к Пэрчесу, чтобы познакомиться с ним и с его коллекцией²⁴.

Пэрчесу удалось увидеть и «плоды» своих трудов. Первая половина XVII в.— это время значительной активизации колониальных устремлений английской буржуазии, период развертывания деятельности Ост-Индской, Виргинской и ряда других компаний. Это время вооруженных столкновений за колонии между европейскими государствами и непосредственно в колониях между английскими колонизаторами и туземным населением. Делалось это руками английской буржуазии, но Пэрчес — издатель и пропагандист, оставался далеко не сторонним наблюдателем.

²⁰ Ibid., v. III, p. 503.

²¹ Ibid., v. I, p. 50.

²² Parks G. B. Richard Hakluyt and English Voyages. N.—U., 1930, p. 226.

²³ См.: Яброва М. М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966, с. 22.

²⁴ Taylor E. G. R. The Original Writings and correspondence of the two R. Hakluyts, L., 1935, v. I, p. 64—65. Это объясняется еще и тем, что многие документы «Пилигримов» были своеобразными лотциями для плавающих в дальние страны.

ГУСИТСКИЕ ОТКЛИКИ В ГЕРМАНИИ В ОСВЕЩЕНИИ Ф. БЕЦОЛЬДА

Либеральный немецкий историк второй половины XIX — начала XX веков Фридрих фон Бецольд известен прежде всего как автор «Истории реформации в Германии»¹, занимающей выдающееся место в буржуазной историографии Реформации.

«История реформации» явилась итогом многолетней исследовательской работы и напряженных идейно-методологических исканий историка. Особое место на пути Бецольда к вершине своей научной деятельности занимают его малоизвестные у нас исследования по истории гуситского движения, работа над которыми падает на 70-е годы прошлого века, открывая научную биографию автора «Истории реформации в Германии».

«Гуситские» работы Бецольда, сумевшего глубже, чем кто-либо из его буржуазных предшественников, понять само существо гуситского движения, стали одним из наивысших взлетов буржуазной исторической мысли в освещении истории гуситов. Бецольд первым в буржуазной науке увидел в гуситстве не только религиозное и национально-чешское движение, но и движение социально-политическое, предпринял смелую попытку заглянуть в социальную историю гуситской эпохи.

Бецольд первым в буржуазной науке пришел затем к пониманию Реформации как социальной революции, решительно выступив против господствовавших до конца века представлений о Реформации как явлении чисто религиозном. Размышления над историей гуситского движения стали для историка важнейшим этапом на пути постижения сущности Реформации, ибо, с одной стороны, очевидно глубокое внутреннее родство этих явлений, а, с другой стороны, прийти к пониманию социального содержания гуситского движения буржуазному историку было все же в известной мере легче: в ходе последнего национально-освободительные и антифеодалные мотивы все более и более выдвигались на передний план, оттесняя

¹ Bezold F. Geschichte der deutschen Reformation. Berlin, 1890 (В рус. пер.: Бецольд Ф. История Реформации в Германии. СПб., 1900).

конфессионально-идейную оболочку, чего нельзя сказать о лютеровской реформации.

Наконец, в самой истории гуситской эпохи мы находим проблему, непосредственно связывающую гуситство с германской Реформацией — вопрос о влиянии гуситского движения на Германию, последние всплески которого встречаются с первыми громовыми раскатами восстаний немецкого крестьянства накануне Реформации. Рассмотрению бецольдовской трактовки вопроса о гуситском влиянии на Германию и посвящена настоящая статья.

Проблема гуситских откликов в немецких землях живолюбно дискутировалась в немецкой исторической литературе 50—60-х гг. XIX в. Историки реакционного направления (прежде всего следует назвать имя австрийского профессора К. Хёфлера)² отрицали самую возможность возникновения каких-либо откликов на гуситское движение в Германии, поскольку гуситство для них было только вымышкой национальной ненависти, антинемецким по своей сути движением, замаскированным религиозными лозунгами.

Либеральная немецкая гуситология, зарождение которой относится именно к этому времени, представленная на первых порах работами протестантских историков церкви, исходила из признания всемирно-исторического значения гуситского движения как исторического предшественника Реформации XVI в. Уже Л. Круммель собрал немало неоспоримых свидетельств о проникновении гуситских идей в империю³. Но для него выступлением немецких сторонников гуситов были лишь проявлением симпатий к выдвинутым гуситами церковно-реформационным принципам, нашедшим свое полное развитие в учениях реформаторов XVI в.

По-иному подходит к освещению гуситских откликов в Германии Бецольд. Вопрос о влиянии гуситского движения на империю был для историка, по его признанию, одним из интереснейших в истории гуситской эпохи⁴. Возможность сколько-

² Höfler K. *Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen*. Wien, 1856, 1865—1866. Bd. 1—3; *idem*. Magister Johannes Hus und der Abzug der deutschen Professoren und Studenten aus Prag 1409. Prag, 1864.

³ Krummel L. *Utraquisten und Taboriten*. Gotha, 1871, S. 31, 41; *idem*, Johannes Drändorf, ein Märtyrer des Hussitentums in Deutschland. — In: *Theologische Studien und Kritiken*. Darmstadt, 1869, n. 1.

⁴ Bezold F. *Zur Geschichte des Hussitentums*. Kulturhistorische Studien. München, 1874, S. 113.

нибудь удовлетворительного разрешения этой проблемы Бецольд связывал только с появлением монографического исследования, однако никогда не ставил под сомнение то, что «влияние гуситского движения на Германию, на параллельно идущие духовные битвы было в высшей степени значительным и богатым последствиями»⁵.

Гуситское влияние на Германию Бецольд понимает, с одной стороны, в самом широком смысле слова: историк признает, что гуситские войны глубоко потрясли Империю, обнажили «ужасающую убогость имперского устройства» и дали толчок к появлению идеи имперской реформы, игравшей впоследствии столь важную роль в истории Германии⁶.

Однако Бецольд писал о гуситском влиянии на Германию и в более узком смысле, то есть о воздействии идеологии и практики гуситов на немецкое общество гуситского времени. При этом для Бецольда, в отличие от Круммеля, речь шла не только о влиянии церковно-реформационных требований гуситов на созревшую реформационную идеологию, но и об откликах на социально-политические идеи и практическую деятельность «мятежных чехов». Бецольд уже не мог, подобно тому же Круммелю, писать о влиянии гуситства на немецких христиан безотносительно к их роду и званию, историк ясно представлял себе существенные различия, характеризующие отношение к гуситству в разных слоях немецкого общества гуситского времени.

Весьма обстоятельное освещение находит в работах Бецольда гуситская, а точнее антигуситская, политика феодального класса Германии, видевшего, как пронизательно замечает историк, в чешском движении «смертельную опасность для всего существующего порядка»⁷.

Однако никогда не ускользал от внимания Бецольда и вопрос об откликах на гуситское движение среди немецкого

⁵ *Ibid.*

⁶ Bezold F. *König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten*. München, 1875, Bd. 2, S. 1—2. Историк указывает и на ряд конкретных мер по организации имперского устройства, вызванных к жизни гуситскими войнами, хотя порой явно преувеличивает их значение, считая, например, создание совета девяти (контрольного органа по выполнению имперского постановления 1428 г. о всеобщем налоге на гуситскую войну) попыткой создания имперского правительства (см. *ibid.*, S. 126).

⁷ *Ibid.*, S. 80; Bezold F. *Die «armen Leute» und die deutschen Literatur des späteren Mittelalters*. — In: Bezold F. *Aus Mittelalter und Renaissance*. München und Berlin, 1918, S. 63. (Впервые работа была опубликована в *Historische Zeitschrift*, 1879).

крестьянства и низших слоев горожан, «бедных людей»; где идеи гуситов угнездились еще в первые годы гуситских войн, а к началу 30-х гг. сыграли далеко не последнюю роль в пробуждении цепной реакции народных волнений, прокатившейся по немецким землям. Крупнейшему из последних — восстанию крестьян в округе города Вормса в 1431 г. — посвящено специальное исследование историка⁸.

Привлекая максимально широкий для того времени круг источников и литературы о Вормсском восстании, Бецольд умело реконструирует ход событий, видит за выдвигаемым официальными источниками на первый план поводом (выступлением вормсских крестьян против засилия ростовщиков-евреев) подлинные причины восстания, ставшего первым грозным ответом немецкого крестьянства на наступление феодальной реакции, собирает по крупицам сведения о действиях восставших и жестокой расправе с ними⁹.

Наибольшая научная ценность работы состоит в опубликовании и интересной интерпретации открытых Бецольдом архивных источников — переписки советов верхнерейнских городов, возникшей в связи с восстанием, то есть в новом освещении вопроса об общегерманском значении вормсских событий. Выступая против точки зрения Р. Цёлльнера, полагавшего, что Вормсское восстание «имело чисто локальную природу и было совершенно свободно от всеобщих социальных принципов»¹⁰, Бецольд, опираясь на новые источники, убедительно показывает, что вормсские события вызвали тревогу господствующего класса далеко в округе, привлекли к себе внимание Базельского собора, и приводит к своему главному выводу: «Одно лишь можно сказать с уверенностью — то, что движение связывалось современниками со всеобщим революционным течением, и, прежде всего, с гуситством, и

⁸ Bezold F. Der rheinische Bauernaufstand vom Jahr 1431.— In: Zeitschrift für Geschichte des Oberrheins. Karlsruhe, 1875, Bd. 27, S. 129—149.

⁹ Статья Бецольда и сегодня остается лучшим пособием для знакомства с историей Вормсского восстания. (см.: Озолин А. И. О международном значении чешской крестьянской войны.— *Вопр. истории*, 1955, № 8, с. 68; Ермолаев В. А. Революционное движение в Германии перед Реформацией. Саратов, 1966, с. 8; Bertold B. Städte und Reichsreform in der ersten Hälfte des 15. Jahrhunderts.— In: Städte und Ständestaat. Berlin, 1980, S. 86.

¹⁰ Zöllner R. Zur Vorgeschichte des Bauernkrieges. Dresden, 1872. S. 75.

никоим образом не воспринималось как локальное»¹¹. «Поднятое знамя рейнского крестьянства» было, в оценке Бецольда, знаменем времени, и, притом, совершенно нового времени. «Союзы князей, господ, низшего дворянства, городов, ремесленников Империя видела уже достаточно часто,— продолжает Бецольд.— Теперь же всеобщему примеру и одновременно заманчивому образцу гуситских братьев последовало низшее сословие, «бедные люди», выступившие с лозунгом раздела имущества»¹². Историк видит в крестьянских движениях на Рейне первые самостоятельные выступления низов общества, а в Вормсском восстании — «самый ранний пролог Великой Крестьянской войны», правда, понимаемой как изолированное выступление «бедных людей»¹³.

Крупнейший советский исследователь предреформационной и реформационной Германии М. М. Смирин подчеркивал, что Бецольд ближе, чем другие буржуазные историки, подошел к пониманию характера народных движений на Рейне в 30-е гг. XV в.

Но вместе с тем он указывал, что бецольдовская оценка все же не дает верного представления об их исторической роли: «В условиях кризиса имперской территориальной системы и обострившейся политической оппозиции в городах и рыцарстве антифеодальные выступления крестьянских масс грозили сделаться массовой и объединяющей основой разнородной политической оппозиции, подобно тому, как в Чехии антифеодальная борьба крестьянских масс сделалась основой общенародного движения против империи». И далее: «Перед нами пример, когда буржуазный историк, обративший внимание на выступления народных низов на Рейне в 30-е годы XV века, не мог или не хотел показать их настоящее место в истории»¹⁴.

На наш взгляд, выводы Бецольда едва ли заслуживают столь резкой оценки. Конечно, интересы немецкого бюргерства органически переплетались с интересами крестьянства, более того, успех раннебуржуазной революции в Германии в решающей степени зависел от того, было ли достигнуто проч-

¹¹ Bezold F. Der rheinische Bauernaufstand, S. 135.

¹² Ibid., S. 137.

¹³ Ibid.

¹⁴ Смирин М. М. Революционные отклики гуситских войн в Германии.— *Изв. АН СССР. Сер. истории и философии*, 1951, т. 8, № 4, с. 347; он же. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952, с. 119—120.

**Э. ГАРЭН. ВОЗРОЖДЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИИ.
КУЛЬТУРНЫЕ ТЕЧЕНИЯ XIV—XVIII вв. Рим — Бари, 1975**

(Garin E. Rinascimenti e rivoluzioni. Movimenti culturali dal XIV a XVIII secoli. Roma-Bari, 1975.)

Тем, кто интересуется вопросами истории итальянского Возрождения и ренессансного гуманизма, нет необходимости представлять автора рецензируемой книги. Эудженио Гарэн (р. 1909), преподаватель Высшей нормальной школы в Пизе — ветеран итальянской исторической науки. Такие его труды, как «Итальянский гуманизм» (1952), «Средние века и Возрождение» (1954), «История итальянской философии» (1966), «Культура Возрождения» (1967), относятся к числу лучших по этой проблематике. В своих работах Э. Гарэн выступает с прогрессивных позиций новой итальянской школы ренессансистов. В литературе не раз отмечалась идейная близость этой школы к марксистскому пониманию истории.

Рассматриваемая работа Гарэна — книга очерков, охватывающих в совокупности весьма широкий круг исторических вопросов. Все эти вопросы связаны с изучением «величайшего прогрессивного переворота из всех, пережитых до того времени человечеством», как называл Возрождение Ф. Энгельс (на которого Гарэн прямо ссылается в этой книге), и объединены постановкой проблемы, которая снова и снова возникает в научной литературе: что же такое Возрождение? Осознанное обновление итальянской культуры или миф эрудитов, надуманная идеологическая система, кое-как адаптированная к данному времени? Адекватно ли Возрождение в понимании Кола ди Риенцо и Петрарки представлениям флорентийских платоников-герметистов XV в.? Как свести воедино антифеодальную, антицерковную полемику XIV—XV вв., «возрождение искусств» Джорджо Вазари и новизну идей Кампанеллы и Вико? Полемически заострив проблему, Гарэн в своей книге ищет путей научно обоснованного ее решения, что должно содействовать более глубокому пониманию ряда сложных и спорных вопросов истории гуманистической идеологии и науки.

Книга состоит из десяти очерков с приложениями. Очерки расположены в хронологическом порядке и охватывают внушительный временной промежуток — с XII до XVIII в. Не-

ное объединение антифеодальных сил. Объективно союз немецкого бюргерства и крестьянства был возможен и даже необходим. Прямо Бецольд об этом не говорит, но отсюда еще нельзя делать вывод о том, что такая мысль у историка не возникала¹⁵. Ведь Бецольд писал об исторической реальности, а она, как известно, не принесла с собой осуществления этой возможности. Именно вопиющая сословная и даже внутрисословная разобщенность явилась главной причиной поражения раннебуржуазной революции. «...Каждое сословие, — писал Ф. Энгельс, — оказывалось в оппозиции к определяемому обстановкой направлению национального развития, протесовало свое движение на свой страх и риск, приходило вследствие этого в столкновение не только с консервативными, но и со всеми остальными оппозиционными сословиями и в конце концов должно было потерпеть поражение»¹⁶. Следует учесть, что эта характеристика относится к немецкому обществу периода Реформации, когда с большим трудом и лишь приблизительно, «несовершенно» оформились три группировки сословий, о возникновении которых ранее не могло быть и речи¹⁷.

Работы Бецольда дают немало для понимания этой паразитической разобщенности сословий в Германии накануне Реформации, и уже в этом, по нашему мнению, состоит одно из их достоинств.

Самое же главное: в событиях на Рейне в 30-е гг. XV в. Ф. Бецольд сумел разглядеть начало освободительной борьбы «низшего сословия» — крестьянства, отметил связь этой борьбы с гуситским движением, ее революционность и общенациональное для Германии значение.

¹⁵ Достаточно вспомнить его убежденность в благотворности объединения антифеодальной борьбы крестьянско-плебейского лагеря и бюргерской оппозиции в гуситской Чехии (См. например: Bezold F. König Sigmund, Bd. 1, S. 28).

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 435.

¹⁷ Там же, с. 358—359, 435.

большое авторское предисловие включает в себе постановку проблемы и весьма важно для понимания идейной направленности трудов Гарэна в целом. В нем автор полемизирует с авторитетным американским историком П. О. Кристеллером, утверждающим, что термин «Возрождение», в не меньшей степени чем «революция», способен нести, в зависимости от эпохи, в корне различную, даже противоположную смысловую нагрузку. Далее Гарэн очерчивает задачи работы, которые заключаются в исследовании происхождения, развития, воплощения в жизнь фундаментального обновления культурной жизни, называемого Возрождением.

В первом очерке, — «Темные века и Возрождение; проблема грани», — автор обращается к работам талантливого американского философа и историка У. К. Фергюссона (выходившим в 40-е г. нашего века), который утверждал, что разница между Средневековьем и Возрождением не в количестве известных античных текстов, а в том, для чего их изучали, — именно это дает возможность ощутить духовную грань между двумя эпохами. Соглашаясь с Фергюссоном, Гарэн подчеркивает, что критика средневековой культуры гуманистами не может быть сведена к литературно-исторической дискуссии, но представляет собою полемику против общей концепции, против низведения философии до функции логики, против схоластической постановки проблем человека и общества и соотношения морали и естественных наук, против гегемонистских притязаний «физики» (под которой подразумевалась сорбоннская схоластика). Именно в связи с этим начатая Петраркой дискуссия против «современников», точнее, против «современных софистов», трансформируется в программу, в которой античная мудрость и ее возрождение становится универсальным идеалом. К этому очерку приложен краткий источниковедческий комментарий к истории появления и применения термина «Возрождение» у Джорджо Вазари.

Во втором очерке — «Данте и Петрарка между древностью и современностью» — Гарэн интересно развивает те же положения на более широком материале и приходит к выводу, что в дискуссии с «современниками» Данте также следует считать сторонником «античности», ибо, принимая некоторые идеи Фомы Аквинского и Бонавентуры, Сигера Брабантского и Аверроэса, он оценивает их достижения лишь как единичные результаты по частным проблемам. В целом же, интересуясь прежде всего земной моралью и политикой, Данте создает концепции и утопии уже в духе гуманизма. В равной

степени это относится и к Петрарке. Обоих волнуют проблемы мира людей, на которые невозможно получить ответ, определенное количество божественной благодати. Интерес к внутреннему миру человека и смыслу человеческой истории противопоставляется дегуманизирующей схоластике британских логиков и парижских «физиков».

Третий очерк — «Возрождение Плотина» — трактует вопрос о значении для итальянских гуманистов открытия Джованни Ауриспой сочинений Плотина среди манускриптов, привезенных им из Византии в 1424 г. Гарэн показывает, что для развития платонической философии XV века труды Фичино имели большее значение, чем знакомство с подлинными текстами виднейшего платоника. К этому очерку примыкает небольшое приложение, в котором Гарэн, отталкиваясь от источников, ставит под сомнение спиритуалистический характер платонизма XV в. как реакции против натуралистического аристотелизма. В другом приложении опубликованы отрывки из малоизвестного политического трактата Аргиропуло, где с платонических позиций доказываются преимущества республиканского правления.

Под новым, необычным углом зрения рассматривает автор в четвертом очерке столь популярную фигуру, как Л. Б. Альберти. Подчеркивая его универсальность как мыслителя, высоко оценивая значение его трудов для развития гуманизма, Гарэн в то же время отмечает противоречивость, неоднозначность его творчества: от гротескности «Момуса» через умеренный стоицизм «Теоджецио» Альберти, по мнению Гарэна, приходит к идее абсурдности бытия и философской необходимости смерти, к представлению о человеке, стремящемся поработить других и идущем к саморазрушению личности, когда человек человеку — волк. Таким образом, Гарэнова концепция «антиномий мышления Альберти» существенно отличается от сложившихся в литературе представлений. Приложения к очерку посвящены исследованию темы смерти в творчестве Альберти и одному малоизвестному диалогу. Все это несомненно будет способствовать дальнейшему осмыслению противоречий гуманистической идеологии Ренессанса и ее эволюции на протяжении XV в.

Следующий очерк посвящен лицу гораздо менее известному — Филиппо Бераальдо-Старшему, болонскому гуманисту, эрудиту-филологу XV в. Гарэн изучает его связи с университетскими эрудитами заальпийской Европы, его «сократическую» философию и участие в гуманистических дискуссиях

того времени. Очерк возмещает известный пробел в изучении наследия деятелей периферийных центров гуманизма. В качестве приложения к очерку напечатано латинское письмо Эрмолао Барбаро к Бериальдо, хранящееся в Праге.

Шестой очерк — «Итальянские корни Эразма» — посвящен переключке идей в творчестве Эразма Роттердамского двух Пико — Джованни Пико делла Мирандола и Джанфранческо Пико, а также Лоренцо Валлы. Значительную ценность очерку придает краткое, но весьма интересное историографическое введение, посвященное итальянскому эразмианству.

Интересен седьмой очерк — «Леонардо да Винчи и идеальный город». На материалах Атлантического кодекса и некоторых других рукописей Леонардо Гарэн показывает великого художника и инженера как творца теории идеального города, в котором, в отличие от городов, унаследованных от феодальной эпохи, люди не собраны в «козьи стада» и не отрезаны от природы городскими стенами.

Восьмой и девятый очерки — «Коперниканская революция...» и «Возрождение и революция в науке» — по содержанию тесно связаны между собой, хотя первый посвящен взаимовлиянию Коперника и итальянских ученых-гуманистов, а второй носит историографический характер и анализирует истолкование в современной научной литературе переворота XVI в. в естествознании. Однако задача этих очерков общая: исследование взаимосвязи между достижениями гуманизма и естественнонаучными открытиями. Так, автор подчеркивает значение, которое для Коперника имели, с одной стороны, открытые гуманистами рукописи великих греческих ученых, а с другой, — элементы новой космологии у Николая Кузанского и Фичино. По мнению Гарэна, правы те современные исследователи, которые находят корни Возрождения в культурном перевороте, отвергнувшем средневековую науку и философию, а «научную революцию» XVI в. выводят от корней новой философии Возрождения.

Несколько особняком стоит последний, десятый очерк — «Об открытии «разницы»: американские дикари и китайские мудрецы». Рассматривая вопрос о влиянии географических открытий на гуманистически образованных европейских ученых, очерк этот хронологически выходит за рамки собственно Возрождения и затрагивает некоторые проблемы европейской культуры эпохи Просвещения.

Таким образом, в данной книге, как и в других своих рабо-

тах, Гарэн отстаивает понимание Возрождения как уникального историко-культурного явления, базировавшегося на раннекапиталистических отношениях и последовательно направленного против старого феодально-церковного мировоззрения. При этом автор не отвергает сложности, многозначности и противоречивости Возрождения, но все это не отменяет для Гарэна главного — сознания революционности передового мировоззрения исследуемой эпохи.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Видный советский медиевист (к 70-летию С. М. Стама). <i>Н. И. Десяткина, Т. М. Негуляева</i>	5
<i>Курбатов Г. Л.</i> (Ленинград). От позднеантичного к раннесредневековому городу в Византии (некоторые сопоставления)	27
<i>Карпачева М. Е.</i> (Саратов). Борьба горожан Каркассона против инквизиции в конце XIII века	37
<i>Краснова И. А.</i> (Ставрополь). Отношение флорентийского пополаства XIV—XV веков к феодальной среде	46
<i>Десяткина Н. И.</i> (Саратов). Петрарка о воспитании правителя (по письму к Никколо Аччайоли)	58
<i>Ревякина Н. В.</i> (Иваново). Физическое воспитание в итальянской гуманистической педагогике Возрождения.	66
<i>Стам С. М.</i> (Саратов). Проблема соотношения земного и небесного в зрелом творчестве Рафаэля («Св. Цецилия»)	74
<i>Озолин А. И.</i> (Саратов). Города и развитие чешско-германских связей в XIV—начале XV веков	98
<i>Яброва М. М.</i> (Саратов). Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века (семья Сели)	105
<i>Подаяк Н. Г.</i> (Киев). Борьба горожан Ростка против герцогов мекленбургских на рубеже XV—XVI веков	116
<i>Никулина Т. С.</i> (Куйбышев). Имущественная дифференциация в Любеке во второй половине XV—первой половине XVI века	126
<i>Молдавская М. А.</i> (Донецк). Положение городской бедноты в Руане в первой половине XVI века	134
<i>Ролова А. Д.</i> (Рига). Личное участие тосканских великих герцогов в деловой жизни (вторая половина XVI—начало XVII в.)	144

СООБЩЕНИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

<i>Салодкова Л. И.</i> (Ульяновск). К вопросу о складывании сеньориального режима в средневековом Кельне (IX—XI вв.)	152
<i>Мосолкина Т. В.</i> (Саратов). Пропагандистская деятельность С. Пэрчеса и английское купечество первой трети XVII века	157
<i>Галямичев А. Н.</i> (Саратов). Гуситские отклики в Германии в освещении Ф. Бецоляда	163
<i>Постников В. А.</i> (Москва). Э. Гарэн. Возрождения и революции. Культурные течения XIV—XVIII веков. Рим — Бари, 1975.	169

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Межвузовский научный сборник

Выпуск восьмой

Вопросы экономической и социальной истории, классовой борьбы, культурного и идейного развития в средневековых городах Франции, Италии, Англии, Германии, Чехии XIII—начала XVII века

Редактор *И. М. Овчарова*
Обложка художника *П. И. Карчевского*
Технический редактор *Л. В. Агальцова*
Корректор *Л. И. Зильбер*

ИБ № 2117

Сдано в набор 12.06.85. Подписано к печати 20.03.87. ПГ22990. Формат 60×84/16.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л.
10,23 (11). Уч.-изд. л. 10,6. Тираж 1000. Заказ 50. Цена 1 р. 40 к.

Издательство Саратовского университета. 410601, Саратов, ул. Университетская, 42.
Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Саратовского облисполкома. 410600, Саратов, пр. Кирова, 27.

1 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА